

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

9

1984

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

9

1984

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

М. Болховской*

ДИАЛЕКТИКА И ДЕМОКРАТИЯ

Предисловие

Говорят: век атома. Говорят: век космоса.

Антропос! — говорил еще Человек в футляре.

Мы живем на перекрестке. Путь «из варяг в греки», а перпендикулярно ему — Невская перспектива, незаметно переходящая в сибирский тракт, на нем же «ветер с востока довлеет над ветром с запада».

Философствовать на таком сквозняке — опасно: «Как бы чего не вышло?» У меня скромная задача — уточнить перевод двух греческих слов на варяжско-татарский: *диалектики* и *демократии*.

От точности перевода в данном случае, по-моему, зависит многое, в частности и то, удастся ли нам из атомов, как кирпичиков, сложить мироздание, которое было бы на самом деле космосом, а не хаосом? станет ли антропогенный пейзаж цветущим садом или пустыней?

Обращаюсь к словарю Даля.

Диалектика — это «умословие, логика на деле, в прении, наука правильного рассуждения; по злоупотреблению, искусство убедительного пустословия» («Толковый словарь...», т. 1, стр. 439).

Увы, великорусский язык Даля — мертвый язык, как и древнегреческий. Ну, а в вечно живом варяжско-татарском

* М. Болховской — автор многих самиздатских работ, некоторые из которых были опубликованы в журналах «Синтаксис», «СССР: внутренние противоречия», «22», «Форум».

канцелярите чем является диалектика — наукой правильного рассуждения или искусством пустословия?

«Философский словарь» под редакцией Юдина и Розенталя:

«Диалектика... — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления» (стр. 98). Иначе говоря, это — *наука обо всем*. Ясно, что слово «наука» здесь употреблено не к месту. «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное» — советовал еще Козьма Прутков. Мы ограничимся признанием диалектики искусством — в этом и только в этом смысле употребляется это слово в официальных документах на нашем продуваемом перекрестке.

А демократия?

«...Народовластие, мироуправство, народодержавие», — подыскивал Даль словесный эквивалент понятию, возвращенному в мягком климате средиземноморской цивилизации. Даль сознавал противоположность демократии таким доморощенным терминам как «самодержавие, единодержавие, боярщина» (т. 1, стр. 427).

У нас в 20-ые годы употребляли выражение «самодержавие народа», сейчас говорят: «общенародное государство».

Быть может, моим согражданам будет интересно узнать, как осмысливались слова «диалектика» и «демократия» в ином культурно-историческом контексте, а именно у себя на родине.

За мной, читатель, — туда, где два с половиной тысячелетия назад, как лягушки на берегу пруда, обитали древние пластические греки, на побережье Эгейского моря!

1. Полис — колыбель демократии и диалектики

Там и тогда родилось противопоставление политики и идиотизма. Если ты в курсе всего, что происходит в городе и мире, ты — политик. Если, напротив, ничего не хочешь знать и счастлив в своей Аркадии, ты — идиот. Такова этимология. Идея о суетности политического мышления и о блаженной мудрости идиотизма появится на белый свет позже и в не столь благословенном краю.

Грек, гражданин полиса, был мастеровым, мореплавателем, торговцем, художником и философом. Его гений оплодотворил европейскую культуру, выделив как высшую ценность индивидуальную свободу.

Но разве не была эта свобода — свобода для немногих — куплена ценой рабства для большинства?

Свободу нельзя купить ценой рабства.

Когда рабский труд вытеснит свободный труд, когда граждане полиса из производителей превратятся в потребителей, умрет и гражданская свобода. Умрет в Греции, умрет и в Риме. Торжество рабовладельчества в экономике обернется политической деградацией античного мира: демократии и республики уступят место цезаризму и диктатуре люмпен-пролетариата, вопящего: «*rapem et circenses!*»

Но демократия как политическая система маленьких городов-государств возникла до того, как применение рабского труда дало свои печальные плоды.

Экономическим базисом полисной демократии было товарное производство. Недаром агора в Афинах служила рынком с утра и парламентом после обеда. Если бы там и тогда в борьбе за власть победили не предприимчивые и корыстолюбивые политиканы, а благородные идиоты, у которых, кстати, было не меньше рабов, Древняя Греция, возможно, вписалась бы в общую схему развития, характерную для восточных стран — от Египта до Китая. Сначала первобытный коммунизм, потом восточная деспотия, нечто среднее между рабовладением и крепостничеством с сохранением «аграрной коммуны» внизу и власти «знатных» в верхах... и так из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, пока проклятый колониализм буржуазных наций не нарушит извне безмятежный покой этого традиционного общества.

К счастью, Элладе была уготована иная судьба.

Грек, гражданин полиса, располагал не только негативной свободой, (от ярма рабства, от пут круговой поруки), но и позитивной свободой, т. е. правом участия в делах государства-города. И это участие выражалось прежде всего в *публичном слове*, в искусстве говорить, утверждая, опровергая, убеждая и доказывая. Ораторское красноречие греков не следует путать с верноподданной велеречивостью их восточных соседей. Последняя могла подняться до поэти-

ческих красот, оставаясь все же виньеткой, способом подзолотить, но не изменить суровую «государственную мудрость» азиатских деспотов.

Слово у греков — это Логос. Его назначение не скрывать, а раскрывать смысл, поднимая частное мнение того или иного гражданина до общезначимого политического мышления. От Тезиса через Антитезис к Синтезу.

Как деньги, этот всеобщий товар, выделяются на рынке среди прочих товаров, облегчая их обмен, так в бурной речевой стихии Эллады кристаллизуется *логика противоречий, диалектика*.

Между диалектикой как способом мышления и демократией как образцом жизни существует нерасторжимая генетическая связь, а общей «почвой» породившей их, была торговая площадь.

Тут и крестьянин с плодами своей земли, и ремесленник с изделиями своих рук. «Третий в их союзе» — купец, отважный мореплаватель, меняла и маклер.

Обмениваясь товарами, они обмениваются идеями. Предрассудки, коренящиеся в пережитках родового строя, сталкиваются с доводами рассудка, идиллический идиотизм и устойчивая нравственность с политическим прагматизмом. И когда оливки, ячмень и вино превращаются в мотыги, треножники, амфоры и статуэтки богов, когда деньги в любой момент могут стать и тем и этим, творец и созерцатель подобных метаморфоз, автор рекламных экспромтов, сочинитель и передатчик базарных слухов становится мыслителем.

Не об этом ли говорят известные фрагменты Гераклита?

«То, изменившись, есть это, а это, изменившись, есть то.

На огонь обменивается все, и огонь — на все, как на золото товары и на товары — золото.

Солнце не перейдет своей меры, иначе его настигли бы эринии, помощницы правды.

Всем людям свойственно познавать себя и мыслить.»

Печать какого способа производства и какого образа жизни несут на себе афоризмы Гераклита?

Очевидна печать рынка, товарного способа производства.

Тем не менее в нашей философской литературе как

аксиома принято положение о рабовладельческом характере диалектики греков.

Вот, например, мнение А. Лосева, автора «Истории античной эстетики». Вся античная цивилизация, вся культура ее, культура классической Греции в частности, обусловлена отношениями между рабовладельцем и рабом.

Лосев, правда, оговаривается:

«Что в VII веке до н. э. в связи с развитием городской жизни в Греции выступает демократия, что последняя успешно борется с аристократией, что она создает некоторые элементы торгово-промышленного хозяйства, что выступающая здесь на основе социально-экономического подъема личность произвела свою революцию.., — отрицать все это нет никаких оснований» (М-63, стр. 65).

Более того, автор «Истории античной эстетики» возражает против необоснованных преувеличений количества рабов в Греции: «Следует признать, что мы совершенно не знаем, сколько было свободных, сколько рабов» (стр. 70).

Но на общую концепцию Лосева эти его оговорки никак не влияют.

«...вещевизм, производственно-технический вещевизм и телесность — вот тот метод конструирования всего античного мировоззрения, способ построения религии, философии, искусства, науки и всей общественно-политической жизни» (стр. 36).

«Античная пластика... вещественно-телесное понимание жизни... — самый прямой и самый необходимый результат рабовладельческой формации» (стр. 51).

«Судьба, скульптурный стиль и рабство — это один и тот же принцип, только данный в разных аспектах» (стр. 55).

Я согласен с тем, что развившееся рабовладельчество определило греческую культуру, т. е. поставило ей исторический предел, в конце концов убило ее. Но в *предопределе- ние* а Іá Лосев я не верю.

Попробуем без прафеномена рабовладельчества рассмотреть те явления, о которых пишет А. Лосев.

«Вещевизм и телесность», говорит он. «Реализм», — скажем. Разве не естественно и не нормально, что герои эллинского эпоса, как смертные, так и бессмертные, были

людьми во плоти? Разве не естественно и не нормально, что в философии у греков, особенно в первый период, преобладали стихийно-материалистические тенденции?

«Греки были нормальными детьми», — писал еще Маркс.

«Вера в судьбу», — говорит Лосев. Ну, во-первых, греческая трагедия показывает нам не только власть рока, но и человеческое достоинство в борьбе с ним, во-вторых, где и когда — при какой формации — человек мог бы похвастать полной независимостью от сил природы или стоящих над ним социальных сил? Прафеномен рабовладельчества и здесь не обязателен.

Концепция Лосева, хотя он и является официальным представителем марксизма в области античной культуры, больше напоминает морфологию О. Шпенглера, чем точку зрения самого Маркса на исторические корни этой культуры.

В I-ом томе «Капитала» можно прочесть:

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» (т. 23, стр. 346).

В духе Маркса объясняет феномен греческой классики М. Лифшиц:

«Греки были первым народом, которому *частная собственность и освобождение личности* от уз кровного родства, — пишет он, были известны не как исключение, но как правило... Развитие промышленности и торговли... революционизировало сознание... и создало почву для расцвета искусства («К. Маркс. Искусство и общественный идеал». М-72, стр. 272).

Для расцвета искусства, науки и философии!

Диалектический способ мышления — следствие демократического образа жизни, а демократический образ жизни, в свою очередь, — следствие временного (увы, кратковременного!) преобладания в экономике товарно-денежных отношений между независимыми производителями.

Но почему все же у нас принято в рабстве, а не в свободе видеть причину взлета эллинской культуры?

Да потому, что авторы книг о древней Греции сами живут в обстановке, где лучше оказаться апологетом рабства (принудительного труда), чем прослыть «защитником вольности и права», да еще идеологом единоличников и кустарей-одинок!

Говоря о генетическом родстве демократии и диалектики, я, конечно, не упускаю из вида тот факт, что творцами диалектики могли быть и бывали сторонники аристократической партии. Тот же Гераклит, например, или Платон, в «Диалогах» которого систематизирована логика противоречий, а в политических взглядах сквозит мечта о деспотическом кастовом строе.

Полисная демократия — это известно всем — родилась в борьбе между демосом (мелкими частными собственниками) и эвпатридами («лучшими людьми», партией, хранившей традиции родового строя, его нравы и предрассудки). Но не всем еще понятно, что эта демократия функционировала как демократия в той мере, в какой продолжалась внутри нее партийная борьба, пока наряду с правящим большинством сохранялось оппозиционное меньшинство, пока гражданин на самом деле выбирал между различными, иногда противоположными предложениями. Не только Сцилла деспотизма, но и Харибда тирании угрожала хрупкой структуре полиса. Суть демократии заключалась в лавировании, в изменениях курса, в возможности критиковать кормчих и добиваться их смены.

Между демократическим правительством и аристократической оппозицией в таких условиях возникло своеобразное разделение труда: имущие власть действовали, оппозиционеры теоретизировали. Причем, действия иногда приносили вред демократической системе, а теоретические изыскания объективно шли на пользу. Во всяком случае, как бы Гераклит ни враждовал с демократическим большинством его родного Эфеса, ЛОГИКА ПРОТИВОРЕЧИЙ в его голове была отражением политической системы, не исключающей, а предполагающей альтернативные решения.

Платон мог предпочитать «просвещенный деспотизм» афинским порядкам, но он не мог бы, живи он не в Афинах, а

при дворе самого просвещенного из деспотов, представить себе ситуацию, свидетелем и протоколистом которой ему довелось быть: СЫН ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ НА ПЛОЩАДИ ПОМОГАЛ В СПОРАХ РОЖДАТЬСЯ ИСТИНЕ.

Платон нам мил (со всеми его аристократическими предрассудками), но истина милее.

Сократ смертен, но логика противоречий, которую пытались устранить в его лице поборники тирании, считавшие себя защитниками демократии, пережила своих гонителей.

Сократ... да полно: был ли Сократ?

Чаша из-под цыкуты как вещественное доказательство утеряна, а свидетельствам Платона, Ксенофонта, Аристофана и пр. верить нельзя: они противоречат друг другу.

Не было Сократа из Афин, как не было Иисуса из Назарета. Была рабовладельческая формация, а все прочее — миф.

Миф, например, — афинская демократия, во времена которой будто бы жил Сократ. «О каком самодержавии народа можно было говорить, если 75% населения состояло из бесправных рабов?» — вопрошает А. Деборин («Социально-политические учения нового времени». М-58, т. 1, стр. 51). Не было демократии!

Миф — Сократ. А. Лосев, который, в отличие от Деборина, не знает, сколько было в Греции свободных, сколько рабов, *знает* зато, что «рабовладельческая формация не знает (!) личности в смысле социальном и историческом» («История античной эстетики», стр. 60).

Сократ — личность во всех смыслах, следовательно, его не было.

Курносый, пузатый, лысый, в потертом плаще... Внешность фавна, иронический склад ума и святая вера в единство правды-истины и правды-справедливости... — такого не выдумаешь нарочно, даже если ты древний пластический грек. Да вот и А. Боннар, автор знаменитой «Греческой цивилизации», верит в реальность Сократа. Мало того, его судьба представляется Боннару поворотным пунктом в истории полисного народовластия.

«Сократ объявлен виновным 281 голосом против 220. Народ проиграл.» (т. 2, стр. 303, М.-59).

Действительно, проиграла демократия, хотя был выведен из игры тот, кто *противоречил общему мнению*.

Молодой Маркс назовет Сократа демиургом философии (мастером, ремесленником!).

Сократ не проповедовал, а вопрошал, не наставлял, как думать и жить, а «сворачивал» с наезженной колеи «провокационными вопросами».

Сократовская ирония, по Марксу — «диалектическая ловушка, при посредстве которой обыденный здравый смысл оказывается вынужденным выйти из всяческого своего окостенения и дойти... до имманентной ему самому истины... Эта ирония есть не что иное, как форма, свойственная философии в ее субъективном отношении к обыденному сознанию» («Из ранних произведений», стр. 198).

Отношение философии к обыденному сознанию может, конечно, принять форму духовного аристократизма, «пафоса дистанции» (Ницше), благодаря чему устанавливается непреодолимая граница между «царством частной мысли» и рассудком любого-каждого.

Но Сократ именно здесь был безусловным демократом. Если уже Гераклит утверждал, что «мышление свойственно каждому» и вместе с тем *возможность* просвещения, то Сократ только то и делал, что рассеивал тьму блеском иронии, не одаривал сверху царственными истинами, а пробуждал вопросами самостоятельное мышление оппонентов.

Можно подсчитать, какой процент учеников Сократа примыкал к аристократической, а какой к демократической партии, можно привести его высказывания (в «Диалогах» Платона их достаточно) против тех или иных институтов демократии; можно, напротив, сослаться на социальное происхождение и положение Сократа, на то, наконец, что даже в предельной ситуации, не смотря на просьбы учеников, желавших устроить ему побег, он не считал возможным нарушить законы полиса... Так или иначе, рационалист-просветитель и диссидент Сократ был живым носителем демократических принципов, в то время как партия Анита и К^е, преследовавшая свободомыслие, сама подрывала основы той политической системы, которую была намерена защищать.

Диалектика без демократии — схоластика, «искусство убедительного пустословия». Демократия без диалектики —

«это самодержавие народа», «общенародное государство», — что угодно, только не демократия.

Смерть Сократа — конец расцвета эллинской диалектики, собирать и систематизировать ее плоды выпало на долю мыслителям, жившим в принципиально иную эпоху.

По мере того как труд рабов вытеснял демиургов из производственной сферы, превращая их в люмпен-пролетариат, живущий подачками от государства, деградировала политическая структура эллинских городов-государств. Платон еще мечтал о деспотизме, Аристотель уже был придворным педагогом у македонских монархов, подчинивших Грецию.

Аристотель...

Маркс в «Капитале» назовет его «великим исследователем», который впервые анализировал «форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными и естественными формами» (т. 23, стр. 68).

«Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит... это отношение равенства» (там же, стр. 70).

Взгляд на Аристотеля как на экономиста может вызвать недоумение: почему не фигуры силлогизма, не идеи, содержащиеся в «Физике» и «Метафизике», а проблема стоимости приковала наше внимание? Автор «Капитала» занят был критикой политической экономии — его позиция понятна. Но нам-то зачем марксистская узость?

Тот, кто считает базисом греческой культуры лишь отношение «рабовладелец — раб», конечно, не будет задерживаться на такой мелочи как проблема стоимости. Ему достаточно сослаться на отделение умственного труда (удел рабовладельцев) от физического (привилегия рабов), а затем рассматривать филиацию идей так же, как это делал любой идеалист — без оглядки на социальную обусловленность царства мысли.

Но если базисом демократии и диалектики является, как мы думаем, товарное производство, в таком случае проблема стоимости оказывается ключом к тому, как будут решаться и другие проблемы.

Еще Гераклит говорил как об общеизвестном о превращении товаров в золото и золота в товары.

Аристотель подходит к делу как специалист:

«5 лож = 1 дому ... не отличается от ... 5 лож = такому-то количеству денег...

Обмен не может иметь место без равенства, а равенство — без соизмеримости...

Однако в действительности невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы».

Это равенство является, — делает вывод Аристотель, — «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности» (цит. по «Капиталу» т. 23, стр. 69).

Торжество рабовладения и монархизма не позволили Аристотелю осмыслить до конца *урок эгалитаризма*, преподанный первым опытом рыночной экономики. Неравенство кажется ему естественным, и, естественно, что равенство, без которого невозможен обмен, представляется ему «искусственным приемом».

Но именно равенство независимых товаропроизводителей на рынке имело следствием правовое равенство граждан и систему полисной демократии. Поэтому для Аристотеля демократия тоже — «искусственный прием» в политике, и не самый искусный.

Аристотель верно фиксировал противоречие: 1 (теза) «Обмен не может иметь место без равенства ... без соизмеримости». 2 (антитеза) «Однако ... невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы» Тезис: $A = \text{не } A$, антитеза: $A \neq \text{не } A$. Но фиксированное противоречие не «ведет вперед», мысль останавливается на произвольно-однозначном решении, формальный закон тождества торжествует победу над идеей единства противоположностей.

Теперь посмотрим, как представлял себе Аристотель оптимальный вариант государственного устройства:

«Наилучшее государственное общение — то общение, которое достигается через посредство среднего элемента; и те государства имеют наилучший строй, где он пользуется большим значением сравнительно с обоими крайними элементами или, по крайней мере, сильнее каждого из них, в отдельности взятого...» Итак, очевидно, «средняя форма государственного строя есть форма идеальная, ибо только

она не ведет к партийной борьбе; там, где средний элемент многочислен, всего реже партийные распри и раздоры. И крупные государства по той же самой причине — именно потому, что в них многочислен средний элемент — менее страдают от партийной борьбы; в небольших же государствах население легче разбивается на две партии, так что между ними не остается места для среднего элемента» («Политика», М-1911, стр. 180-181).

Оптимальная политическая структура мыслится Аристотелем как *статичная*, а не *динамичная* система. Равновесие, исключение противоречий, благодаря среднему элементу, а не механизм партийной борьбы — его идеал. Соответственно и в философии *логика противоречий* подменяется *логикой, исключающей противоречия*. «Все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен». $A=A$, тем же, кто претендует на инакомыслие чаша с цикутой, крест и костер.

Полисная демократия была раздавлена империализмом, диалектика — метафизикой. Там, где прежде звучала полифония, где многообразие точек зрения считалось нормой, на пьедестал почета был возведен Полифем, одноглазый циклоп-людоед с «единственно правильной точкой зрения на вещи».

Никто не мог просветить Полифема. Даже Улисс, «муж преисполненный козней различных и умных советов», бессилен был перед ним, пока не лишил этого сверхчеловека «единственно правильной точки зрения»...

Печален конец Древнего Мира! Если бы история на нем прекратила течение свое, она бы заслуживала названия «повести без начала и конца, рассказанной каким-то идиотом».

Но за мной, читатель! Как ни устойчив и ни долговечен идиотизм, выдаваемый за идеальную форму политического устройства, настанет и его смертный час. Если Древняя Греция — колыбель демократии и диалектики, то буржуазная цивилизация Европы — их школа. Приготовительные классы средних веков, экзамены революций и аттестат зрелости — в будущем.

2. Мещанство — бюргерство — буржуазия.

Там и тогда — полис.

Здесь и теперь — бург.

За крепостной стеной, как на острове среди океана натурального идиотизма, непоседливый, горластый, продувной элемент образовывал то, что мы называем мещанством.

Мещанин в точном смысле этого слова — недоразвившийся бюргег, также как бюргер — недоразвившийся буржуа. И промышленный пролетарий, выступивший в середине XIX века против промышленных буржуа — капиталистов, — опять-таки мещанский сын, наследник духовных традиций мещанско-бюргерско-буржуазной цивилизации.

Когда патетически противопоставляют мещанство гражданственности, забывают, что противопоставляют гусеницу бабочке. Когда восхищаются рыцарством и презирают мещанство вообще, воспаряют высоко в абстрактном романтизме, который, однако, здесь на земле оборачивается разнуздыванием далеко не благородных страстей. Вспомним гоголевского «лыцаря» Тараса Бульбу и рядом с ним Янкеля, «местечкового жида».

Культ воинственной дородности и презрение к худосочному торгашу, стоит им просочиться из книг в жизнь, дают благословение если не погромам с их кровью и грязью, то «идейному» антисемитизму.

«Идейный» антисемитизм ненавидит еврейство так же, как Горький мещанство. Оба исходят из такого неверифицируемого понятия как «дух». Дух торгашества!

Но если мещанство — воплощение этого злого духа, то почему местечковое еврейство — не зло?

Антимещанский стереотип приближает нас к национал-«социалистическим» мифам. В прошлом веке достаточно махнуть рукой: «Социализм дураков!» Сегодня мы знаем, насколько опасна эта заразная глупость.

Постараемся рассмотреть мещанство исторически — без «благородных» предрассудков и политического высокомерия. (Так называемая гражданственность, противопоставляемая мещанству, порой не что иное, как бюрократическое презрение к заботам и нуждам обычного человека).

Благодаря М. Бахтину, по крайней мере одна привлека-

тельная сторона в образе жизни средневекового мещанства явлена нам — карнавал. При желании можно разглядеть в нем, как в зеркале, и серьезные стороны социального бытия: иерархию ценностей, связанную с церковной и светской властью, разветвленную цеховую организацию, а главное — первые попытки городского *самоуправления*.

«Одним из обязательных моментов народно-праздничного веселья, — пишет Бахтин, — было переодевание, то есть обновление одежд и своего социального образа. Ритуал и образы праздника стремились разыграть как бы само время, умерщвляющее и рождающее одновременно, переплавляющее старое в новое, не дающее ничему увековечиться. Время и грат и смеется. Это — *играющий мальчик Гераклита*, которому принадлежит высшая власть во вселенной». («Творчество Ф. Рабле», М-65, стр. 92).

Обратите внимание: играющий мальчик Гераклита! Не сгнули, стало быть, семена, посеянные впрок!

Изображенное Бахтиным *карнавальное мироощущение* — зародыш *диалектико-демократического мировоззрения*. Как игра предшествует труду, площадные шутки над властью имущими — венчание и развенчание их — предсказывали и репетировали грядущие революции.

— Но позвольте, — возразят мне, — быть может, все это так, но причем здесь мещанство? Мещанин, как известно, — индивидуалист, отъединенный меркантильным расчетом от здорового коллектива. Не он, а *народ как целое* фигурирует у Бахтина.

Народ как целое. Так. И все же — в том-то и соль — он появляется не на пресловутой почве, теперь противопоставляемой асфальту, а на булыжниках рыночной площади.

Пейзане, вписанные в пейзаж, — идиллия, милая сердцу аристократа.

Патриархальный крестьянин, занятый своим натуральным хозяйством, мог быть прекрасным человеком, но мысль о *народе как целом* не приходила ему в голову. Он лишь представлял себе страну (землю) единым царством (хозяйством) с коронованным патриархом во главе. Мужичья вера в царя — это еще не мысль о национальном единстве.

Без рыночной площади и без индустриально-меркан-

тильного расчета, притягивающего в город тех, кто прежде был *разобщен* родными просторами, *без торговых связей не родилась бы мысль о народе как целом*.

Именно в голове мещанина родилась эта мысль, в голове мещанина, который превращался в бюргера и буржуа. И чем дальше, тем больше политических черт обнаруживалось в этой объединяющей мысли (буржуа воспринимал себя как *citoyen*), пока в один прекрасный день грозный клич: «Да здравствует нация» не повел граждан Парижа на штурм Бастилии.

И как будто для того, чтобы придать закругляющую завершенность весело начатому и серьезно проведенному делу, камнями разрушенной средневековой тюрьмы (циклопическое сооружение!) вымостили площадь и написали: «Здесь танцуют!»

Карнавал родил Карманьолу.

И народ, ставший объектом демократической революции, был не романтическим бого-плакатоносцем, а совокупностью живых индивидов, разноликой, преследующей различные цели толпой.

В то время, как короли олицетворяли официально-скучное единство страны сверху, движение городских масс в лучших традициях карнавала вызывало к жизни единство нации снизу — единство в многообразии.

Передаваемое из уст в уста *mot* Б. Франклина «*Ça ira*»* обернулось площадной песенкой «*Qui vivra, verra...*»

«Мы бедны, — говорила песенка, — но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться — знание освободит нас; будем трудиться — труд обогатит нас, — это дело пойдет, — поживем, доживем...

Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сестры, — это дело пойдет, — поживем, доживем...

Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле... это дело пойдет,...» и т. д. Я привел перевод, сделанный узником Российской Бастилии Н. Г. Чернышевским («Что делать?» Л-70, стр. 6).

* *Ça ira* (фр.) — Дело пойдет (ред.).

Площадная песенка — программа. В ней и буржуазный культ труда и просветительство, плебейская мечта о братстве и вера в прогресс, в то, что со временем «будет рай на земле».

«Вертикальная шкала ценностей» (воспользуемся терминологией М. Бахтина) — от абсолютного верха до абсолютного низа — уступает здесь место горизонтальной шкале с «темным прошлым» позади и «светлым будущим» впереди. С позиций «объемного мышления» XX века и «вертикальная» и «горизонтальная» («линейные») модели кажутся одинаково *плоскими*. Ну, о плюсах и минусах нашего «объемного» мышления поговорим как-нибудь в другой раз, сейчас же воздадим должное *историческому значению* буржуазной веры в прогресс. Превращение тюрьмы в танцплощадку — бузусловное и бесспорное достижение человечества.

Здесь европейское мещанство поднялось до гражданственности («Декларация прав человека и гражданина»), гусеница стала бабочкой.

Базисом этой метаморфозы было развивающееся товарно-денежное хозяйство, а ее имманентной политической структурой — *коммуна как орган городского самоуправления*.

Коммуна — это слово вызывает вихрь предрассудков и недоразумений. Под одним именем сегодня выступают антиподы: цвет европейской цивилизации и перезрелый плод азиатской общественно-экономической формации.

Но еще К. Каутский обратил внимание на принципиальное отличие бюргерской общины (коммуны) от крестьянской:

«Между тем, как германская крестьянская марка в своих отношениях к государственной власти была чрезвычайно близка к восточной сельской общине, в городах, в которых преобладали ремесленники, мы находим совершенно другой дух, мы находим здесь ту республиканскую черту, которая с этих пор не исчезала в мещанстве. Появился зародыш национальной жизни, потому что городам далеко не было безразлично, как сильные мира ведут дело управления страной. Они уже пытались оказать влияние на ход управления — шаг, до которого крестьянской общине, как до звезды небесной далеко.» («Национальность нашего времени» К. К-ий «Северный вестник» за 1888 г.).

Крестьянская община состояла из лиц, напоминающих

Платона Каратаева: покладистых и «округлых». Отсутствие инициативы «изнутри», естественно, дополнялось «извне» активностью ее эксплуататоров: помещиков, ростовщиков, государственных чиновников. Объединение общин (этих замкнутых в себе миров) в единое целое возможно было лишь сверху — силой государственного аппарата. Так механически известные «острова» объединяются в известный «архипелаг».

Напротив, городская коммуна станет зародышем объединения нации «снизу», недаром в Британии, этой экономически передовой стране, где мещанско-бюргерско-буржуазное развитие протекало в классически ясных формах, *парламентом в собственном смысле этого слова стала палата общин* — house of Commons.

Поразительно: в то время как постоянно делаются попытки отождествить городское самоуправление на Западе с «управляемой демократией» на Востоке, этим сообществом привязанных к земле и опутанных круговой порукой, неведающих о своей неволе невольников, этимологическое и социально-политическое *родство парижских коммун и английского парламентаризма* как будто бросается в глаза!

Мысль, допускающая «большие скачки», не способна сделать «шаг великана», преодолеть Па-де-Кале.

В то же время нельзя до конца понять взаимосвязь демократии как образа жизни и диалектики как способа мышления в наш век, не учитывая британско-американского опыта парламентаризма.

Обычно считается, что во Франции революции доводились до конца, с неумолимой последовательностью. А в Англии, напротив, борющиеся классы искали и находили взаимовыгодный компромисс, останавливая начатое движение на полдороге. Доля истины в этом есть: и королева, и палата лордов, и масса всякого рода раритетов из прошлого хранятся англичанами как необычайно ценные музейные экспонаты. Но с другой стороны, нигде, кроме Великобритании и ее заокеанского продолжения — США, буржуазное развитие не достигало в экономике и политике таких завершенных форм.

По эту сторону Па-де-Кале, во Франции, история делалась с, казалось бы, большей энергией и меньшей

осмотрительностью. Зато и попадали французы, пылкие галлы, из огня в полымя...

Великая Французская революция произошла после Американской Войны за Независимость, диктатуры лорда-протектора О. Кромвеля, «славной революции» 1688 года. На чужом опыте трудно учиться — нам это хорошо известно. Известно нам и желание «догнать и перегнать».

«Вперед, сыны отчизны», звала «Марсельеза» в полном соответствии с «горизонтальной шкалой ценностей». Но сыны отчизны шли не только вперед, но — употребим выражение Горького — «вперед и выше». Один из них поднялся над всеми, стал Отцом Отечества.

У входа в музей на Бородинском поле стоят трофейные французские пушки. Присмотритесь к их стволам. Увидите литые латинские литеры: «Liberté, égalité, fraternité», а сверху, как бы перечеркивая, чеканкой выбито: «N I».

Его императорское величество, а под ним — высочества, сиятельства, и это после того, как «аристократов на фонарь», после работы гильотины.

В чем причина внезапного испарения республиканского духа во Франции? Когда раздумываешь над этим, кажется, что влагаешь персты в собственные язвы...

Вот книга А. Олара «Политическая история Великой Французской революции», Петроград-1918 год, издательство Совета рабочих, крестьянских депутатов, издание (обратите внимание!) *третье*.

Вот книги наших соотечественников. П. Кропоткин... Е. Тарле, подаривший нам свою наполеониаду после чудесного возвращения с Соловков... Книга отца, посмертно реабилитированного, и статьи сына в «Новом мире» и «Континенте»... «Евангелие от Робеспьера», ставшие библиографической редкостью после эмиграции Гладиллина, и содержащее мартиролог героев и жертв революции... Etc, etc.

У Олара сказано, что в 1789 году ни одна из представленных в Национальном собрании группировок не формулировала еще республиканских лозунгов, потом уже в Конвенте будут спорить, кто был первым республиканцем среди французских политических деятелей. Предположим, что так.

В конце концов слово «республика» — латинизм наряду с другими. И оно — Олар покажет это, — став обиходным, легко

обернется псевдонимом. Сенат, например, 18 апреля 1804 года «ради спасения республики» объявит Первого Консула Императором.

Напротив, штурмуя Бастилию и подталкивая Национальное собрание на решительные действия против венценосного главы государства, плебейские массы Парижа действовали республикански, хотя и не называли еще себя республиканцами.

Политической школой для них была не латынь Брутов и Цезарей, а опыт борьбы за свои интересы в коммуне и через коммуну. Можно сказать, что *санкюлот, прежде чем стать республиканцем, был уже коммунаром.*

Фанатикам республики в 93 году казалось, что их «единая и неделимая» полностью и не всегда порвала с дореволюционной «вертикальной» шкалой ценностей.

Но, борясь с внутренними и внешними врагами, правительство республики пользовалось централизованным аппаратом исполнительной власти, полученным в наследство от отвергнутой монархии, причем аппарат этот день ото дня расширялся, разветвлялся и усиливался: иерархия чиновников, армия, полиция.

Буржуазная «горизонталь» и добуржуазная «вертикаль» образовала во Франции устойчивую систему координат. В ней и благодаря ей Наполеон Бонапарт шагнул «вперед и выше». В ней и благодаря ей вычерчивается кривая от помоста для гильотины к ампиру Вандомской колонны.

В учебниках для детей не только школьного возраста принято противопоставлять «контрреволюционную диктатуру» Наполеона «революционной диктатуре» якобинцев. На самом же деле и та, и другая, решая разрушительные задачи революции (ликвидируя феодализм либо внутри, либо за пределами Франции), были различными ступенями, стадиями одного процесса, процесса подчинения буржуазного общества добуржуазному государству. Наполеон появился как *deus ex machina*, но машина эта была сделана для него якобинцами.

На преемственную связь между гильотиной и Вандомской колонной указывал не только анархист Кропоткин, о ней идет речь и в «Святом семействе» Маркса и Энгельса.

Наполеон, — писали они, — «был завершителем терро-

ризма». «Он не был мечтательным террористом (Робеспьер, Сен-Жюст и К°.). Но в то же время Наполеон рассматривал еще государство как самоцель, а гражданскую жизнь как казначея и подчиненного, который не вправе иметь свою собственную волю. Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну. И в области внутренней политики он боролся против буржуазного общества как против противника государства, олицетворенного в нем, Наполеоне, все еще в качестве абсолютной самоцели» (т. 2, стр. 137-138).

Ну, то, что Маркс и Энгельс неодобительно относились к «культу личности» Бонапарта, никого не удивит. Удивит коекого неодобительное отношение к борьбе против буржуазного общества, к борьбе, которую Бонапарт продолжал вслед за Робеспьером.

После падения Робеспьера, — читаем в «Святом семействе», — впервые начинается прозаическое осуществление политического просвещения... Революция освободила буржуазное общество от феодальных оков и официально признало его, как ни старался терроризм принести это общество в жертву антично-политическому строю жизни... Буржуазия находит своего действительного представителя в буржуазии. Буржуазия начинает, таким образом, свое господство. Права перестают существовать только в теории» (т. 2, стр. 136-137).

Итак, оптимальный вариант политической надстройки на данном буржуазно-социально-экономическом базисе, по мнению Маркса и Энгельса, — не диктатура фригийского колпака или треугольной шляпы, а *буржуазный парламентаризм*.

Но дело в том, что эта (английская!) политическая структура, функционировавшая во Франции между термидором и 18 брюмера, оказалась тогда недолговечной и хрупкой. Дело в том, что движение от конвента к директории и от директории к консульству и империи представляло собой поэтапное ослабление институтов представительной демократии перед лицом все возрастающей мощи централизованного аппарата исполнительной власти. Почему?

Отвечая на этот вопрос, можно сослаться на враждебное окружение и действия роялистской контрреволюции внутри

страны, что вынуждало республиканцев усиливать военно-полицейский аппарат. Можно и должно указать на политическую индифферентность крестьян, получивших свою parcelлу. Все так.

Но перечень причин политической деградации победившей революции будет не полон, если не указать еще на два, казалось бы, не столь важных обстоятельства.

Во-первых, разгром Парижской Коммуны, школы плебейского республиканства.

Во вторых, *перманентное уничтожение каждой правящей партией тех, кто по тем или иным причинам оказался в оппозиции к правительству.*

Вот вслед за роялистами на эшафот поднимаются «первые республиканцы» — жирондисты. Вот «бешеные», а за ними Шометт и Эбер, ликвидируются как «левый уклон», а Дантон и Демулен как «правый». Одни гибнут за религиозность, другие за атеизм. Гильотина работает неустанно, и вот уже теряет голову и сам Неподкупный. Термидорианский переворот, провозгласивший конец террора, не остановил, однако, практику уголовного преследования политических противников как «врагов народа». О термидорианцах хорошо сказал Е. Тарле: «Всегдашняя готовность к тому, чтобы убить или быть убитым, отличает всю эту группу» («Жерминаль и прериаль», М-57, стр. 47).

В конце концов демократические партии потеряли столько голов, что можно считать приятной исторической случайностью, что во главе Франции «ради спасения республики» оказался прославленный генерал Бонапарт, а не шеф полиции Фуше. К другим нациям и в другие времена фортуна будет менее благосклонна.

Как я стараюсь показать, ликвидация оппозиции внутри демократических институтов, кажущаяся их укреплением, на деле означает их самоликвидацию. Не борьба партий в конвенте была опасна для республики, а применение в этой борьбе такого оружия как аппарат исполнительной власти, который, будучи пущен в ход, прекращал споры и дискуссии так называемыми «оргвыводами»: возведением одних на пьедестал, низведением других — хорошо, если в темницу. И вот Полифем в «сером исходном сюртуке» заглушает политическую полифонию.

По эту сторону Па-де-Кале возникает то, что К. Поппер назовет «Закрытым обществом».

Но сделаем «шаг великана» и перенесемся из «закрытого общества» в «открытое».

3. Разеитое товарное производство. «Открытое» и «закрытое» общества.

Задолго до того, как появилась на свет книга «Открытое общество и его враги», автор «Капитала» ясно и недвусмысленно показал преимущество английского парламентаризма перед политической системой, скрывающей социально-экономические противоречия под «шапкой-невидимкой» милитаризма, бюрократизма, тайной полиции и явной цензуры.

Розумеется, путь Британии и США не был усеян розами.

Кто-кто, а мы с тобой, читатель, прекрасно информированы о всех трудностях и издержках развития товарно-денежного хозяйства на Западе!

Но не нам проливать слезы над жестокостями первоначального накопления. Москва слезам не верит. И разве не ради Индустриализации был экспроприирован по ту сторону Па-де-Кале «мелкий частник»-йемен? Кроме того, теперь доказано, что Австралия и Северная Америка, куда направлялись экспроприированные мелкие частные собственники, располагают куда более мягкими природными условиями, чем, скажем, Сибирь или Казахстан.

Фермер, открывавший и созидавший Соединенные Штаты, хотя и был земледельцем, в корне отличался от пейзажей и мужичков. Если хотите, в нем было что-то... от Тараса Бульбы и Янкеля.

Кстати говоря, не случайно на границах «страны рабов, страны господ», в достаточном удалении от «всевидящего глаза и всеслышащих ушей» российского Полифема, сосуществовали эти две фигуры: казак, наполовину — разбойник, наполовину — фермер, и жид-корчмарь, то страдавший от разбойного нрава, то эксплуатирующий воловье трудолюбие своего неуравновешенного соседа.

Американский фермер (вчерашний диггер, перекрещенный водой Атлантики в пионеры) был тертый калач.

Мещанско-бюргерский опыт своих британских предков он применил на безграничных пространствах и, поднимая целину, врубаясь в леса, разводя скот, не впал в идиотизм, если принять во внимание политические структуры, которые сложились благодаря ему к концу 18-го века в Северной Америке, и политических деятелей масштаба Б. Франклина или Т. Джефферсона.

«Если ты любишь жизнь, — поучал Франклин соотечественников, — не трать время зря, потому что жизнь состоит из времени. На сон мы тратим гораздо больше, чем нужно, забывая, что спящая лиса не ловит кур и что в могиле можно будет отоспаться, как говорит Бедный Ричард. Если время — самая драгоценная вещь, то растрата времени ... самое большое мотовство. Поэтому паши землю глубоко, пока спит лежебока, и у тебя будет достаточно зерна для продажи и для себя». («Американские просветители», М-68, т. 1, стр. 89-90).

Автор «Капитала» назовет Франклина одним из первых экономистов, разглядевших природу стоимости. «Так как торговля вообще есть не что иное, как обмен одного труда на другой труд, цитирует Маркс великого американца, — то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом» (т. 23, стр. 60).

Напомню: Аристотель не находил общей меры, позволяющей приравнивать один товар к другому, потому что производительный труд для него был синонимом рабства, а раба он не считал за человека. Напротив, для Франклина человек это «toolmaking animal», т.е. животное, делающее орудия, а потом уж политическое животное, как думал Аристотель. «Это ... характерно для века янки», скажет Маркс. (т. 23, стр. 338) На самом деле, Франклин жил в обществе, где будущее принадлежало свободным товаропроизводителям. Эти ремесленники и фермеры знали, каких усилий стоит та или иная вещь, ценили свое и чужое время как деньги.

Человек Франклина, производящий «для продажи и для себя», разумеется, не мог и не хотел, чтобы общие дела в его стране решались без его участия. Он нуждался в законах и институтах, выражающих его волю и защищающих его интересы.

Друг Франклина, Т. Джефферсон, объявит целью национального правительства «обеспечение прав человека». «Если

же данная форма правительства, — писал он, становится гибельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее» («Ам. просв.», т. 2, стр. 27).

Если Аристотель считал «наилучшей формой государственного общения» наиболее устойчивую, такую, которая неподвластна времени, и с этой «государственной» точки зрения судил о предоставлении или лишении гражданских прав, и Франклин и Джефферсон предпочитают динамичную политическую модель, смену форм.

Помните, что писали мы о карнавальном мироощущении как зародыше диалектико-демократического мировоззрения?

«Время играет и смеется. Это — играющий мальчик Гераклита, которому принадлежит высшая власть во вселенной.»

Вот уже больше двухсот лет, как диалектико-демократическое учение об изменчивости социальных, экономических и политических форм во времени *декларировано и приобрело юридическую силу*.

Подобно тому, как Москву у нас называли большой деревней, США можно назвать большим городом, Железным Миргородом, — соотнесем этот есенинский образ с фигурами, о которых уже шла речь, с Янкелем и Бульбой, местечковым Рыцарем товарно-денежного хозяйства и его запорожским Санчо Панса.

Если угодно, можно назвать Америку и городом Желтого Дьявола (антипод земли, которую «в рабском виде царь небесный исходил, благославляя»), но тут антикапитализм принимает уже мифическую форму и соскальзывает в сторону национал-«социализма». Поэтому скажу просто, без расцвечивающих эпитетов: город, бург, **МЕГАПОЛИС на базе развитого товарного производства**.

Развитое товарное производство — это что ?

В античную эпоху товарное производство развилось до купли-продажи живых носителей рабочей силы. Дальше — тупик. Конечно, рабский труд, применяемый широко, давал эффект при строительстве дорог, акведуков, дамб. Но рост производительности труда, благодаря совершенствованию орудий производства, прекратился, когда свободный труд был вытеснен рабским.

Архимеда, как известно, убил римский легионер, но дух изобретательства, способный породить тысячи Архимедов, систематически убивался тем, что homo sapiens i homo faber были намертво разделены укладом рабовладельческого общества.

Повсеместное распространение товарно-денежных отношений к 19-му веку тоже дало два тупиковых отклонения: рабство в южных штатах и торговля «живыми душами» в России.

В отличие от купли-продажи *живых носителей* рабочей силы, капитализм — это товарное производство, развитое до превращения в товар *самой рабочей* силы. Причем, продавцом ее является свободный лично, но лишенный средств производства непосредственный производитель.

Капитализм — это общество вольнонаемного труда.

Дух изобретательства, убиваемый при рабовладельческом способе производства, дает при капитализме доказательство своей жизненной силы.

Еще Аристотель шутил: если бы ткацкие станки сами ткали, не было бы необходимости в рабах. В середине 19-го века не надо было быть Аристотелем, чтобы понять: и экономическая выгода, и нравственное преимущество — на стороне аболиционистов и эмансипаторов.

Когда саквояжники-янки побили джентельменов с юга, это была победа вольнонаемного труда, распахнувшая дверь техническому прогрессу. Между прочим, именно с конца 60-х годов Т. А. Эдисон начинает получать один патент за другим, и его изобретения немедленно внедряются, давая новые импульсы развитию индустриального производства и научной мысли.

Но ликвидация принудительного труда и торжество вольнонаемного в США имело не только технически-прикладной смысл.

От имени Международного Товарищества Рабочих к президенту США А. Линкольну обратился с приветственным письмом К. Маркс:

«Милостивый государь!.. Мы шлем поздравление американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством... С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что

судьба их класса связана со звездным флагом... Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому, как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести страну сквозь беспримерные битвы за освобождение поработенной расы» (т. 16, стр. 17-19).

Официальные представители «марксизма» не любят вспоминать это письмо. Они предпочли бы, чтобы рабочий класс Европы связал свою судьбу не с звездным флагом, а со знаменами, прикрывающими экзотический симбиоз товарно-денежной экономики и «восточной общей собственности», наемного и принудительного труда, что и представляется им «марксистской» моделью современного индустриального общества.

С другой стороны, присяжные антимарксисты зачислят это высказывание Маркса в ряд пророчеств, которые не сбылись и не сбудутся никогда.

«Господство буржуазии», «господство рабочего класса» — к чему все это? Дай Бог, чтобы существовала, как прежде, западная демократия и рыночная экономика. От добра добра не ищут!

Но дело в том, что демократия может существовать лишь как динамичная система. Без «обновления одежд и своего социального образа» демократия перестает быть сама собой. Когда большинство народонаселения данной страны составляли мелкие товаропроизводители, их представители составляли правящее большинство в парламенте — это и было демократией. Когда же — в силу законов, присущих товарному производству, — все увеличивающееся число граждан становилось наемными работниками физического и умственного труда, а им противостоял все суживающийся круг лиц, называющих себя работодателями, разве не естественно было задаться вопросом: чьи представители будут преобладать в парламенте? Если политическая власть будет принадлежать меньшинству собственников средств производства, вопреки воле большинства, мы получим аристократическую форму правления (элитарную, автори-

тарную — какую угодно, только не демократическую в подлинном смысле этого слова). Если же демократия сохранится, то она, конечно, обновит свой социальный образ: господство буржуазии уступит место господству рабочего класса.

Отвлеченные рассуждения, скажете вы?

В таком случае прямо сопоставим «пророчество» Маркса с современной действительностью в Западной Европе.

Чартистское движение в Англии, как известно, вылилось в создание лейбористской партии, которая в наш век и в качестве правящей и в качестве оппозиционной определяла и определяет политический курс Британии. То же самое можно сказать о рабочих партиях других стран — от Австрии до Швеции. Наступила «эпоха господства рабочего класса». Причем, звездный флаг гарантирует, что открыто признавал еврокоммунист Э. Берлингуэр, существование обновленного образа европейской демократии.

Итак развитое товарное производство как базис и парламентская демократия как надстройка образуют в настоящее время социальную систему, которую с полным правом называют открытым обществом, открытым двояко: во-первых, оно не придавлено сверху бюрократическим, военно-полицейским аппаратом, во-вторых, оно не лишено перспективы дальнейших социальных преобразований.

Конечно, наш 20-й век — смутное время. Сейчас, как никогда «это, изменившись, есть то, а то, изменившись, есть это». Сосуществование и конкуренция социальных структур различной степени открытости или закрытости ведет к удивительным метаморфозам. И все же можно и должно в каждом конкретном случае отличать общество, располагающее независимыми средствами массовой информации, гражданскими свободами и избираемыми представительными учреждениями от обществ, скрытых за железным или бамбуковым занавесом.

Причем, придется признать, что старая мысль Маркса, оспариваемая многими, в том числе и официальными представителями «марксизма», о решающей роли «экономического фактора» подтверждается почти повсеместно. Именно для экономически развитых стран характерны устойчивые демократические порядки.

Символ закрытого общества — Полифем на монолитном пьедестале с «единственно правильной точкой зрения» и перстом указующим: «вперед!» Куда «вперед», спрашивается? Разумеется, к благу всего человечества, правда, через мировое торжество «единственно правильной точки зрения», т.е. ценой экспроприации собственных глаз, собственного мнения у рядовых граждан.

Есть Полифемы «марксизма», есть Полифемы «Христа ради», Полифемы «во имя Аллаха», Полифемы «чучхе» — несть им числа.

«Человечество, в целом, обладает миллионами глаз и ушей, — писал еще М. Гюйо, — не советуйте ему закрывать эти глаза и уши или обращать в одну какую-нибудь сторону — оно должно открыть их все сразу и направить во все стороны: пусть бесконечность зрения соответствует бесконечности вещей» («Слово о науке», сост. Е. С. Лихтенштейн, М-78, стр. 115).

Гюйо прав, но все дело в том, что одноглазые сверхчеловеки не склонны прислушиваться к благим пожеланиям, а ослепленные ими толпы идут за ними как за поводырями. Зрячему человечеству нельзя закрывать глаза на необходимость борьбы за мировое сообщество открытых глаз.

«За мной, читатель», — говорил я уже несколько раз.

«А разве это не перст указующий?» — могут сказать и мне, как и любому другому, не только обладающему собственной *определенной* точкой зрения, но и склонному пропагандировать ее. «Мы все глядим в Наполеоны».

В оправдание себе скажу одно.

Я не сочиняю рецепт «переделки человечества по новому штату». Я хочу показать, что было сделано и делается людьми, чтобы коллективными усилиями улучшить условия своего существования. *Сознательно самоуправляющееся общество или общество, управляемое аппаратом насилия, стоящим над обществом* — такова главная дилемма наших дней. Тут каждый обязан сделать *выбор*, тут нельзя уваливать, ссылаясь на многообразие точек зрения.

За мной, читатель, если Тебе не улыбается перспектива состоять почетным членом общества слепых! Посмотрим, как преломлялся опыт социально-политического развития по эту

и по ту сторону Па-де-Кале в головах крупнейших мыслителей Европы — Гегеля и Маркса.

4. Егор Федорович Гегель и Карл Генрих Маркс.

Общепризнано: политические действия французов в 1789-1814 годах нашли свое философское выражение в диалектической системе «Аристотеля нового времени» — Г. В. Ф. Гегеля.

Самого Аристотеля Бог наказал Александром Македонским. Есть мнение, что гегельянство — педагогика современных «Цезарей и Чингизханов» (Ортега-и-Гассет). Это несправедливо. Школу Гегеля — плохо ли, хорошо — прошли Гейне и Фейербах, Бакунин и Прудон, Белинский и Герцен. Автор «Капитала» называл себя учеником Гегеля. Так почему же «алгебра революции» кажется порой «арифметикой деспотизма»?

Политические взгляды немецкого Аристотеля эволюционировали от почти анархизма — через бонапартизм (преклонение перед автором «Кодекса» Наполеона и военным гением, разбившим феодальные армии Европы) — к признанию конституционной монархии оптимальной формой для «прогресса в сознании свободы».

Вот как молодой Гегель относился к абсолютизму на земле и на небесах: «Я покажу, что не существует идеи государства, ибо государство есть нечто механическое... Идею составляет только то, что имеет своим предметом свободу. Следовательно, мы должны выйти за пределы государства! Ибо любое государство не может не рассматривать людей как механические шестеренки, а этого как раз делать нельзя, следовательно, оно должно исчезнуть... Наконец дело дойдет до идей морального мира, божества, бессмертия... Свободу нельзя искать в Боге и бессмертии за пределами самих себя». («Работы разных лет», М-70, т. 1, стр. 212).

Анархизм Гегеля, как и его почти атеизм — результат юношеского и очень субъективного идеализма... Возраст, накопленные знания и сила логики должны были насытить историзмом концепцию Гегеля и освободить его идеализм от субъективизма молодости, благородного и абстрактного.

Автор «Феноменологии духа» уже по-иному смотрел и на свободу, и на государство, и на религию. Социальные структуры и системы идей, сложившиеся в процессе истории, представляются ему теперь не столько пределом индивидуальной свободы, сколько способом ее реализации.

Индивид не может, — полагает теперь Гегель, — удалиться «из этого мира, ибо и Диоген в бочке обусловлен им» (Соч., М-59, т. 4, стр. 282).

«Вследствие этого сущее в себе и для себя сознание находит, конечно, в государственной власти свою простую сущность и устойчивое существование» (Там же, стр. 262).

Если бы система Гегеля целиком сводилась к приведенным афоризмам, Гегель был бы в лучшем случае эпигоном Гоббса, в худшем — предтечей «современных Цезарей и Чингизханов». Но автор «Феноменологии духа» и «Науки логики», пользуясь афоризмами, не разменивал на них до конца богатство своих идей.

Можно сказать, что траектория гегелевской мысли определена той же системой координат, что и социально-политическое развитие в континентальной Европе: «горизонталью» буржуазного прогресса и «вертикалью» государственных форм.

Как это блестяще сказал Г. Лукач в книге «Der junge Hegel» (Berlin, 1952) знакомство с английской политэкономией питало его *диалектику*. Другое дело, что Гегель сумел втиснуть ее в рамки идеалистической системы, т. е. сделать то, что не удалось Наполеону по отношению к Англии. Блокада диалектики абсолютным идеализмом оказалась прочнее континентальной блокады.

Усматривая связь между произвольными границами гегелевской диалектики и «арифметикой деспотизма», я все же считаю главным в идейном наследстве Гегеля не эти границы, а то богатство содержания, которое заключено в них и которое Герцен с правом назвал «алгеброй революции».

По мнению «Штутгартского философского словаря», из западных философов именно Гегель оказал наибольшее воздействие на читающую Россию. Россия отплатила Западу, как отмечает тот же словарь, Достоевским.

Да, Гегель посмертно стал Егором Федоровичем. («Не поеду в Россию, — шутил Т. Манн, — там меня будут величать Фомой Ивановичем».)

Фамильярное усвоение нами гегельянства: начиная с «неистового Виссариона» и не менее неистового Хомякова, конечно, не обошлось без крайностей. Впрочем, и сам Гегель был виноват в том, как его воспринимали в Германии и у нас «левые» и «правые» *гегелинги*.

«Что действительно, то разумно; что разумно, то действительно». Этот нарочито двусмысленный (противоречивый) тезис учителя заставил учеников столкнуться лбами. В подтексте этого гегелевского постулата — идея единства теории и практики, убеждение, что и действительность, и разум — взаимосвязанные и обуславливающие друг друга *процессы*, но как определить в конкретной ситуации — «здесь и теперь» — кто прав: адепты разума (проповедники новых идей) или апологеты исторически сложившихся институтов, т. е. действительности?

Диалектика — это способ мышления, и сама по себе она не содержит готовых ответов на поставленные вопросы. Ответы отыскиваются с ее помощью либо в «царстве мысли», если вы идеалист, либо в совокупности фактов.

Посмотрим, как представлял себе диалектический способ мышления сам Гегель.

И. П. Эккерман, Платон нового времени, лишенный философской фантазии своего великого предшественника, но зато *точный протоколист*, оставил запись беседы о диалектике между Гете и Гегелем.

Гегель чтит автора «Фауста», «абсолютно философской трагедии» (т. 14, стр. 387), творчество Гете по его убеждению «наилучшее, наиглубочайшее и наиактуальнейшее, чем мы, немцы, владеем в настоящее время» (там же, стр. 329). Естественно, что перед таким собеседником он старался «подать товар лицом».

«Это в основе своей не что иное, — говорил Гегель о диалектическом способе мышления, — как урегулированный и методически разработанный дух противоречия, который присущ каждому человеку, — дар, обнаруживающий всю свою важность в различении истины от лжи.»

Гете возразил:

«Жаль только, что такого рода изысканными приемами часто злоупотребляют и применяют их для того, чтобы истинное представить ложным, а ложное истинным... Поэто-

му я стою за изучение природы... ибо здесь мы имеем дело с бесконечно и вечно истинным... Я вполне уверен, что многие больные диалектикой в изучении природы найдут благодетельное исцеление» («Разговоры с Гете в последние годы его жизни», М-Л-34, стр. 750-752).

Замечательный обмен репликами! Наглядный пример того, что не может быть монополии на истину, даже если перед нами сам «м-сье Готт» (Бог), как называл Гете Наполеон, и сам Егор Федорович, роль которого в данном случае напоминает роль Мефистофеля в «Прологе на небесах».

Для Гете «дух противоречия», да еще «присущий каждому», слишком отдаст 1789 годом. Диалектика с его точки зрения — болезнь. Субъективизм, нарушающий естественный ход вещей, азарт спора, заглушающий гармонию вселенной и нарушающий правила придворного этикета в Ваймаре. Конечно, Гете верно подметил идеализм гегелевской точки зрения и правильно указал на Объективную Реальность как на лекарство против идеализма, но, с другой стороны, в его совете иметь дело с «бесконечным и вечно истинным» содержится призыв бежать от социально-политической злобы дня в благостно-целебную тишину кабинета. Это олимпийские снобизм и педантство «м-сье Готта».

В словах Гегеля, запотоколированных Эккерманом, звучат три, связанных друг с другом, мотива. Во первых, вслед за Гераклитом и Сократом, немецкий диалектик высказывает здесь убеждение, что «мышление свойственно всем». Во-вторых, «дух противоречия» рассматривается им — опять-таки вслед за античными мыслителями — не как помеха, а как стимул и способ искания истины. В-третьих, — здесь Гегель наиболее оригинален — он предлагает *системный* подход к исследованию форм мышления на пути от противоречия к истине.

«Что есть истина?»

Понтии Пилаты всех времен и народов не верят в истину вообще.

Распинаемые с их дозволения проповедники и пропагандисты верят, что истина — вот она. «Истинно, истинно говорю вам...»

Автор «Феноменологии духа» писал, пользуясь образом,

близким мироощущению автора «Метаморфозы растений»:

«Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно сказать, что она опровергается цветком; точно также при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод.» Так совершается по Гегелю «прогрессирующее развитие истины» (Соч., т. 4, стр. 2).

Самосознание, снимающее противоречие между сознанием и его предметом, таким образом — истина сознания. Общественное самосознание, проявляющее себя в нормах нравственности, снимающих противоречия между индивидуальными самосознаниями, — истина самосознания и т. д. и т. д. Когда же труд истории завершится созданием прусско-прочной конституционной монархии, гарантирующей «свободу мысли», наш разум получает возможность обрести «ценностей незыблемую сказу над жалкими ошибками веков». Цвет искусства, плод религии, семя мысли, из которого ему, Гегелю, выпала честь вырастить Древо Познания, Большую логику. В ней же и есть вся истина, полное совпадение субъективного и объективного, логики сознания и структуры вселенной.

Системный подход позволил Гегелю воздвигнуть систему, увенчанную абсолютным знанием. Но это высшее торжество разума было одновременно и могильным крестом над духом противоречия. Диалектика стала догматикой.

«Наиболее простой способ стать глупцом, — шутил Гете, стать им с помощью системы». Гегель мог бы возразить ему в том смысле, что и всякая наука, естествознание в первую очередь, без системы — ничто.

«Системы возникают, — писал Ф. Энгельс, — из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия» (т. 21, стр. 278).

Нет, видимо следует не отказываться от системного подхода вообще, а требовать от теоретических систем разомкнутости в отношении к Объективной Реальности.

Система диалектических противоречий, созданная Гегелем, замкнута абсолютной идеей — в этом ее порок, но содержащееся в ней учение о «прогрессирующем развитии истины» — величайшее достижение.

Кому не известен афоризм: «абстрактной истины нет,

истина всегда конкретна?». Его так часто повторяли, вырвав из гегелевского диалектического контекста, что он превратился в банальное утверждение в духе релятивизма: что истинно здесь, неистинно там; чего нельзя пощупать, о том не следует и говорить. Гуманизм, например, абстрактен, а тюрьма конкретна, следовательно, гуманизм — ложь, а тюрьма — истина.

Истина, как утверждал еще Аристотель, — это соответствие того, что мы говорим, тому, о чем идет речь. «Не потому ты бел, что мы называем тебя белым, а потому что ты бел, мы, высказывающие это, правы.» Определенность времени и места, возможность экспериментальной проверки сказанного (верифицируемость) — все это, конечно, необходимые условия истинности наших знаний, необходимые, хотя далеко не достаточные. Чем сложнее предмет, подлежащий исследованию, тем сложнее и ходы мысли, нацеленные на него. Белое черным, а черное белым называют лишь «подлые ревизионисты». Обычный человек здесь не допустит путаницы. Другое дело уже, когда световой луч расщеплен с помощью линзы, и нам предстоит сформулировать *теорию цветов*. Тут может ошибиться сам Гете.

Гегель называл *абстрактными* такие суждения о предмете, которые выхватывают одно, попавшееся под руку свойство (ту же белизну), отвлекаясь от остальных, не менее важных, а, быть может, и более важных характеристик предмета.

Абстрактно мыслят, по Гегелю, базарные торговки, когда они ругают друг друга, умело отвлекаясь от положительных качеств и выискивая непривлекательные свойства у оппонентов. Философская мысль должна всесторонне исследовать предмет. Всесторонне значит и с противоположных сторон. «Философия, — говорил Гегель, — стремится к *конкретному*»

«Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного, — разъяснял ученик Гегеля Маркс этот диалектический термин. — В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт...» (т. 12, стр. 72).

Следовательно, утверждение «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» с диалектической точки зрения

означает гораздо больше, чем устраивающее всех Понтиев Пилатов положение: «все относительно».

«Абстрактной истины нет» это значит, что истину нельзя замкнуть внутри какой-либо схемы, формулы, концепции или системы идей. «Истина всегда конкретна» — это значит, что «прогрессирующее развитие истины» осуществляется как бесконечный «процесс синтеза» схем, формул, концепций и систем, каждая из которых неизбежно абстрактна, т.е. содержит не всю истину, а, будучи абсолютизирована, прямо лжет, но в то же время является не только «относительной истиной», но и «моментом» абсолютной, конкретной. *Concretus* по-латыни — густой, твердый.

Стремление к конкретному, характерное для диалектической философии, превращает ее из «потока сознания» (из пустого в порожнее), из «дурной бесконечности» заблуждений, побивающих друг друга, в *процесс сгущения истины*.

Современная наука фактически по-гегелевски смотрит на развитие знания. Достаточно сослаться на принцип дополнительности, гносеологическое значение которого не только для физики, но и для биологии и психологии настоятельно подчеркивал, например, Н. Бор (речь о единстве знаний в сборнике «Атомная физика и человеческое познание», М-61, стр. 95-115).

А способ, благодаря которому меняется научная картина мира: новая теория включает в себя предыдущую как крайний случай, — разве он не является диалектическим движением от абстрактного и конкретному — к «единству противоположных определений»?

Современникам Гегеля диалектика казалась *онтологией непознанного*, структурой вселенной, явленной в откровении до того, как открытия специальных наук подтвердят ее фактами. Для нас диалектика — *теория познания*, возникшая не из «чистой мысли», а как результат обобщения данных самого долговременного эксперимента, который когда-либо совершало человечество, эксперимента над собой — в процессе истории.

Обычно противопоставляют житейский опыт научным экспериментам. Но поле нашей деятельности — макромир — не изолировано от закономерностей, открываемых в мега — и микромирах. И до того как мы вторглись в недра атомного

ядра или воспарили в космос, мы жили в вероятностном, динамичном — «безумном, безумном, безумном мире». Попытка исторически осмыслить движения народных масс во время социально-политических катаклизмов или движение товарных масс на рынке, изучение предшествующих этапов развития естествознания и теоретического мышления — вот основание, позволившее мыслителю начала 19-го века протянуть руку естествоиспытателям 20-го.

— Ни А. Эйнштейн, ни Н. Бор не штудировали Гегеля, — скажут мне.

Но общеизвестно: Достоевский дал автору теории относительности больше, чем Гаусс. Что же касается Ф. М. Достоевского, то разве он не был запрограммирован гегелингами — Бакуниным и Белинским, с одной стороны, апостолами славянофильства, с другой? Это только пример непростой филиации идей. По самым различным каналам динамичная логика противоречий проникала в сознание современных ученых, предрасполагая их к созданию современной картины мира.

Беда Егора Федоровича — идеалистическая замкнутость его системы.

Медвежью услугу материалисту Марксу пытались и пытаются оказать те «марксисты», которые превращают диалектику «Капитала» в абсолютную истину на гегелевский манер. Но сам Маркс, слава богу, не был «марксистом».

Ученик Гегеля, Маркс освободил диалектику из плена абсолютизма и сделал это благодаря тому, что осуществил юношескую мечту своего учителя — «вышел за пределы государства».

Как циник Диоген, гордо ответивший на вопрос Александра Македонского «Что могу я для тебя сделать?»: «Отойди и не заслоняй мне солнца!», диалектика должна была избавиться от тени стоящего над обществом государственного аппарата, чтобы стать теорией познания буржуазного общества в его классически ясной, *открытой* форме.

Траектория идейной эволюции Маркса совпадает с траекторией его жизни: из Пруссии через Париж и Брюссель в Лондон.

У себя на родине он боролся с цензурой, бюрократией и полицейскими порядками.

Из-за цензуры, — писал он в «Рейнской газете» — «правительство слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью» (т.1, стр.69). Над этой толпой возвышается бюрократия, которая, по словам Маркса, считает самое себя конечной целью государства... «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается частных, низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение... Всеобщий дух бюрократии есть тайна... Открытый дух... представляется поэтому бюрократии предательством» (т.1, стр.271-272).

«Для борьбы с инакомыслием бюрократическое правительство нуждается в законе, «карающем за образ мыслей... А как проводится в жизнь подобный закон? С помощью средства, еще более возмутительного, чем сам закон: при помощи шпионов» (там же, стр. 15).

Борьба молодого Маркса с цензурой и полицейско-бюрократическим государством обусловлена была не только темпераментом полемиста, но и прежде всего философскими взглядами. Если он уже в своей докторской диссертации предпочел Эпикура Демокриту, *свободу индивидуума* жестко детерминированной системе, то понятно, что он не мог мириться с искусственными ограничениями свободы. Мысль Маркса, его слово и поступки (у цельных натур они неделимы) должны были вывести молодого философа за границы родного государства, а затем и за пределы «закрытого общества» вообще.

Зрелый Маркс отдавал себе отчет, что общественные противоречия, отображенные им в «Капитале», могли быть изучены и обнародованы лишь в Британии, стране наиболее экономически развитой и политически свободной от скрывающего противоречия гнета бюрократического, военно-полицейского аппарата, стоящего над обществом.

«Положение наших собственных дел ужаснуло бы нас, — говорил он немцам, приходящим в лицемерный ужас от «контрастов» английского капитализма, — если бы наши правительства и наши парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии по обследованию экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии... Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы закрываем глаза и уши шапкой-невидимкой, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ». (т. 23, стр. 9).

О каких таких чудовищах идет речь?

В редакцию одной нашей газеты некий поэт «районного масштаба» принес поэму. Герой ее — русский Великон, сражающийся с отвратительной ведьмой Частсобой. Частсоба едва не одолела Великона, но тут ему Ленин вручил меч, выкованный за тридцать земель чародеем-мудрецом Карлой Марлычем. Удар, и Частсоба приказала долго жить. Редакция газеты отвергла поэму «ввиду ее очевидной малограмотности».

Но вот профессор С. Трапезников написал двухтомный труд «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» (М-74, издание второе, дополненное), в котором грамотно изложил идею поэта «районного масштаба». Профессора за это хотели избрать в академики, и только «интрига» будущего *нижегородского мещанина*, тогда еще присутствовавшего на общих собраниях Академии Наук, помешала С. Трапезникову проникнуть в «сонм бессмертных».

Убеждение, что частная собственность — абсолютное зло, а марксизм — радикальное средство по ее искоренению, — основа основ официальной идеологии.

Я уже писал: с точки зрения Маркса, частная собственность мелких товаропроизводителей, сменившая первоначальную восточную общую собственность, была историческим благом, давшим классические образцы европейской культуре. Частная собственность крестьянина и ремесленника в средневековой Европе — исходный пункт буржуазного прогресса, ниспровергшего феодализм. Чудовищным автор «Капитала» считал как раз то, что великоны и трапезниковы, наши поэты и наши профессора, считают абсолютным

благам: экспроприацию земли у сельского населения, кровавое законодательство против экспроприированных, сосредоточение собственности на средства производства в одних руках и нещадную эксплуатацию тех, кого лишили всего, кроме возможности продавать свою рабочую силу. Конечно, пролетариат можно назвать Его Величеством рабочим классом, а первоначальное накопление переименовать в «строительство светлого будущего», но при чем тут Маркс?

Для любого человека с сердцем, для Маркса в том числе, чудовищно отчуждение собственности от труда. Еще чудовищней концентрация и централизация средств общественного производства при параллельной пролетаризации общества. Если же централизованным капиталом завладеет стоящий над обществом государственный аппарат, *аппарат насилия*, мы будем иметь чудовище воистину циклопических размеров!

К счастью, такой Великон не грозил Великобритании!

Критикуя жестокость буржуазного прогресса, Маркс все же не отрицал его достижений.

«Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс», — писал он в предисловии к «Капиталу» (т. 23, стр. 10).

Взгляд на историю как на процесс свойственен был и Гегелю.

Но Маркс учел упрек, сделанный Гете.

Меняющееся от века к веку отношение «человек-человек» было поставлено им в зависимость от отношения «человек-природа».

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой», — говорится в 5-той главе 1-го тома «Капитала», — процесс, в котором человек своей деятельностью опосредует, регулирует обмен веществ между собой и природой» (т. 23, стр. 188).

Открытие Марксом естественной подоплеки исторического процесса затемняется из-за недоразумений, связанных со словом *труд*.

Кто-то, кажется Мерло-Понти, даже назвал марксизм «феноменологией труда» в противоположность гегелевской «феноменологии духа».

Один мой знакомый занялся опровержением трудовой теории стоимости как краеугольного камня догматического марксизма.

Хотел бы напомнить: «Капитал» имеет подзаголовок — «Критика политической экономии». Критика трудовой теории стоимости Д. Рикардо, в частности.

«У буржуа, — пишет Маркс, — есть очень серьезное основание приписывать труду *сверхъестественную творческую силу...*» (т. 19, стр. 13). Выдается за прописную истину, будто «труд есть источник всякого богатства».

«Труд *не есть* источник всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы» (там же).

Труд минус природа — это «дух» из сочинений Гегеля.

Классики английской политической экономии исходили из реальности рынка. Когда X сапожной ваксы приравнивается к У шелка, тем самым констатируется равенство различных видов труда. В то же время этот X и этот У могут принимать различные значения под влиянием спроса и предложения. А спрос и предложение зависят от множества факторов, в частности, от потребительной стоимости, от изменения потребностей, от избытка или дефицитности данной вещи.

Приравнять X У, как уже говорилось, мог и Аристотель.

Трудовая теория стоимости открыла *равенство людей*, занятых различными видами труда в условиях рыночного хозяйства.

Христианство провозгласило равенство людей перед Богом.

Буржуазное право — равенство всех перед законом.

Трудовая теория стоимости (как отражение реальности рынка) вынуждала отвлекаться и от природной специфики товара и от природных качеств рабочей силы, производящей его. В обществе, связанном воедино рыночным хозяйством, равенство ваксы и шелка, а, следовательно, и равенство их изготовителей, могло иметь только одно основание — время, общественно необходимое для изготовления и того и другого.

Иначе говоря, рассматривая товар лишь как сгусток общественно-необходимого времени, политическая экономия отрывала отношение «человек-человек» от отношения «человек — природа».

Критика политической экономии в «Капитале» Маркса начинается с установления диалектической двойственности товаро-менового стоимостного, с одной стороны, и потребительской стоимости, с другой.

Физики не смущаются оттого, что электрон в одной системе «ведет себя» как частица, а в другой как волна. Им известен принцип дополнительности. Ученик Гегеля Маркс знал, что такое «единство противоположностей». Если бы автор «Капитала» мыслил недиалектически, он не смог бы показать, каким образом из эквивалентного обмена рождается *неравенство*, почему трудовая теория стоимости превращается в *теорию прибавочной стоимости*.

«... именно из естественной обусловленности труда, — скажет он, — вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда» (т. 19, стр. 13).

Труд рабочего и труд менеджера в конце концов соизмеримы. Между ними различия в квалификации, интенсивности, продолжительности рабочего дня. Оба в конце концов — и рабочий и менеджер — смертные люди, и бесценное для каждого из них ВРЕМЯ служит и мерой труда, и мерой вознаграждения.

Капиталист принципиально отличается от наемных работников как физического, так и умственного труда. Он бессмертный среди смертных, он вечен, как природа, как материальные условия труда, монополизированные им. Никто не вправе, кроме него самого, устанавливать меру его самовознаграждения.

Конечно, не только поэт, но любой творческий работник, осознающий свой талант — свою рабочую силу — как природный дар, а не только растрату мгновений, вправе сказать о себе: «Я вечности заложник у времени в плену». Но «крытый черепицей старинный чердак» или дача в Переделкино, как и гонорары, как и суммы из литфонда, а очень часто

отсутствие и того и другого и третьего, доказывают обратное в обществе, где все покупается и продается. Талант как «бесценное национальное достояние» остается красивым выражением, а агентам национализированных средств производства предоставляется право решать: «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим».

Маркс видел границы, в которых действует закон стоимости. Земля, с одной стороны, талант автора «Потерянного рая», с другой, как бы высоко или низко их ни оценивали, не имеют стоимости. Да и будущее общество рисовалось ему не как торжество «равной оплаты равного труда», а как царство свободы, где общественное богатство будет измеряться уже не общественно необходимым временем.

Главное же в «Капитале» — показ того, как стихия рынка, осуществлявшая закон стоимости «через его неосуществление», через игру цен, расслоила общество на имущих и не имущих собственность, на капиталистов и пролетариев.

Гражданам слаборазвитых стран, мечтающим о жизненном уровне любой из западных стран и о буржуазной демократии, может показаться, будто капитализм с его противоречиями не более как выдумка «юго-восточной» официальной пропаганды.

Возьмем любую промышленно развитую страну, ту же Великобританию.

При наименьшем рабочем дне и при наибольшей производительности труда (производстве наибольшего количества продукции в единицу времени), при повременной, а не сдельной оплате труда там, казалось бы, торжествует победу трудовая теория стоимости. Но, как в насмешку, страна в целом и ее рабочий класс в первую очередь оказываются в рабской зависимости от Каддафи и К°, традиционных шейхов и «революционных» нуворишей, владеющих таким материальным условием труда, как нефть.

И респектабельная «Таймс» вынуждена поддерживать себя публикацией на своих страницах кровожадного бреда Вождя-Брата. Противно, но прибыльно!

А что стоит пресмыкательство «деловых кругов» западного мира перед их восточными «партнерами»?

Мировая экономика в наши дни — это капитализм со всеми его плюсами и минусами.

Если Гегель констатировал «абстрактное противоречие» базарных торговек и воспарил философски в царство чистой мысли, политически в «сферу государственных интересов», то Маркс открыл противоречие развитого товарного производства, чтобы пробудить общественное сознание у массы продавцов собственной рабочей силы.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Придите ко мне, страждущие и обремененные, и аз успокою вы.»

В разное время по разным причинам выявлялись то общность, то различие этих двух призывов.

«Не Иисус, не Маркс», — заявлено было в наше время.

Конечно, и Маркс — не Спаситель. Но лозунг, данный им Международному Товариществу Рабочих, и не обещал спасения со стороны. Не звал он и к успокоению. Но как учение Доброго Пастыря было использовано поводырями слепых человеческих толп совсем не в интересах страждущих и обремененных, так и марксизмом постарались прикрыть общественное развитие. На Востоке Маркса превратили в пророка, а на Западе в пугало.

Диалектическую логику этого великого мыслителя приходится очищать от недоразумений и предрассудков.

Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать существо марксистского взгляда на способы решения социальных проблем, я бы сказал, не боясь прибегнуть к парадоксу: *марксизм — это индивидуализм.*

Общеизвестен социальный идеал Маркса: «Ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (т. 4, стр. 447) Обратимся к исходному пункту понимания их исторического процесса:

«Первая предпосылка всякой человеческой истории это, конечно, существование живых человеческих индивидов» (т. 3, стр. 19).

Как выражение Уоллеса «борьба за существование» срослось с теорией происхождения видов путем естественного отбора, так выражение «классовая борьба», введенное историками реставрации, ассоциировалось с марксизмом.

Класс, конечно, можно представить себе в виде Супериндивида, наделенного доброй или злой волей и состоящего,

как из клеток, из живых людей, утративших свою индивидуальность. Но для автора «Капитала» *класс — понятие статистическое*. Общность социального положения, места в производственном процессе, одинаковое отношение к собственности обуславливают *вероятность* той или иной индивидуальной позиции. Каждый отдельный индивид в меру собственных сил и собственного разума, руководствуясь самыми различными мотивами, эгоистическими или альтруистическими, участвует в драме истории, автором и актером которой он является — наряду с другими. Масса индивидуальных волей, перекрещиваясь, образует составляющую, и, естественно, результат того или иного общественного движения не может не отличаться от индивидуальных целей, которые преследовали его участники.

Там, где Гегелю хотелось видеть «хитрость объективного духа», направлявшего игру индивидуальных волей в предначертанное им русло, Маркс видел *статистическую закономерность*. Именно как статистическая закономерность проявляет себя всякий раз зависимость отношения «человек-человек» от отношения «человек-природа». Старой формуле материализма: «бытие определяет сознание», тем самым, придается вероятностный характер.

Так, например, фабрикант Энгельс, вслед за фабрикантом Оуэном мог не только проникнуться сочувствием к положению рабочего класса, но и встать на его сторону в борьбе за экономические и политические права. Напротив, тот или иной потомственный пролетарий волен был оказаться по другую сторону баррикад.

Как никто другой, Маркс понимал значение *сотрудничества классов* в развитии общественного производства. Классовая борьба рассматривалась им как то, что изменяет не только политические формы, но и способы организации труда, обмена и распределения продуктов.

Безусловно отрицательное отношение Маркса к унаследованной от феодально-сословного государства бюрократической, военно-полицейской машине сочеталось у него с неприятием той псевдореволюционной формы организации пролетариата («партия нового типа»), прообразом которой тогда могла служить структура «Альянса международной социал-демократии», а в наши дни «демократический централизм» сталинских и маоистских движений.

Маркс полагался на самосознание и самодеятельность рабочего класса, а также — не удивляйтесь, пожалуйста! — на *благоразумие буржуазии*.

Чартизм в Великобритании был для него началом — мирным в условиях открытого общества — переворота, который завершится трансформацией вольнонаемного труда в социализм. «Достигнув известной степени, он (этот переворот) должен будет перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, *насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию*. Поэтому-то я, между прочим, уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если оно даже напало на след естественного закона своего развития ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить муки родов» (т. 23, стр. 10).

Призыв Маркса к объединению пролетариев всех стран в Международную Организацию Рабочих был, таким образом, не военным приказом, не демагогическим призывом в «партию нового типа», организованному по старому милитаристскому образцу, а подлинно демократическим лозунгом, зовущим работников физического и умственного труда освободить себя от политического и экономического деспотизма.

5. Парижская Коммуна — 1871. Логика демократии.

Гегель, Маркс, диалектика, демократия — это все 19-ый век, а мы доживаем 20-ый, умудренные его горьким опытом.

«Идеалы 19-го века рухнули? — спрашивал себя один из наиболее чутких наших современников, Р. Музиль. — Скорее так: человек рухнул под их тяжестью».

Крушение гуманистических идеалов обычной человечности воспел О. Шпенглер, предрекший не только *закат западных стран*, но и *восход восточных*.

Шпенглер видел лишь одну перспективу для современной цивилизации — техника вместо лирики, необходимость вместо свободы, цезаризм вместо парламентаризма.

Разве Эллада не кончила Македонской монархией?

Разве Рим не стал империей?

Разве Бисмарк не создал единую Германию «железом и кровью»?

Гром немецкой артиллерии в начавшейся Первой мировой войне воспринимался автором «Заката Европы» как аккомпанемент его мыслям, лишенным сентиментальности.

Нам, живущим во второй половине столетия, пророчества Шпенглера уже не кажутся безусловными. И тем не менее в них содержится злая правда. Вот в чем она.

Рок, тяготевший над демократическими структурами Греции и Рима, вынудивший их деградировать от «детской болезни» тиранства к «склерозу и маразму» культа императоров, был обусловлен в конечном счете тем, что и полис и республика, расцветая как политические системы, теряли опору в экономике, лишались корней, питавших и поддерживавших их.

Кто созидал и полис и республику? Ремесленники, крестьяне, торговцы. Частная собственность, основанная на личном труде, освободила их от кровно-родственных уз, от благоговения перед родовой знатью, подняла их сознание от идиллического идиотизма до политического мышления. Но потребителями уже созданной демократической системы оказалась масса праздного пролетариата, живущего за чужой счет, за счет рабского труда.

Мещанско-бюргерско-буржуазная цивилизация повторила бы — вплоть до бесславного конца — роковую инволюцию своей античной предшественницы, если бы растущий рабочий класс согласился на двойную роль: *безгласного раба на производстве и праздного пролетария в свободное от работы время*, если бы непосредственные производители материальных и духовных благ позволили себя обмануть, обломать, подчинить сверхсоциальным (по сути, антисоциальным) силам, влияние которых возрастало со временем: в экономике — силе капитала, вырвавшегося из-под индивидуального и общественного контроля, в политике — аппарату исполнительной власти, который чем дальше, тем больше

освобождался от пут, налагаемых на него институтами представительной демократии.

Возобладай эта тенденция, и пророчество Шпенглера осуществится. Мощь Большого Бизнеса, помноженная на мощь Большого Государства, даст такое цезарианство, которого свет не видал.

Отрадно знать, что еще тогда, когда эта тенденция только зарождалась, когда цезарианец Луи-Бонапарт и прусский бонапартист Отто Бисмарк предпринимали первую попытку втянуть европейскую цивилизацию в капкан империализма, рабочий класс Парижа ответил им революцией 18 марта.

Политическая структура провозглашенной тогда Коммуны и ее социально-экономическая ориентация должны быть внимательно рассмотрены нами, если нам дорог не только вчерашний день, но и будущее западной демократии.

Э. Лиссагарэ, коммунар, начинает свою книгу «История Коммуны 1871 г.» со следующих слов:

«История Коммуны была извращена», сказал Мишле о французской революции. История Коммуны 1871 года написана извратителями» (СПБ — 1906).

Газета «Монд» в канун столетия Коммуны повторила слова Лиссагарэ: «Образ Коммуны возникает лишь иногда, внезапно озаряя ослепительной вспышкой время праздника, время мечты, которая, едва успев воплотиться в жизнь, была убита. Затем республика привилегированных исказила смысл Коммуны или отодвинула ее в забытые потемки истории. Действительно, когда мы были детьми, нам рассказывали о Жанне д'Арк, о Бонапарте, но весна 1871 года чаще замалчивалась».

У нас 18 марта попало в число непразднуемых праздников, давая возможность какому-нибудь идеологу средней руки перечислить очередной раз все ошибки Коммуны и наши собственные достижения.

Когда читаешь, как оценивался и оценивается первый в истории опыт рабочего самоуправления, сталкиваешься с множеством взаимоисключающих суждений. Но эти противоречия — лишь отголосок внутренних противоречий, без которых революция 18 марта перестала бы быть сама собой.

— Парижскую Коммуну погубили противоречия.

— Парижская Коммуна одолела бы Версаль, если бы она

была монолитом (М. Машкин. «Новая История», М-76, стр. 21. «История Франции» в трех томах, М-73, стр. 438-440).

Будь Парижская Коммуна *монолитом*, она не была сама собой, но и в последнем случае, как второе издание якобинской диктатуры, она должна бы была кануть камнем в крестьянском болоте или послужить пьедесталом для повторения 18 брюмера.

Не об этом мечтали федераты, штурмовавшие небо.

Два символических акта характеризуют намерение Коммуны 71: сожжение гильотины и разрушение Вандомской колонны. Тем самым ею были принципиально отклонены обе исторические формы терроризма: и методы «перманентной революции» Робеспьера-Сен Жюста, и «перманентный милитаризм» Наполеона.

Сожжение гильотины и разрушение Вандомской колонны произведены были, кстати, тогда, когда обстоятельства, казалось бы, могли оправдать «чрезвычайные меры». Но Парижская Коммуна оказалась выше оглядки на обстоятельства.

Рассмотрим противоречия вокруг нее.

О. Бисмарк, оказавший помощь Тьеру в удушении Коммуны, судил о ней, однако, более беспристрастно, чем глава Версальского правительства. Он видел в ней не вертеп разбойников, а попытку установить в Париже что-то вроде прусского горсовета (магистрата), т. е. подобие традиционного бюргерского самоуправления в рамках централизованной государственной власти.

М. Бакунин писал: «Я — сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным *отрицанием государства*» (Избр. соч., т. 4, стр. 252).

Ф. Энгельс, употреблявший, как и Маркс, термин «диктатура пролетариата» для обозначения политической власти рабочего класса, писал: «Хотите ли знать, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну» (т. 22, стр. 201).

Так чем же была все-таки Коммуна — магистратом, анархией или диктатурой?

Послушаем непосредственных свидетелей.

Жюль Валлес с его романом-репортажем «Инсургент», Артур Арну с «Народной историей Парижской Коммуны», уже

цитированный нами Э. Лиссагарэ — не свидетели, а участники.

Иное дело Э. Гонкур. Пролистаем его дневники.

«18 марта... на Монмартре идут бои... кажется, восставшие торжествуют победу... Национальных гвардейцев становится все больше, и повсюду высятся баррикады, а наверху торчат шальные мальчишки».

19 марта... Для этой черни Свобода, Равенство, Братство может означать только ... гибель высших классов... Отвращение охватывает при виде их глупых и мерзких лиц: эти торжествующие и пьяные физиономии словно излучают беспутство.»

Какие претензии у писателя к федератам по существу? Никаких. Просто нервная реакция камерного и утонченного эстета на веселящуюся толпу. Если бы Э. Гонкур присутствовал не при победе федератов, а попал бы случайно в водоворот одного из обычных карнавалов, он испытывал бы аналогичные чувства: патриций среди плебеев, джентельмен в дурном обществе! Площадные шутки оскорбляют его вкус, фамильярность ранит, а «атмосфера необузданной карнавальной свободы» (Бахтин) кажется ему «беспутством».

Э. Гонкуру довелось наблюдать вскоре, как «высшие классы» отплатили «черни» за ее праздник...

«Пятница, 26 мая... Я шел вдоль линии железной дороги ... как вдруг увидел толпу мужчин и женщин, окруженных солдатами... Мужчины построены по восемь человек в ряд и привязаны друг к другу веревкой, стягивающей запястье... В числе женщин есть одна удивительная красавица, своей суровой красотой напоминающая юную Парку. Это брюнетка с густыми вьющимися волосами, с глазами стального цвета, щеки ее горят от невыплаканных слез. Она стоит в вызывающей позе, готовая броситься на врага... Полковник, отъехав на фланг колонны, выкрикивает ... по-моему, нарочито грубо, чтобы нагнать страху: „Всякому, кто отвяжет руку от руки соседа, — смерть на месте“. И это жуткое „смерть на месте“ четыре или пять раз повторяется в коротком спиче...»

Свидетелю пока жутко лишь от слов.

«28 мая... Зажатая между всадниками, движется толпа людей во главе с каким-то чернобородым мужчиной — лоб у

него перевязан носовым платком. Я замечаю в этой группе и другого раненого, соседи поддерживают его под руки, видимо, он не в силах идти. Люди эти необычайно бледны, взгляд их затуманен — он так и стоит у меня перед глазами... Конвой гонит этих людей почти бегом до казарм Лобо, и за ними с непонятной поспешностью, гремя, захлопывается дверь... Почти в ту же минуту грянули выстрелы, многократно усиленные эхом стен и ворот... Похожий на кучку пьяных из ворот выходит карательный отряд, на штыках у некоторых кровь».

Вот так — *вакханалией убийств* реагировали имущие («высшие классы») на мартовский праздник неимущих («черни»)!

Когда среди пленных федератов воображение Э. Гонкура поразила «удивительная красавица», он, человек сторонний, едва ли хотел олицетворить в ней разбитую, но непокоренную Коммуну. И все же она напоминала ему «своей суровой красотой» юную Парку. Какую, — хотелось бы спросить, — Клото, прядущую; Лахесис, которая тянет нить, связывая прошлое с настоящим и настоящее с будущим, или Атропу, неотвратимую, которая прерывает «связь времен»? И греки и римляне склонны были изображать богинь судьбы в виде отталкивающих старух. Но у Гонкура «это брюнетка с густыми вьющимися волосами, с глазами стального цвета, щеки горят от невыплаканных слез.»

Уже не сама ли это Марианна, керосинщица, правнучка станкюлотов, плясавших на камнях Бастилии? Или, быть может, не она, гражданка Парижа, а старцы, увековеченные Домье из версальского собрания «деревенщины», представляли будущее RF?

Да, тогда победили они, но не они, а она, юная Парка, держала в своих руках связующую нить европейской цивилизации. Что — продолжение или разрыв — сулил ее взгляд?

Э. Гонкур помог нам *представить* Коммуну. Но, чтобы ее *понять*, придется пойти дальше образного и нерасчлененного представления. Плод политической самодеятельности масс, революция 18 марта не сводима к однозначному олицетворению...

«Вот по отчету генерала Аппера, приблизительное

распределение по профессиям коммунаров: 52 ювелира, 124 картонщика, 210 шляпников, 382 плотника, 1065 комми, 1491 сапожник, 200 портных, 172 позолотчика, 632 мебельщика, 17598 торговых служащих, 98 комиссионеров, 227 жестянщиков, 224 литейщика, 182 гравера, 179 часовщиков, 819 типографов, 159 печатников, 106 учителей, 2901 поденщик, 2293 каменщика, 1659 столяров, 193 позументщика, 863 маляра, 106 переплетчиков, 283 резчика, 2664 слесарей и механиков, 681 портной, 347 кожевников, 157 модельщиков, 766 тесовщиков камней » (Э. Лиссагарэ. «История Коммуны...», стр.437-438).

«Всего было убито, сослано на каторгу или бежало в изгнание более 100 тысяч человек» (Н. Молчанов. «Герои Коммуны», М-71, стр.295).

Кто несет ответственность за эти небывалые прежде массовые репрессии — ясно. Карлик-чудовище Тьер и его сподручные гордились содеянным.

Но кто и как мог возглавить живых федератов, организовать, повести?

«Государственно-мыслящие люди» не верят в возможность *никогда не направляемой демократии*. Самоуправление, с их точки зрения, — всегда инсценировка, и они ищут за кулисами событий Главного Режиссера.

Р. Ландер, журналист, интервьюировавший К. Маркса, прямо высказался, например, в том смысле, что федераты получали инструкции из Лондона. Сто лет спустя наши учебники повторяют ту же версию: вожди мирового пролетариата осуществляли, де, непосредственное руководство Коммуной.

Забывают при этом, что члены французской секции Интернационала составляли *меньшинство* и в самой Коммуне, и в Центральном Комитете Национальной гвардии; кроме того, они были, как правило, *анархистами*, т.е. не теми, кто действует по инструкциям.

Сам Маркс считал смешным взгляд на революцию 18 марта как на результат «заговора Интернационала».

«В таком случае, — говорил он Р. Ландеру, — это был также и заговор франкмасонов. Их индивидуальное участие в деятельности Коммуны было далеко не малым... Но попытай-

тес найти другое объяснение. Восстание в Париже было совершено рабочими Парижа» (т. 17, стр. 634).

Правящим большинством в Коммуне были бланкисты и якобинцы, но и они не могли навязать свои программные предрассудки парижским рабочим. Сожжение гильотины, например, как и отклонение диктаторских поползновений некоторых наиболее рьяных приверженцев Робеспьера и Бланки доказывает это.

Парижская Коммуна была *многопартийным учреждением*. И именно как многопартийное учреждение она выражала волю не только того или иного лица, той или иной группировки, секты, партии, а рабочего класса Парижа в целом.

В «Воззвании Генерального совета Международного Товарищества Рабочих» на этот счет сказано следующее:

«Прямой противоположностью империи была Коммуна...

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных... Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего...

Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции... Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда за центральным правительством, должны были быть переданы коммунальным, т.е. строго ответственным чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства...

Коммуна по самому существу своему была, безусловно, враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвентурой...

Разнообразие толкований, которые вызывала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что *она была в высшей степени*

гибкой политической формой... Ее настоящей тайной было вот что: *она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда — правительством рабочего класса»* (т. 17, стр. 342-346).

«Разнообразие истолкований», «разнообразие интересов».

Теперь бы сказали: *плюрализм*.

Коммунальный строй, установленный в Париже мартовской революцией, конечно, продолжал традицию городского самоуправления, но не на прусско-благопристойно-бюргерский манер, а в специфически парижском духе.

Уже в 1534 году было известно: «...парижане, народ разношерстный и разнокалиберный, по природе своей не только отменные законники, но и отменные похабники... Слово *парижане* происходит от греческого паррезияне, то есть невоздержанные на язык... Здесь живут смутьяны» (Ф. Рабле. «Гаргантюа и Пантагрюэль», М-66, стр. 79).

Остальная Франция отставала от Парижа на несколько веков, да к тому же была деморализована бонапартизмом и повержена пруссаками.

Прав был Артур Арну, назвавший Париж «мыслящей головой на трупе» («Народная история Парижской Коммуны», СПб-1906, стр. 80).

Победить она не могла, но мысля, *мыслила диалектически*.

Пользуясь терминологией Гегеля и Маркса, можно сказать: существом Коммуны было *противоречие*, и именно это противоречие вело ее вперед, придавая ей динамичную, «в высшей степени гибкую форму».

Судите сами.

Не считая франкмасонов и других еще более мелких групп, политическую физиономию революционного правительства, созданного после 18 марта, определил *диалог* двух партий: бланкистско-якобинского большинства и меньшинства, состоящего из членов французской секции Интернационала.

Конечно, диалог между партиями в Коммуне не всегда был конструктивен. И «большевики» Коммуны и ее «меньшевики» допускали явные политические промахи. И те и другие

порой подозревали в оппоненте противника. Был даже момент, когда спор между якобинско-бланкистским большинством и меньшинством во главе с Э. Варленом принял форму взаимных обвинений.

— Авантюристы, диктаторы! — кричали «меньшевики» «большевикам».

— Трусые и соглашатели, — отвечали сторонники большинства меньшинству.

Прокурор Риго заготовил даже ордера на арест сторонников меньшинства как «врагов народа». Этот «большевик» владел логикой Робеспьера, но у него не было в распоряжении централизованного, действующего автоматически по приказу сверху, аппарата исполнительной власти. Ордера остались в кармане как свидетельство отставания мышления от бытия.

А диалог — при всех издержках — корректируя обоюдные промахи участвующих сторон, вынуждал искать и находить решения, приемлемые с различных, порой противоположных, точек зрения.

Кратковременна была весна 1871 года. Но даже в этот короткий срок Коммуна смогла преподать потомкам урок политической мудрости, а корень ее — в *биполярности* структуры власти. Правительство Его Величества рабочего класса, оппозиция Его Величества рабочего класса.

По ту сторону Па-де-Кале биполярность структуры власти никого бы не удивила. Тори и виги сосуществовали там, казалось бы, от начала времен. Но то, что в Великобритании можно было бы объяснить классовым компромиссом (тогда соглашением между землевладельцами и капиталистами, теперь сговором рабочей аристократии с буржуа-консерваторами), в Париже 71 года было необъяснимо.

Парижская Коммуна доказала, что и в случае социально-однородного, образованного одним классом, а именно пролетариатом, подлинно демократического парламента, биполярность как основа его жизнедеятельности сохраняется от начала и до конца.

История демократии позволяет нам, следовательно, выявить ее логику.

Стоит ли удивляться, что это не метафизическая логика

одноглазого сверхчеловека, а диалектика, полифония, а не Полифем?

В наш век с его негативным опытом можно считать установленным: демократия торжествует там и тогда, где и когда не просто допускается многопартийность, но и происходит чередование ролей во времени: вчерашние «имущие власть» уходят в «теневой кабинет», а получающие власть вчерашние оппозиционеры твердо знают, что продолжительность их пребывания в правительстве зависит от избирателей, от их интересов и настроений, а, следовательно, от своевременного учета и колебаний общественного мнения и неизбежной критики со стороны оппозиции.

Без гражданских свобод нет демократии, без демократии нет социализма. Без гражданского самосознания, без широкого и подвижного политического мышления невозможно ни то, ни другое, ни третье.

Я писал эти заметки, желая, в меру моих сил, противостоять той волне отвращения к диалектическому способу мысли, которую вызывают у людей доброй воли «искусство убедительного пустословия», выдаваемое за духовное наследие Гегеля и Маркса.

Свойство всех людей познавать себя и мыслить проявляется в наших условиях лишь как инакомыслие. Но и инакомыслие сегодняшнего дня может деградировать к государственному «мышлению» минувших эпох, отступить в православие и правоверность, если порвет с традициями инакомыслия, откажется от тех ценностей, ради которых и с помощью которых пульсировало сердце европейских революционеров и «возмущенный разум» звал их в бой.

У одного современного фантаста я прочел рассказ о планете, цивилизация которой довела среду обитания до невозможности дальнейшего существования в ней. Что делать? Ученые изобрели машину времени и переместили себя и своих сограждан на миллионы лет назад — в девственные леса. Пожили «там» и опять истребили все условия для жизни. Опять скачок в прошлое, и т. д. пока не обнаружилось, что «позади» уже нет ничего, кроме первобытного необитаемого океана. Будущее же уничтожено было ими с самого начала.

Иран сегодня ищет спасения в возвращении в 7-ой век.

До моего слуха доносится спор, куда лучше податься нам — в «петербургский» или в «московский» период российской государственности?

Я не Иван Непомнящий родства. Мне тоже дороги исторические реликвии. Но я хотел бы видеть «поскутья сих знамен победных», шапку Мономаха и прочие атрибуты государственности на их месте — в музее, рядом с механической прялкой и каменным топором.

АБРАМ ТЕРЦ

Спокойной Ночи

СИНТАКСИС

1984

ТОСКА ПО НЕСВОБОДЕ

(Из писем эмигрантов)

ИЗ ПИСЕМ И. СИНЯВИНА* ПОЭТУ Н. В. ЛЕНИНГРАД

Письмо 1.

Здравствуй!

Отвечаю на интересующий Тебя вопрос. Как объединить два противоположные направления в русской мысли, символизируемые (у тебя) Солженицыным и Яновым. Ты определяешь эти течения как «консерватизм» и «либерализм».

Хотя консерватизм характерен для тех, к кому примыкает Солженицын, а либерализм противостоящим, но эта дихотомия не отражает существа проблемы, являясь второстепенным признаком.

Суть деления гораздо более точно покрывается старыми определениями: западники — славянофилы. Хотя тоже не полностью. Леонтьева никак не отнесешь к западникам, но и славянофилом не назовешь.

«Западники-восточники» тоже не подходит, поскольку Россия не тождественна Востоку. Деление русской мысли является отражением деления мира на две половины. И если ранее оно было менее выражено, то теперь более явно. Отсюда более резкое разделение между нынешними славянофилами и нынешними западниками.

На Запад выпала доля быть наследником духа Греции, скандинавско-немецкого индивидуализма, городской демократии Средневековья. Россия — наследница Древнего Египта, Рима, Византии, Монгольской Империи.

Человек примыкает к одному или другому берегу в зависимости от того, к чему прилеплена его душа — к России или к Западу.

И потому было бы более точно назвать одних «русскими», других «западниками».

Тем более удобно, что для обозначения национальной принадлежности в русском языке только для самих себя

* Игорь Синявин — художник из Ленинграда, эмигрировавший в США.

используется прилагательное, для остальных — существительные.

Понятие «русский» содержит в себе не столько расовую, этническую основу, сколько определяет человека со стороны служения, принадлежности России.

Какой-нибудь калмык со слезами на глазах на ломаном русском утверждающий: «Я есте руськи человек» оказывается на берегу, противоположном берегу Сахарова, утратившем свою национальную душу.

Это об определениях. Теперь о синтезе.

Если бы «русские» объединились с «западниками», то они бы изменили самим себе.

«Русские» веруют в Россию, в ее Миссию, в ее Идею. Для них Запад — противостоящая сторона, исторический враг, стремящийся уничтожить Россию, независимо от того, в состоянии какой формации пребывает Россия.

Скорее «русские» объединятся с советской властью, чем с Западом и западниками. Как это и было во время последнего нашествия с Запада, когда возникла смертельная опасность для Родины...

Июнь 1983, Вашингтон

Письмо 2.

Здравствуй!

Поскольку Россия, взятая как целое, включающее в себя все ее социально-политические проявления, явление не случайное, а имеющее корни в основе Бытия, то она должна иметь выразителя своей духовной сущности.

Таковым является интеллектуальный слой российского общества. Естественно, он не представляет из себя монолитной партии, поскольку Идея России многогранна и бесконечно глубока. Часть ближе, часть дальше от осознания подлинной сущности России. Западники — наиболее удаленная, отколовшаяся часть, предавшая в духовном плане Россию, променявшая свою Родину на противостоящую половину мира..

Западники, являясь пятой колонной Запада внутри России, разлагают ее изнутри. Они не ставят своей задачей сохранение России, не разрабатывают пути реализации ее духовного потенциала. Вся их деятельность глубоко антипатриотична. Их усилия направлены на

критику, случайные позитивные разработки преследуют целью разложение общества путем соблазна несбыточными иллюзиями. Их главное жало — противопоставление личности государству...

Советская власть — это уход в сторону, но не измена предназначению России. Как не велики жертвы, понесенные нацией, Россия не погублена. А вот окажись у власти западники — все расплозлось бы на части, как это и было в феврале-октябре 17 года...

...Как свету нужна тень, как истине заблуждение, так России необходим Запад...

Если воспользоваться шумерийско-иудейским мифом, то Россия — это Адам до искушения, Запад — Адам искушившийся. Первый следует долгу исполнения Закона, второй — диссидент, пошедший по пути Павшего, ставший «свободным» в отрыве от Бога. Первый пребывает в Истине, вкушает ее, второй идет, перебирая иллюзии, пытаясь найти Правду во Лжи.

Основные западные ценности — это индивидуальная независимость от Власти, которая рассматривается как Зло. Ценности, на которых зиждется Россия — власть должна быть родная и обладать авторитетом, и быть способной организовывать общественную жизнь.

Естественно, что реальная власть может отступать от идеального образа, заложенного в Душе Нации.

Так нынешняя власть строит свое дело на песке. В основании ее доктрины лежит марксистское положение, доставшееся от анархистов, что власть есть средство господства одного класса над другим. И идеальное общество есть общество без власти.

Парадокс положения очевиден. С приходом к власти партии вооруженной марксистской теорией власть укрепилась, создала внутреннюю защиту от повторной возможности ее разрушения — марксисты, вкупе с им предшествовавшими демократами, привили государству иммунитет против возможного нападения себе подобных.

На деле получилось, что под руками коммунистов — отрицателей государства, власть выявила свою подлинную сущность тотального организатора всех проявлений общественной жизни.

Демократия есть аналог восставшего сатаны. Она не содержит в себе позитивных ценностей, а лишь отрицание.

Июль 1983, Нью-Йорк (Оба письма опубликованы в журнале «Свободное слово Руси», сентябрь-декабрь 1983 г.)

ИЗ ПИСЬМА И. СИНЯВИНА И. ШЕЛКОВСКОМУ*

Игорь, здравствуй! Поздравляю с Новым Годом, желаю творческих успехов.

Меня порадовало твое письмо тем, что у тебя хватает достоинства не переводить политических разногласий в плоскость личных оскорблений...

Я покинул Родину и ныне смотрю на это тоже как на предательство. И мучаюсь не только разрывом, но и стыдом. Могу лишь сказать, что ни на мгновение я не переставал любить Родину и болеть за нее душой. Пребывание же на Западе многому научило. Жестокий опыт заставил переоценить свое правдоискательство — правдоискательство у себя под носом.

Я приехал сюда с мыслью, что нет худшего зла для русского народа, чем советская власть, что Запад — форпост свободы и спаситель человечества. И первые же шаги на чужбине окунули в ту реальность, которая весьма далека от образа, преподносимого радиостанциями Европы и Америки. Воочию убеждаешься в демагогии пропагандируемой идеи свободы. Весьма удобное понятие для промывания мозгов своего населения и разложения противостоящего лагеря. «Забота» об интересах русского народа на деле оказалась неприкрытой русофобией. По всем каналам массовой культуры возвращается ненависть к русскому человеку, к русской истории. И это не случайный налет, обусловленный усилением холодной войны, а отражение глубинного противостояния — на данный исторический период Запад — геополитический враг России. Он таковым был, таковым и останется, каковою ни была бы Россия: царской, демократической, советской.

Естественно, вражда не в интересах народов. И сам по себе народ Запада не несет ответственности за полити-

* Игорь Шелковский — художник, эмигрант из СССР, редактор журнала «А — Я», живет в Париже.

ков типа Рейгана, натравливающего американцев на «центр зла».

То, что так не нравится Рейгану — тоталитарный идеократический строй — возник не случайно, а обусловлен историей России, в жесточайших трудностях отстаивавшей свое существование. Не вечевой строй Новгорода объединил страну, а единоначалие Москвы. Истина — едина, тотальна. И государство должно иметь цель, общую идею. Потому нынешняя политическая форма обусловлена не только исторически, но и логически.

На сегодняшний день давление Запада с Турцией, Пакистаном, Японией (надеются подключить и Китай) по своей опасности напоминает тот период истории, когда с одной стороны монголы, с другой немцы давили на Русь. И также, как тогда, отсутствие единства явилось главной причиной поражения, так и ныне работа по подрыву нынешней власти, по разрушению единства общества становится национальным преступлением. До тех пор, пока Родина в опасности, пока она окружена вплотную военными базами и ракетами, нацеленными на наши города и жизненные центры, прожекты всей «оппозиции», начиная от ВСХСОН до Сахарова, — безответственные мечты. Мы не можем сбросить панцирь, хоть и сдерживающий наши движения, но надежно выполняющий главную свою функцию — защиту от врага, жаждущего разорвать Россию в клочья.

Опыт февраля 17 года доказал, что поручи нынешнему краснобаю Керенскому—Сахарову страну, он бы ее развалил, как и предшественник, за полгода. И собирать бы ее пришлось если бы удалось, мерами похлеще былых. Единство России — это не требование для удовлетворения русской гордости, а залог свободы всех народов, составляющих исторически сложившийся союз наций.

Карты всех демократствующих раскрыл их неофициальный глава — Сахаров. Международное правительство, единая мировая экономика, лишение наций независимости и своеобразия. И пути к этому — требование разоружения СССР, максимальной гонки вооружений на Западе, окружение своей родины крылатыми ракетами. Не позорно ли находиться в одной с ним компании? Не обладают моральным правом взывать к совести последователи

человека, променявшего свое первородство — звание ученого великой страны, на чечевичную похлебку, на премии, выдаваемые из средств, предназначенных для ведения подрывной работы, за демарши по инструкциям западных радиоголосов и сионистских посыльных.

Ты пишешь о моей неустойчивости. Завидую тем, кому мировоззрение во всей полноте достается с пеленок. Я же добываю его нелегким трудом и горьким опытом. И если «вертелся», как ты выражаешься, то только против ветра. Подавляющее большинство из оказавшихся здесь диссидентов держат нос по ветру. Как оказалось, не истина их волнует, а жажда опередить других в гонке за призовые места. Быть крайним антисоветчиком на Западе невелика храбрость, а выгода очевидна.

Не отступал я лишь от одного — от поиска истины, от любви к России и ее народу. За остальное пусть меня судит Бог и народ, а не его ненавистники.

Ты предостерегаешь меня от возможного трагического конца. Я понимаю, что ассимилируюсь душой и телом на Западе, жизнь бы моя была здесь благополучна и безмятежна. Но если сердце прилеплено к России — лучше трагический конец на родине, чем сытость на чужбине...

10.1.84 г. Нью-Йорк.

ПИСЬМА И. СИНЯВИНА В РОССИЮ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ГАЗЕТОЙ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА» ПОД ОБЩИМ ЗАГОЛОВКОМ «ПИСЬМО ОТТУДА».

...Как бы ни было здесь сытно и относительно благополучно в бытовом смысле, не пожелаю никому оказаться в эмиграции. Не поможет ничто: ни слава, ни подготовленная политиками реклама — окажется в любом случае вне своей стихии, вне родного языка, вне своего народа. Даже евреи, не те, кто приехал делать деньги любыми способами, а те, для кого культура — высшая ценность, и они в положении изгоев...

Я еще не знаю ни одного порядочного человека, кто бы не схватился за голову и не говорил себе: какой леший понес меня сюда?

Сидя в Союзе и слушая западную радиопропаганду, казалось, что здесь царство свободы слова — найдешь

применение своим талантам, откроется мир как целое. Работа на человечество... Увы — чужая культура, противоположный мир антиподов.

Хочется кричать: берегите свое, цените свою культуру, не меняйте ее на пустышки и ложь другого мира. Все ценное с противоположного берега вы будете знать. И еще даже скорее, чем здешний житель — он оглушен шумом поп-культуры. Но кто услышит? Все больше заражаются американизмом.

Как больно смотреть некоторые советские картины, отражающие невольно проникновение американизма: джинсов — этих дешевых брюк на задницах дешевой публики, жвачек — этой отравы кретинов с незакрывающимся ртом, рок-музыки, заполняющей грязные кварталы, где живут негры и пуэрториканцы.

Сюда-то, волноваться не приходится, ни одна мышь не проскочит. По телевизору никогда не демонстрируют иностранные фильмы, о советских говорить не приходится.

Культура в Штатах, если оценивать в целом, на весьма низком, сравнительно с Европой, уровне, но самоуверенность американцев обратно пропорциональна их достижениям в этой области.

Конечно, если брать технологический уровень, то здесь достижения несомненны. Прекрасные автострады. Машины. Каждый может иметь если не новую, то подержанную. Высокий уровень компьютерной техники — она проникает даже в быт. Электронные игры, хоть и забава, но с детства приучают к управлению с помощью экрана, ловкости, сообразительности...

Конечно, продукты химизированы, но есть выбор. Вместо искусственно стимулированного мяса можешь покупать рыбу. Заменять искусственные огурцы, хоть и вдвое-втрое более дорогими и не всегда доступными, натуральными. Зелень, фрукты — круглый год, всегда в изобилии, в большом выборе по сортам, по видам...

Сейчас все катится вниз — затраты на вооружение ложатся непосильным грузом...

Свобода... А вот прокатись по стране в поисках природы, отдыха, чтобы побыть наедине в естественной среде. Будешь катиться по дороге, огражденной с обеих

сторон проволокой или угрожающими надписями: «Не входить! Частная территория!» Можно незаконно проникнуть, спрятав машину, да не будешь чувствовать себя на своей земле, а будешь как вор, прислушиваться — не идет ли владелец с ружьем.

Посмотришь на гору, заросшую лесом, и видишь не столько красоту, сколько поражаешься богатству владельца...

И множество ограничений — стоянки машин в определенном месте. Ночевать в палатке? Плати. И став рядом с другими. Человек выросший в России на природе, чувствует себя кроликом в клетке, которого закармливают перед убоем.

Кто может зарабатывать деньги, тот способен обеспечить себя достаточно высоким уровнем материальной жизни. Но ни за какие деньги невозможно купить той внутренней свободы, того чувства сопричастности раскрываемому смыслу бытия, активному участию в нем, какое осталось позади, в России. И я жив лишь одним — верностью былому духу, а потому не порвавшим внутренне-родства с оставшимися. И надеждой вернуться рано или поздно. Не нашел я лелеемой свободы и, как ни парадоксально, начинаю думать — не там ли, откуда сбежал, оставил я свою свободу?..

И дело не в том, хорошо или плохо в бытовом, политическом, культурном отношении. Здесь мир иной, и во всяком случае не универсальный, не общечеловеческий, а со своими ценностями, мифами, обычаями. Здесь иная Идея. И чтобы здесь чувствовать себя на месте, нужно заново родиться. Но я не хочу себя терять, я верую, что Россия обладает вселенской миссией, существование ее не случайно. Только утратив Россию, начинаешь понимать всю жизненную и духовную ее необходимость. Не только разрыв с землей. А ведь и это одно повергает человека в пустоту. Недаром в Древней Греции остракизм был равносителен казни. Сократ выбрал смерть...

Вернуться труднее, чем выбраться. И не только потому, что не пускают. Куда? К разбитому корыту? К прежним друзьям, которые будут смотреть как на изменника? Их бы всех сюда — все их прозападничество как рукой сняло. Но кому докажешь, если им ежедневно вбивает

в голову сладкоречивую ложь под видом правды западное радио. Чтобы понять всю преступную сущность этой лицемерной пропаганды свободы, надо все видеть своими глазами. Все отсутствие подлинной свободы, которая только для своих, т. е. несвобода для других. Все результаты демократической системы — полное отсутствие общности, культ доллара, частной собственности...

...Американской культуре не потягаться с остальными, но в силу своей беспардонной самоуверенности они закрывают глаза на сокровища других народов. Затем — американский прагматизм: хорошо лишь то, что дает деньги. Жертвенность, идеальный мир искусства, духовных ценностей — это бред. Что ж, американский дух дает возможность отдавать все силы на завоевание внешнего мира, не смущаясь при этом утрат в области духовной. Но сможет ли выстоять на сей хилой базе страна в истории?

США — страна демократии, которая есть результат гипертрофии единственной идеи — самодостаточной индивидуальности. Отсюда общее — лишь механический конгломерат не связанных между собой личностей. Но обрести смысл жизни можно, лишь утратив то, с чем прибыл. Россия в этом отношении — страна, где человек причастен смыслу бытия, где он в центре космической драмы. Именно там решается судьба мира. В идейном отношении Россия — это светило, из которого выделяется энергия. США — черная дыра, куда все проваливается.

Конечно, здесь полно людей высокой культуры. И Достоевский, Толстой — их любимые писатели. По радиостанциям классической музыки русские композиторы занимают половину репертуара. Но эта культурная элита не делает политики. И те люди, простые труженики, кто живет своим умом и понял всю цену массовой пропаганды, тоже хорошо относятся к России, русским. Негры, цветные — те видят в коммунистической России опору для бунта против богатых белых.

Когда читал обо всем этом в советской прессе, не верил, казалось грубейшей пропагандой. Действительность оказалась печальнее...

(«Ленинградская правда», 17-1-1984. В передисловии приводится стихотворение ленинградского поэта В. Нестеровского, посвященное И. Синявину «Уезжает мой друг из Отечества»).

И. ШЕЛКОВСКИЙ: ОТВЕТ И. СИНЯВИНУ

Здравствуй, Игорь!

Кажется, теперь ты не можешь пожаловаться на то, что тебя не печатают, что «писать приходится в стол, для архива» и «исписанные страницы не вырываются „на волю“». Вырвались «на волю» твои страницы, напечатаны многими газетами, в том числе и «Ленинградской правдой». Потрудись еще немного — напечатает и «Правда» московская. Уж очень хороша газетная шапка: «Письмо оттуда» (почти «с того света») — крик эмигранта, разочаровавшегося в Западе. Сенсационно: Мы вам говорили, а вы не верили — вот вам свидетельство вашего же человека, на себе все испытавшего и проверившего. Слушайте! Слушайте! Один предатель в стане может сделать больше ущерба, чем несколько полков вовне, операция удалась.

Все тебя раздражает на Западе — и поп-музыка, и штаны и жвачка, словом, как пишет советская газета, «наступило духовное прозрение человека». И действительно, что такое джинсы, например? «Дешевые брюки на задницах дешевой публики» — поясняешь ты читателю. И отсюда — «берегите свое хочется кричать» тебе.

Газетная публикация сопровождается посвященными тебе стихами ленинградского поэта А. Нестеровского. О качестве этих окающих стихов в стиле «Окон ТАСС» можно судить хотя бы по последним строчкам:

Знаю, вас обеспечат прокормом,
Только будет ли там непокорно
Колоситься твоя борода?

Непокорность, доставляющая столь много хлопот властимущим дома и потому всячески преследуемая, в эмиграции, видимо, приветствуется, и советский поэт даже выражает беспокойство по ее поводу.

Из твоего текста явствует, что прокормом тебя не обеспечили,⁷ но зато борода твоя «колосится» вовсю так же, как и вихры безбородого, но тоже считающего себя не-обеспеченным прокормом, Лимонова. И главная цель этой «непокорности» вызвать как можно большую сенсацию повторением отсюда, с Запада, самых дешевых, заезженных

и давно уже амортизированных тезисов советской пропаганды. В условиях свободного мира, где писать и печатать можно все, что угодно, ты, изображая из себя бесстрашного борца за полную, окончательную и нелицеприятную правду, повторяешь повседневную пропагандную ложь советских газет.

«Сейчас все катится вниз — пишешь ты об Америке — затраты на вооружение ложатся непосильным грузом». Ложь. Как раз Запад и Америка справляются и по части вооружения и по части поддержания высокого, в сравнении с Россией — очень, уровня жизни. Непосильным грузом эти затраты ложатся именно на Советский Союз, который, под прикрытием детанта, эту чудовищную гонку вооружений развязал и даже добился в ней временного преимущества. Зачем это было нужно ему — другой вопрос, хотя ответ на него также не сложен. Он впереди.

Ты пишешь оставшимся за железным занавесом и по крупицам собирающим сведения о другом, свободном мире: что происходит там в области культуры, литературы, человеческой мысли, и что же ты хочешь сообщить им? «Все ценное с противоположного берега вы будете знать». Как? В Союзе можно всю жизнь прожить и не иметь возможности познакомиться хотя бы с киноклассикой, от Чаплина до Хичкока, о новых направлениях и говорить не приходится. Что ценное и что не ценное, что можно знать и что нельзя у нас определяется высоким начальством. Сколько видели мы современной живописи, скульптуры, в том числе и собственного авангарда, хранящегося дома за семью печатями, но демонстрируемого широко за границей? Спасибо Щукину и Морозову, купившим раннего Пикассо, Матисса, импрессионистов, Сезанна, а то, и их знали б только по репродукциям в заграничных изданиях, как все остальное новейшее искусство.

А сколько книг, журналов, статей были бы лишены возможности прочесть, живя в родной деревне, именуемой, к примеру, Москвой, и общаясь лишь с ее книжными магазинами и библиотеками и не имея доступа в спецхраны, как не имеет его большинство российской интеллигенции? (Есть, правда, Самиздат и Тамиздат, но ведь ты теперь «за Советскую власть», следовательно, против нелегальщи-

ны.) Как ни парадоксально, но ведь и почти все интереснейшие книги, касающиеся России, ее истории, ее острейших вопросов и споров, исторические документы — от Кюстина до Троцкого — опубликованы здесь, на свободном Западе.

На протяжении всей статьи ты стараешься убедить читателя в том, что Америка страна предельно бескультурная: «Американской культуре не потягаться с остальными, но в силу своей беспардонной самоуверенности она закрывает глаза на сокровища других народов». И тебе плевать, а газета, прозевав, печатает, фразу, этот тезис полностью опровергающую: «По радиостанциям классической музыки русские композиторы занимают половину репертуара». Помнишь ли ты, что во время показа в нью-йоркском музее Гугенхайма русского авангарда из коллекции Костаки, другая часть музея была занята выставкой итальянского художника Моранди?

Ты судишь Америку, где музеи одни из лучших в мире (и где они росли последнее время как грибы), а собрания мирового искусства — из самых представительных, приехав из страны, где за все годы советской власти не построено ни одного музея, если не считать музея Советской армии (интересно, есть ли в Америке музей американской Армии? если нет, то какая же страна более милитаристская?), где и старые-то коллекции расторгивались за ненадобностью и за неумением организовать благополучие другим путем. Ты пишешь об Америке, где во многих городах известные на весь мир симфонические оркестры, приехав из страны, где почти вся культурная жизнь сосредоточена в двух столицах — бывшей и настоящей, а остальное тонет во мраке, пьянстве, бескультурье и безразличии. Да лишь отчаянно сопротивляются союзному удушению национальные окраины.

Американская литература, американское кино, американские архитектура, музыка, балет, джаз, в конце концов, — это ли не вклад в мировую культуру? Да что ж тогда «культура» по-твоему? Зачем же так воинственно размахивать собственным невежеством?

Но, кажется, для тебя уже дело не в культуре: «Здесь иной мир, во всяком случае не универсальный, не общечелове-

ческий, а со своими ценностями, мифами и обычаями. Здесь иная идея.» А не переворачиваешь ли ты все с ног на голову? Не на нашей ли родине правят мифы, не имеющие ничего общего с ценностями универсальными? Не на нашей ли именно родине правит бесчеловечность со своими дикими идеями? Не Запад, не Америка уничтожали своих же соотечественников десятками миллионов. Не Запад, не Америка держат свои народы в полной изоляции от окружающего мира, оболванивая лавиной идеологической пропаганды.

Зачем же собственную ностальгию сублимировать в такую чудовищную ложь? Скажи ясно: мне не нужна свобода, плевать мне на КГБ и идеологию, я хочу вернуться в свою тесную, вонючую, грязную камеру, к которой я привык, к воздуху которой принюхался, где провел большую часть своей жизни. Без которой мне холодно и неуютно. Пропади пропадом блага свободы и новая жизнь — это не для меня, я потерпел фиаско.

Но не лги, что «не знаешь ни одного порядочного человека, кто бы не схватился за голову и не говорил себе: какой леший понес меня сюда?» (Или ты считаешь порядочным только себя?) Подавляющее большинство эмигрантов счастливо, что наконец вырвалось из этого гигантского концлагеря, именуемого Советским Союзом. Да и те, кому всего мало, что ворчат и недовольны, были бы несчастнейшими людьми, перенеси их вдруг судьба обратно, на прежнее место, к разбитому советскому корыту.

Твое разочарование в Западе — в сущности разочарование в самом себе. Эмиграция — это и самопроверка, не все эту проверку выдерживают. Трудно приходится тем, у кого уровень амбиций превосходил уровень реальных возможностей. Ты, а не Запад не исполнил обещаний. У тебя были шансы равные с другими, что ты смог сказать людям ценного, нового? Ты выставлялся на выставках, печатал статьи, издавал «Альманах», был редактором собственной газеты — да кто в Союзе, из мыслящих независимо, может мечтать об этом?

Сейчас ты демонстрируешь старые русские качества, те, что не из лучших, — лень и ксенофобию. Вместо того, чтобы выучить язык, войти в новую культуру, понять, что вокруг тебя происходит, ты изобретаешь теорию о

«несовместимости миров» (и конечно о превосходстве нашего, «мы самые-самые», «вселенская миссия» — ни больше, ни меньше). И вот подобно советским писакам, ездящим в командировки на Запад лишь за тем, чтоб оплевать его потом в газетных статьях (а то не пустят еще раз), ты также брюзжишь, то на одно, то на другое.

«Нельзя подъехать к океану, частные владения.» — А пустой русский Север — лучше? Покинутые деревни, избы с заколоченными окнами, — старухи повымерали, молодежь разбежалась — лучше?

Не устраивает тебя «чехарда президентов». А советский паралич привлекательнее? Когда каждый дорвавшийся до власти вцепляется в нее до последнего, пока кондрашка не хватит, так, что лишь смерть является предельным сроком мандата. (Как в случае с Брежневым, процарствовавшим при всей бездарности и безликости целых восемнадцать лет — дети выросли, взрослые поумирали. А жизнь одна — жди, сколько?)

Американские труженики симпатизируют Советам ? Ложь. Как раз американский рабочий класс на коммунизм не заманишь. Уж если играют в него, то левая элита в университетах, да и то, кажется, мода проходит.

Твой метод сравнения России и Америки примитивен и нечестен: брать идеально-мыслимое, желаемое, но не существующее, воображаемое в одном случае и реальное — в другом. Результаты твоего сопоставления: «Россия — это светило, из которого выделяется энергия, США — черная дыра, куда все проваливается». Прочтет это кто-нибудь из твоих бывших друзей в Ленинграде и пальцем у виска покрутит. А помнишь ли ты реальную сегодняшнюю Россию, ту, что называется Советским Союзом, советскую действительность? Очереди за картошкой и за мясом, убивающие время и силы, повседневные ухищрения достать одно, другое, выжить, пьяные в блевотине поперек тротуара, стукачи и топтуны на улицах, тоска зеленая телевизионной пропаганды, полная бессмысленность и бесперспективность такой жизни, когда ты не можешь хоть что-то изменить в ней — от тебя не зависит ничего. За каждое свободно сказанное слово грозит тюрьма или психбольница. Это ли не «черная дыра»?

Ты предлагаешь взглянуть на происходящее «сверху, в исторической перспективе» — какой, в чем эта перспектива? Объясни, куда она направлена — в прошлое? В будущее? Если в будущее, то как раз полная бесперспективность — главная черта советского строя.

«Когда-то я был нужен всей вашей братии, — юродствуешь ты — когда нужно было грудью на дзоты. Но как только встал вопрос о дележе добычи — я остался один». Какой добычи? О чем ты? Если кто-то из художников, писателей, музыкантов добился успеха — это результат его индивидуальных усилий, никакого дележа добычи не будет. Это не Союз Советских художников, где все дерутся у общего пирога, распределяя заказы, материалы, мастерские, квартиры, путевки, премии и прочие блага.

Но наиболее чудовищен главный твой вывод, который ты формулируешь так: «На данный исторический период Запад — геополитический враг России. Он таковым был, таковым и останется, каковою ни была бы Россия: царской, демократической или советской». (Ты даже последнюю войну изображаешь как нашествие Запада, забывая, что в конечном итоге это была война двух тоталитарных систем, и первая — фашизм — прежде, чем двинуться на восток, поработила своих западных же соседей. Победа над фашизмом — заслуга не только России, но и Запада и Америки. Не забывай этого.)

Вот он, коронный номер советской пропаганды, которому ты, из кожи вон, подыгрываешь: мы окружены врагами! Души диссидентов — внутренних врагов! «До тех пор, пока Родина в опасности, пока она окружена вплотную военными базами и ракетами, нацеленными на наши города и жизненные центры, прожекты всей „оппозиции“, начиная с ВСХСОН до Сахарова, — безответственные мечты. Мы не можем сбросить панцирь, хоть и сдерживающий наши движения, но надежно выполняющий главную свою функцию — защиту от врага, жаждущего разорвать Россию в клочья».

Да что за бред? А не советские ли ракеты готовы стереть с лица земли западные города? А не советская ли военщина добилась преимущества в атомной угрозе? А не советские ли танки ждут момента, чтоб сорваться как

бульдози с цепи и проутюжить Западную Европу? А не Советский ли Союз отказывается от всяких переговоров о сбалансировании вооружений? А не Советская ли империя все шестьдесят с лишним лет под миролюбивые декларации растекается по миру как масляное пятно: сейчас на очереди Афганистан, кто дальше? А не Советский ли Союз лезет во все дыры, от Кубы до Африки и Ближнего Востока, стараясь стянуть себе все, что плохо лежит?

Коммунистическая печать воем исходит по поводу «американского империализма». Что ж, проверим по истории, кто более «империалистичен»: можно ли освобожденные американцами, ныне процветающие и независимые, Японию и Германию сравнить со странами Восточной Европы — политическими и экономическими вассалами Советской империи?

Кто собирается «разорвать Россию в клочья»? Вопрос: что произошло бы, если б Россия ракет не имела? Ответ: да ничего не произошло б. Почему не «разрывают в клочья» Индию, например, Австралию? Да и мало ли на свете стран, чьи ракеты не нацелены на Запад и Америку, и которые тем не менее не боятся за свое целостное существование?

Тогда для чего же нужен этот «панцирь»? Вот здесь ты сам и отвечаешь на вопрос: именно, чтобы «сковывать наши движения». Пока верно то, что «мы окружены врагами», верно и то, что «терпите, переносите все и слушайтесь властей. Никаких инакомыслящих». Допустит ли правители какое-то «движение», свободную мысль, слово — они вынуждены были бы вскоре уступить власть людям более достойным. Есть ли в какой другой стране на земном шаре правительство более дебильное, дряхлое, безликое, серое и, в то же время, более аморальное, циничное, жестокое и агрессивное, чем советское?

Еще нужен «панцирь», чтобы держать в узде все поработанные народы. Пишешь ты: «Единство России — это не требование для удовлетворения русской гордости, а залог свободы всех народов, составляющих исторически сложившийся союз наций? Ты скажи эти громкие слова представителям этих народов — они тебе в глаза плюнут. Знаком ли тебе термин «финляндизация»? Так вот, даже зависимая от Союза Финляндия неизмеримо свободнее и

целостнее национально, чем Эстония, Латвия, Литва, где и населения-то местного уже меньше половины. Что ж, Финляндия с оружием в руках сумела в 1939 году отстоять свою независимость.

Что значат слова «исторически сложившийся»? А кто эту историю «складывает», как сейчас в Афганистане, — не Советский ли империализм, наследник российского?

Ты рисуешь идиллическую картину, калмыка « со слезами на глазах на ломанном русском» утверждающего: «Я есте руськи человек». А почему «со слезами на глазах»? Не потому ли, что в 1946 году ликвидировали его Калмыцкую АССР, и ему ничего другого не оставалось, как «со слезами на глазах» зачислить себя в русские? По сих пор «зачислены» в «русские» крымские татары, без права возвращения на свою родину, в Крым. Скольким еще народам империи предстоит русификация?

В том ли «русская миссия», чтобы быть тюрьмой народов, поработая других, терять остатки свободы собственной? Осуществление этих целей и привело русскую нацию на грань краха, к моральному тупику. Если сейчас русский народ чуть ли не на пути к вырождению: алкоголизм, падение рождаемости, увеличение детской смертности — единственное государство, где детская смертность не падает, а растет, — то в этом вина и тех, кто подобно тебе купились идеей могущества и противопоставления России якобы враждебному Западу.

Все национальные соки ушли на укрепление помпезной тоталитарной империи, на содержание гигантской и ненужной для нации военной машины, на ковку оружия, превращающегося с годами в ржавый лом.

Ты обосновываешь все исторической судьбой, «прилепившись душой» к России, ты стараешься «прилепиться душой» и к «родной» Советской власти. Но Советская власть — не Россия. Унаследованные ею черты («свинцовые мерзости русской жизни») — именно те, против которых выступали лучшие русские умы. Все же хорошее, что осталось, — планомерно уничтожалось и уничтожается.

Своеобразие культуры, искусство, давшее миру столько шедевров литературы, музыки, живописи — от икон и фресок до авангарда 10-20-ых годов, — не в прошлом ли все это? Ведь советская система убивает творческий дух, в

культуре — лишь паразитирует на проценты с прошлого капитала. Можно сказать, что все, созданное в искусстве за годы Советской власти, — создано не благодаря, а вопреки ей.

Те культурные явления, которые еще существовали в сталинский период и не были почему-либо уничтожены или уничтожены не сразу или не полностью — театры Станиславского и Мейерхольда, музыка Прокофьева и Шостаковича и многое другое — корнями своими уходят в дореволюционную эпоху. Работа по уничтожению старой культуры велась гигантская, и все-таки Сталину рук не хватило, чтобы выкорчевать абсолютно все. Зато наследники продолжили его дело, и можно сказать, что как раз теперь-то и наступили настоящие сталинские времена. Создан новый вид человека — управляемый пропагандой, затравленный, бесправный, часто жестокий и агрессивный, но всегда бездуховный и послушный властям обыватель. «Мы счастливы, — говорят эти люди и моргают».

Изменился сам тип русского человека: открытость сменилась подозрительностью, жертвенность — корыстью. Сейчас любой американец открытее и искреннее среднего советского представителя. Ты отдаешь себе отчет на какую чашу весов ты кладешь свои усилия?

Сейчас большую пользу нации принес бы тот, кто посоветовал бы русским отбросить зазнайство за горы высокие, стать перед всем миром на колени и, подобно японцам, брать отовсюду все умное, все лучшее, все полезное, что только можно взять. В первую очередь это касалось бы государственно-политического устройства, ныне совершенно недостойного «великой» нации, а затем и всего-всего остального. Запад на враг России, он — ее будущее. Можно сказать, что весь мир держится на Западе, сонный Восток без общения с Западом прозябал бы в полуголоде и болезнях еще тысячелетия. Что же сказать тебе в заключение?

Все твои якобы выстраданные идеи — нож в спину русскому народу. С самого начала главным оружием в деле его умерщвления коммунизмом была ложь. И вот теперь, в это море пропагандной грязи и нечистот вливается еще и ручеек твоей заокеанской лживой публицистики.

ПОЧЕМУ И КАК МЕНЯ ОТЛУЧИЛИ

Вряд ли многие читатели юбилейного сорокового номера журнала «Континент» заметят маленькую перемену в составе редакционной коллегии журнала на второй странице обложки. Да и не велики дела — исчезло одно имя члена редколлегии, появилось другое. Без всяких там объяснений. И менее всего хотелось бы мне портить юбилейно-поздравительную атмосферу, возникшую по поводу десятилетия журнала, обращая внимание читателей на незначительное изменение в составе людей, символически поддерживающих своим авторитетом «Континент». Однако приходится это делать, так как за незначительной переменой скрывается нечто намного большее, а именно: проблема демократичности юбиляра, плюрализма и терпимости к инакомыслию. То есть всего того, чему поет хвалу большинство участников юбилейной анкеты в том же номере.

Как не порадоваться тому, что в журнале — «главная отличительная черта ... — это его подлинный плюрализм и по-настоящему либеральный дух его руководителей» (Энцо Беттица, стр. 423), что «...Вы (редактор — М.М.) публикуете материалы, не совпадающие с Вашей точкой зрения. Это прекрасный пример либерализма и уважения к свободному слову» (Ежи Гедройц, стр. 426), что «... Вам и Вашим ближайшим сотрудникам удалось соединить две важные ... вещи: соблюдение решительной собственной линии и открытость журнала иным мнениям...» (Густав Герлинг-Грудзинский, стр. 427), что «...журнал противостоит всем формам носорожества и не теряет ориентировки в том семантическом тумане, где словом «либерал» называют людей, либеральных по отношению только к тоталитарным диктатурам» (Наум Коржавин, стр. 436), и так далее и так далее. Очевидно, редактор «Континента» имеет право гордо заявить: «Практически девять десятых наиболее видных

деятелей этого Сопротивления (имеется в виду «духовное сопротивление России и Восточной Европы» — М.М.) объединилось сейчас вокруг «Континента». И это — лучшее доказательство нашей духовной и политической терпимости». (Владимир Максимов, стр. 381).

А мне вот, прочтя всё это, стало просто страшно. Стало страшно не потому, что редактор «Континента» уже давно славится своей нетерпимостью и печатает время от времени несогласных с ним авторов лишь в силу того, что у него нет возможности этого избежать — то ли речь идет о члене редколлегии, то ли из-за заступничества Сахарова (как было дело со статьей В.Чалидзе, критикующей политические выступления Солженицына в 23-ем номере журнала), — стало мне страшно потому, что эта нетерпимость, постоянная манипуляция именами людей, которые не могут сами выступить (как Сахаров), умолчание, игнорирование, а иногда и просто клевета на всех, не согласных с редактором, провозглашаются терпимостью, плюрализмом и либерализмом. Самое страшное в сталинское время было не само существование лагерей или уничтожение крестьянства — в духовном смысле самое ужасное состояло в том, что миллионы в СССР и сотни тысяч людей на Западе и лагеря, и уничтожение деревни приветствовали как величайшие достижения человеколюбия.

Вот так мне сороковой номер журнала «Континент» напомнил времена, уже давно ушедшие, когда хвалу Иосифу Виссарионовичу воздавали за его гуманизм даже люди отнюдь не продажные и не заурядные, к тому же живущие на Западе. Подоплекой сознательного или бессознательного ослепления слишком многих в те времена являлось существование нацизма и фашизма — зла более откровенного и явно неисправимого. В некотором смысле ныне история повторяется, с той разницей, что коммунизм стал на место фашизма. Враг один, кто не с нами — тот против нас, не выносить сор из избы, критика только на руку противнику, с нами девять десятых — против нас одни отщепенцы, лес рубят — щепки летят, и прочая, и прочая, и прочая. Все мы знаем, какое страшное зло маскируют эти боевые лозунги в том случае, когда речь идет о коммунистах. Ну, а если речь идет о святом деле сопротивления тоталитаризму? Можно ли тогда, нужно ли тогда пестовать «непримиримость» и «бдительность»?

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, дает история того, как меня отлучили от «девяти десятых» участников «духовного Сопротивления России и Восточной Европы». Эта история тем более интересна, что в «Континенте» не найти ни слова о том, почему это из редколлегии выбыл человек, фигурирующий в ее составе в 35-ти номерах журнала, с 1975-го года, чья фотография красовалась во всю величину обложки (четвертого номера) — чего удостоились очень и очень немногие в течение десяти лет. Недоумение может вызвать и недосмотр редакции, так как в том же сороковом номере журнала на странице 445-ой, призывающей к «юбилейной акции» расширения подписки на «Континент», мое имя все еще находится в числе членов редколлегии. Итак, чтобы развеять все недоумения и оповестить весь читающий честной народ об истинном положении вещей, я решил коротко изложить историю моего отлучения, проиллюстрировав ее несколькими документами.

Членом редколлегии я стал, точнее был зачислен, в 1975 году. Находился я в то время в известной югославской каторжной тюрьме Сремска Митровица уже целый год. Конечно, и само появление в Париже первого диссидентского толстого журнала, и тот факт, что меня включили в редколлегию, — меня чрезвычайно обрадовало. Самую большую радость и даже прилив счастья вызвала весть о том, что в пятом номере журнала напечатана была моя статья «Мистический опыт неволи» (написанная мною уже в тюрьме, под следствием и в ожидании суда), которую мне удалось перебросить на волю.

Через несколько лет меня досрочно освободили, и в 1978 году я выехал на Запад. Наезжая иногда в Париж — ночевал в редакции «Континента». Раз даже, не прочтя внимательно, подписал вместе с Максимовым, Буковским и еще кем-то какое-то заявление, в котором среди прочих порицался за что-то Эткинд. Никогда этого поступка себе не прощу, именно потому, что подписал, просто доверившись Максиму и не пытаясь сам разобраться, что к чему. Впоследствии только понял я всю механику этой игры с подписями под разными заявлениями и протестами. Узнал я, например, что первый протест из-за моего семилетнего приговора составил, и собирал под ним подписи, В. Белоцерковский. Максимов же

этот протест тоже подписал и отдал в печать, вычеркнув при этом подпись составителя и инициатора протеста. Оказывается протестовать против произвола компартий у власти — это тоже не всякому позволено. Не все удостоиваются такой чести. А механика этой несложной игры с подписями состоит в том, что одних постоянно привлекают к подписанию, а других, если надо, то и вычеркивают. В результате получается такое впечатление, что некоторые постоянно «ведут борьбу с коммунистами», другие же двинуть пальцем не желают. Эта же самая механика легла и в основу Интернационала Сопротивления, зародившегося в недрах «Континента» в прошлом году. Однако все это было позже.

Мое же первое столкновение с духом идеологической нетерпимости редакции «Континента» произошло в 1980 году, когда я послал редактору мою статью «Возвращение Великого Инквизитора», в которой критиковались некоторые антидемократические идеи Солженицына и некоторых других националистов в диссидентском движении. После длительной и неприятной переписки Максимов напечатал на треть сокращенную статью заодно с «разносной» статьей-ответом Михаила Геллера, с которой редакция (то есть редактор) полностью солидаризировалась. В ходе переписки, которая сама могла бы составить целый том журнала, Максимов мне предложил уйти из редколлегии по идеологическим соображениям. Так как таких людей как Сахаров и Джилас, а также многих других членов редколлегии я считаю скорее своими единомышленниками, чем единомышленниками Максимова и Солженицына, то добровольный выход из редколлегии по идеологическим причинам меня не устраивал. Однако я предложил Максиму просто самому вычеркнуть мое имя с обложки журнала. По каким-то своим соображениям в то время Максимов этого не сделал.

Прошло два года, во время которых между мною и редакцией журнала не было почти никаких контактов. В начале прошлого, 1983-го, года редактор «Континента» неожиданно мне позвонил из Парижа, приглашая принять участие в основании Интернационала Сопротивления. Поскольку идеологическое несогласие для меня никогда не было препятствием для сотрудничества с кем-либо в добром деле, я согласился. Однако через некоторое время Максимов

опять позвонил и потребовал, чтобы я вышел из редколлегии «Континента». На этот раз я возмутился, написал письмо Максимову и копии его разослал тем членам редколлегии, чьи адреса мне были известны. Вот это письмо:

6-ое апреля 1983

Многоуважаемый Владимир Емельянович,

Это письмо является ответом на Ваше предложение, сделанное мне по телефону несколько дней тому назад, выйти из редколлегии «Континента» в связи с тем, что я согласился войти в состав консультативного совета журнала «Форум» (Мюнхен) и редакционного совета журнала «Трибуна» (Париж). Я Вам ответил, что подумаю о Вашем предложении и напишу Вам об этом.

Серьезно обдумав все аспекты Вашего предложения (или требования), я пришел к выводу, что это дело имеет большое принципиальное значение и что поэтому есть все причины привлечь к участию в его решении всех членов редколлегии журнала «Континент».

Как я уже раньше высказывался в ответе на Вашу анкету членам редколлегии (напечатанную в 29-ом номере журнала), я, несмотря на весьма существенные идеологические расхождения с Вашими взглядами, счел вполне возможным и далее оставаться членом редколлегии, вследствие того, что «Континент» все еще во многом остается плюралистическим журналом, а не рупором одного лишь Вашего личного мнения, которое, как Вы знаете, я иногда критикую в печати (например, недавно в «Новом Русском Слове» от 27-го февраля 1983-го года в статье «Христианский фашизм»), что и вперёд намерен делать. Такой же точки зрения на участие в редколлегии я придерживаюсь и сейчас, поэтому не вижу никакой причины выходить из ее состава.

Насколько я понимаю, членство в редколлегии является удостоверением того, что люди, имена которых напечатаны на второй странице обложки «Континента», поддерживают основную антитоталитарную направленность журнала, а отнюдь не Ваши личные взгляды (насколько мне известно, и некоторые другие члены редколлегии придерживаются такого же мнения). В этом отношении очень показательны ответы членов редколлегии на Вашу анкету (в 29-ом номере). Отдавая должное Вашим личным заслугам как энергичного создателя крупнейшего литературного и общественно-политического журнала новейшей эмиграции не только из России, но и из других коммунистических стран, большинство ответов содержит пожелание того, что «Континенту» в первую очередь надлежит придерживаться плюралистического и демократического направления.

Своим предложением мне покинуть редколлегию Вы создали совершенно новую ситуацию, которая, по моему глубокому убеждению, настоятельно требует принципиального ответа от всех членов редколлегии на следующие вопросы:

1. Является ли членство в редколлегии журнала «Континент» выражением поддержки исключительно личных политических взглядов В. Максимова?

2. Является ли членство в редколлегии журнала «Континент» несовместимым с сотрудничеством в каких-либо других демократических журналах, в которых критикуются взгляды В. Максимова?

Если большинство членов редколлегии ответит положительно на эти два вопроса (в чем я глубоко сомневаюсь), то тогда, конечно, мне не место в редколлегии. Однако в таком случае необходимо ясно и публично заявить, что «Континент» является журналом отнюдь не плюралистическим, а выразителем идейно-политических взглядов В. Максимова и его единомышленников — взглядов, которые, кстати, неплохо было бы четко сформулировать.

Я лично принципиально отказываюсь определять свою позицию и деятельность в зависимости от такой формулы «или — или», то есть от ответа на вопрос: за или против Максимова. Для меня существует только один всеопределяющий вопрос: за или против тоталитаризма, какими бы он идеями не маскировался. Другими словами: за *или против плюрализма*. Десятилетиями, живя в Югославии, я так же принципиально отказывался принимать сторону сербов против хорватов (или наоборот), социалистов против сторонников десоциализации (или наоборот), верующих против атеистов (и наоборот) и так далее. Для меня всегда было решающим только одно — отношение к демократии и к диктатуре. Другого духовного и политического разделения я не знаю. В то время как в западном демократическом мире существует совершенно нормальное разделение на партии, группы и журналы часто противоположных политических направлений, и поэтому сотрудничество одного и того же человека в идейно-противоположных печатных органах маловероятно, — нас, невольных выходцев из коммунистических стран, объединяет (или, по крайней мере, желательно, чтобы объединяла) общая идея борьбы с тоталитаризмом. В этом смысле нет никакой существенной разницы между «Континентом», «Форумом» и «Трибуной». Поэтому я счел возможным сотрудничать во всех трех журналах (как это впрочем, делает и другой член редколлегии «Континента» Милован Джилас, а я уверен, что так поступал бы и Сахаров, будь у него на это возможность).

Чем больше демократических журналов появляется, тем лучше для дела демократии, и если к чему нужно стремиться, так это только к объединению на основе плюрализма, а отнюдь не к сектантскому раскалыванию диссидентского и демократи-

ческого движения (что весьма напоминает деятельность Ленина до 1917-го года), да еще по вопросу отношения к одной личности, какой бы значительной она ни была. Для меня полностью неприемлема установка: или «Континент», или «Форум» и «Трибуна» (покуда все эти журналы являются демократическими, хотя я отнюдь не согласен со всеми статьями, печатающимися в них). Кстати, последние два журнала отнюдь не поставили мне такого требования — или с ними, или с «Континентом», как это сделали Вы. Я не знаю ничего страшнее требования единомыслия, даже если дело идет пока что только об одном журнале. Принцип единомыслия сам по себе, независимо от идеологической окраски, является величайшим злом. Узаконение требования единомыслия в диссидентской среде явилось бы величайшей победой тоталитаризма — победой намного более значительной, чем подпадение очередной южноамериканской правоавторитарной страны под власть коммунистического тоталитаризма. Нельзя забывать, что до сих пор ни одна демократическая страна не попала в руки коммунистов (не считая прямых завоеваний советской армии) и что на Кубе коммунисты победили отнюдь не демократию, а диктатуру Батисты, в Эфиопии — авторитарную монархию Хайле Селассие, в Никарагуа — диктатуру Сомосы, и так далее и так далее. Чем сильнее авторитарные тенденции где-либо на нашей планете, тем слабее демократия, а это означает, что в конечном счете крепнет лишь коммунистический тоталитаризм. Отрицание плюрализма и введение единомыслия в диссидентское движение Восточной Европы было бы равнозначно введению авторитарного строя в какую-нибудь страну (и даже более трагично) и в конечном счете означало бы решительное ослабление демократического мира и усиление тоталитарного. Вот поэтому я считаю крайне важным вопрос плюрализма в «Континенте», а отнюдь не мое личное членство в редколлегии, в которую я вошел по Вашему предложению 7 лет тому назад, еще находясь в тюрьме. Плюрализм во взглядах на то, каким путем можно противостоять несвободе, и *ничто другое*, сохраняет надежду на то, что тоталитаризм все же будет раньше или позже побежден.

С тех пор, как я нахожусь на Западе (да и до этого), я принимаю активное участие во множестве редакционных коллегий демократических журналов на разных языках, в советах всевозможных демократических организаций, печатаюсь в самых различных журналах — от социалистических до консервативных, от мюнхенского «Голоса Зарубежья» до Нью-Йоркского «Нового Американца», и в русских, и в украинских, и в сербских, и в хорватских, не говоря уж о разношерстной западной прессе. И всегда я давал и буду давать всем согласие на сотрудничество, придерживаясь одной единственной мерки: отношение организации или журнала к *плюрализму*. Это и есть причина, почему я принял Ваше приглашение принять

участие в ныне основывающемся Интернационале Демократического сопротивления*, несмотря на то, что уже несколько лет существует Демократический Интернационал, председателем совета которого я являюсь, и принципы которого, по-моему, и глубже и шире идей высказанных в обращении организационного комитета нового Интернационала. Необходимо подчеркнуть, что за все годы моей деятельности на Западе, никто — ни либералы, ни консерваторы, ни русские, ни украинцы, ни сербы, ни хорваты, ни верующие, ни атеисты — ни разу не потребовали от меня прекратить сотрудничество в каких-либо других организациях или журналах, как это сделали Вы.

Так как такое предложение (или требование) является для меня чем-то совершенно новым и так как я глубоко уверен в его принципиальной важности, и не только по отношению к Вашему журналу, но и в отношении к Интернационалу Демократического сопротивления, директором организационного комитета которого Вы являетесь, то я прошу Вас ознакомить с этим письмом всех членов редколлегии «Континента» и попросить их высказать свое мнение, то есть ответить на сформулированные мною выше два кардинальных вопроса. Их ответы определят — выйти ли мне, или остаться в редколлегии «Континента». Я так же считаю, что было бы полезным опубликовать в журнале это мое письмо вместе с ответами членов редколлегии.

Уважающий Вас,

Михаил Михайлов

П. С. Со своей стороны, чтобы облегчить Вам дело, я посылаю копию этого письма членам редколлегии, адреса которых у меня есть: Аксёнову, Бейли, Буковскому, Бродскому, Герстенмайер, Герлинг-Грудзинскому, Григоренко, Джиласу, Иловой-Альберти, Коржавину, Кузнецову, Неизвестному, Страннику, Чапскому, Штрёму и Некрасову. Остальным членам редколлегии, надеюсь, отошлете Вы. Конечно, до Вашего решения относительно опубликования этого письма в «Континенте» — я не буду предавать его гласности.

Как я и ожидал, большинство членов редколлегии, которым я выслал письмо, письменно или устно ответили отрицательно на поставленные мною два вопроса. В. Буковский настаивал на том, что не стоит «разрушать журнал». Так как мне тоже не хотелось поднимать ненужный шум и раздувать это дело, то я ответил Буковскому, что не буду

* Уже напечатав это письмо, я прочитал в газетах об основании Интернационала сопротивления. Слово «демократический» — исчезло. Что бы это могло означать?

требовать опубликования моего письма Максимову и ответов членов редколлегии, если Максимов мне письменно сообщит, что я его неправильно понял и что не может быть и речи об уходе из редколлегии по идеологическим причинам, так как «Континент» был и остается демократическим журналом. Максимов сразу же выслал мне такое письмо:

7. 5. 83

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Мы очень рады, что вместе с Вами пришли к решению покончить с этим печальным инцидентом, возникшим на основе телефонного недоразумения. Телефонный разговор, который с нашей стороны был дружеским и не носил характера какой-то прямой рекомендации, Вы, к сожалению, расценили как идеологический. Надеемся, что после нашего письма Вы сочтете этот досадный инцидент исчерпанным.

*В. Максимов
Н. Горбаневская*

На это письмо я ответил тоже коротко:

12-го мая, 1983

Многоуважаемый Владимир Емельянович,

Получил сегодня Ваше письмо, подписанное также Н. Горбаневской, высланное из Парижа 7-го мая, в котором Вы снова подтверждаете, что я Вас неправильно понял, и что наши идеологические разногласия не могут быть причиной для выхода из редколлегии «Континента». Я тоже рад, что инцидент исчерпан, так как моей целью было, есть и будет — отнюдь не развал «Континента», а наоборот — поддержка и укрепление демократического направления в журнале.

Об окончании всего этого дела я оповещу всех заинтересованных. Так как члены редколлегии съедутся на следующей неделе в Париж, а потом в Милан, то я лично им передам копии наших двух последних писем (теперь отсылать по почте уже слишком поздно).

Надеюсь, что больше нам не придется вести такого рода переписку.

*Уважающий Вас
М. Михайлов*

В 1983 году этим все дело закончилось. Правда, с осени прошлого года я перестал получать материалы Интернационала Сопротивления из-за моей критической статьи об идейных основах организации, но с редакцией «Континента» никаких проблем не возникало.

И вот в этом году, почти равно через год после того, как я согласился не печатать мое письмо редактору «Континента», я получаю вот такое письмо от Максимова:

24. 4. 84.

Уважаемый господин Михайлов!

Как нам стало известно, Вы продолжаете выступать против «Континента», не считая нужным предварительно обсуждать Ваши претензии с нами. Тем самым Вы ставите себя вне нашей редколлегии.

С уважением

В. Максимов

Ответил я вот как:

9-ое мая, 1984.

Уважаемый господин Максимов,

Получил Ваше письмо от 27. 4. 84, несмотря на то, что оно было послано по старому адресу.

В связи с Вашим письмом у меня возникают два вопроса:

1. Кто такие «мы» (взяв во внимание, что Вы пишете — «Как нам стало известно...»)?

2. Где и когда я выступал против «Континента»? Неплохо было бы и меня поставить в известность на этот счет.

«Продолжать» выступать против «Континента» я не мог по той простой причине, что никогда и не выступал против журнала, который Вы редактируете и в котором я сам сотрудничаю и являюсь членом редколлегии. Несколько раз я критиковал некоторых авторов «Континента», включая Вас, однако не журнал в целом. Но и это было очень и очень давно.

Буду Вам чрезвычайно признателен за разъяснения.

Уважающий Вас

М. Михайлов

И получил такое разъяснение:

18. 5. 84

Уважаемый господин Михайлов!

«Мы» — это сотрудники редакции. Так вот, мы считаем что Ваша принадлежность к печатным органам, ведущим систематическую и целенаправленную кампанию против «Континента» (например, к «Трибуне»), несовместима с членством в его редколлегии, ибо такая принадлежность накладывает на Вас значительную часть ответственности за эту кампанию.

С приветом

В. Максимов

Вот и все. Как будто всей этой истории и моего письма от 6-го апреля 1983 года вообще не было. Как будто не было письма Максимова от 7-го мая 1983-го, в котором редактор «Континента» пошел на попятный и уверял, что я его неправильно понял. и что речь идет о недоразумении.

На этот раз я решил не ставить этот вопрос перед членами редколлегии, а просто опубликовать мое письмо с объяснениями. Надо думать, что я сделал ошибку год тому назад. Надо было не принимать объяснений, а еще тогда опубликовать всё — и мое письмо, и письмо Максимова, и ответы членов редколлегии. Увы, я этого не сделал. Как часто мы делаем ошибки в надежде, что похвала остаткам хорошего там, где доминирует плохое, поможет делу добра более, чем просто порицание зла. Ведь я и сам написал, по просьбе редакции, для сорокового номера ответ на анкету, в котором среди прочего поздравительного текста есть слова, схожие с теми, что сказали Беттица, Коржавин и многие другие: «... Конечно, не всё мне нравится в журнале, да и идеологически я очень и очень расхожусь с главным редактором. И тем не менее нельзя сказать, что в журнале печатаются только единомышленники Владимира Емельяновича, и это самое важное...». Конечно, мой ответ не был напечатан, так как вскоре после его написания произошло мое отлучение.

Беда не в том, что редактор «Континента» всеми силами пытается сделать журнал идеологическим органом своих единомышленников. Беда в том, что при этом «Континент» маскируется идеями демократии, плюрализма, терпимости. Маскируется именем Сахарова, который, кстати, совершенно ясно дал знать, на чьей стороне в идеологическом споре он находится. В своем первом послании на Запад после успешной голодовки в 1981-ом году он писал: «... вспоминаю прекрасные слова Михаила Михайлова, что родина не географическое и национальное понятие, родина — это свобода» (15-го декабря 1981-го, Горький)*. Эти мои слова Сахаров прочел в «Континенте», в 28-ом номере, на странице 207-ой, в статье «Возвращение Великого Инквизитора», и они выражают всю суть моей аргументации в полемике с националистами. Именно из-за этой статьи редактор «Кonti-

* «Русская мысль», 28 января 1982 г.

нента» впервые мне предложил уйти из редколлегии. Как видно, усилия советской власти заткнуть рот Сахарову, очень и очень помогают и Владимиру Максиму поддерживать иллюзию, что Сахаров на его стороне. Вместо письма к десятилетию журнала, можно опубликовать слова Сахарова из поздравления с трехлетием («Континент» N 40, стр. 382).

Дело тут, конечно, не в самом журнале «Континент». Благодаря большим финансовым возможностям из «Континента» вылупился Интернационал Сопротивления, полностью перенявший от своего родителя методы тоталитарной манипуляции людьми и идеями, исключения инакомыслов и привлечения «своих» людей, с одновременной маскировкой демократическими и плюралистическими лозунгами. Если в «Континенте» написано, что «копирайт» на само название журнала принадлежит Максиму (то есть в случае, если он перестанет журнал редактировать, журналу придется изменить название), то в зарегистрированном французскими властями уставе Интернационала Сопротивления черным по белому написано, что из семи членов Исполнительного Комитета Интернационала — четверо (значит — большинство) *должны быть «членами основателями»* (Максимов, Буковский, Кузнецов... — всего основателей 9 человек). Демократично. Вряд ли что-либо может больше скомпрометировать идею сопротивления мировому тоталитаризму.

Вот, имея все это в виду, я не считал для себя возможным промолчать об этом маленьком происшествии — вычеркивании моего имени из состава редколлегии «Континента» (что я сам предлагал сделать Максиму четыре года тому назад). Моя вина лишь в том, что я до сих пор молчал.

*Михайло Михайлов,
Август 1984*

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Галина Салова

СОВЕТСКИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ СЕГОДНЯ: ВИДЫ РЕПРЕССИЙ И МЕСТА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

«При входе в музей внимание посетителя привлекает большая художественная диаграмма. Она изображает рост репрессий против революционеров. Три линии показывают количество присужденных к тюрьме, каторге и ссылке, начиная с 1820 года и кончая годом падения царизма. После революции 1905 г. линии репрессий ползут вверх почти вертикально. Раз и навсегда их обрывает пролетарская революция», — так писала «Правда» 12 февраля 1934 г., сообщая об открытии Центрального музея каторги и ссылки.

Вряд ли сегодня кого-либо придется убеждать, что революция не «оборвала навсегда» политические репрессии. Достаточно хорошо известно, что и в 1917, и в 1934 гг. тюрьмы и места ссылки были гораздо более наполнены, чем в годы царизма. Чудовищные же репрессии последующих лет невозможно было бы изобразить на тех же дореволюционных кривых, даже если строить их в логарифмическом масштабе. О том страшном времени уже немало написано и, конечно, будет сказано еще больше. Но естественно задаться вопросом: а как дело обстоит сегодня? Какие наказания используются против политических заключенных, в каких районах страны они отбывают свой срок?

У нас нет точных данных о полном количестве политических заключенных в СССР. Но все-таки поименно мы знаем довольно многих: примерно 900 человек. Это число достаточно велико, чтобы попробовать ответить на поставленные вопросы. Мы использовали в данной работе «Список политзаключенных СССР. Выпуск 5»¹ и приложения к нему за

1. «Вести из СССР. Список политзаключенных СССР. Выпуск 5. По состоянию на 1.5.1983».

1983 г. Таким образом, изучению подверглись данные о политзаключенных по состоянию на 1. 1. 1984. В дальнейшем, также как и в «Списке», всех арестованных и осужденных, независимо от вида репрессий, примененных к ним, будем называть политзаключенными.

«Список», составленный по данным на 1. 5. 1983, содержит 903 имени. На 1. 1. 1984 было известно о 863 политзаключенных. Это некоторое уменьшение числа политзаключенных вряд ли свидетельствует о какой либо тенденции: оно отражает лишь временные изменения, неравномерность получения информации. За время написания данной статьи число известных политзаключенных вновь возросло до 901 (на 1. 5. 1984). Наше исследование относится к началу 1984 г., поэтому в дальнейшем будем рассматривать распределение 863 политзаключенных.

Виды репрессий

В настоящее время к лицам, которых судят за политические или религиозные убеждения, применяются следующие виды репрессий (расположены в порядке степени ограничения свободы):

- а) лишение свободы в виде заключения в тюрьму или исправительно-трудовую колонию (лагерь);
- б) условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условное освобождение из лагеря с обязательным привлечением осужденного к труду; при этом и место работы и место жительства (обычно это общежитие) определяются органами внутренних дел²;
- в) ссылка — поселение осужденного в определенном органами внутренних дел административном районе без права выезда из него;
- г) высылка — запрет проживания на определенной территории;
- д) исправительные работы без лишения свободы — работа

2. Часто этот вид наказания называют «химией», а лиц отбывающих его — «химиками» или «условниками». В «Списке политзаключенных» это обязательное привлечение к труду названо принудительными работами.

на своем предприятии (или на указанном органами внутренних дел с вычетом из зарплаты до 20%.

Лишению свободы обвиняемые подвергаются в большинстве случаев еще до суда, на стадии предварительного следствия: после предъявления им обвинения их подвергают аресту и помещают в СИЗО — следственный изолятор (тюрьму). Здесь же они находятся и некоторое время после суда, в ожидании этапа в лагерь, ссылку и т. п.

Особого внимания заслуживает такой вид ограничения свободы, как принудительное, по определению суда, помещение в психиатрическую больницу, хотя формально оно и не считается наказанием. Суд «освобождает от наказания» и направляет на бессрочное (до «выздоровления») лечение. Суд определяет и тип психбольницы: общего или специального, т. е. тюремного, типа. В этих больницах заключенные не только лишены свободы, но и подвергаются принудительному «лечению» нейролептиками. Условия, в которых находятся в психиатрических больницах такие «освобожденные от наказания», зачастую хуже условий в лагере или в тюрьме.

В настоящее время для осуждения инакомыслящих используется более 40 статей уголовного кодекса. Из них три статьи — о так называемых особо опасных государственных преступлениях. Осужденные по этим статьям на различные сроки лишения свободы направляются независимо от места жительства осужденного или суда, вынесшего приговор, в специальные лагеря для таких заключенных (обычно называемые политическими лагерями). Приговоренные к лишению свободы по остальным статьям кодекса направляются в обычные уголовные лагеря, чаще всего на территории той республики, где проживал осужденный до ареста или был осужден.³

Политические лагеря

Все политические лагеря расположены на территории РСФСР. В Мордовской АССР имеется один лагерь (точнее,

3. В соответствии со ст.6 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: «Лица, впервые осужденные к лишению свободы, отбывают наказание, как правило, в пределах союзной республики, на территории которой они проживали до ареста или были осуждены. В исключительных

часть большого лагеря), включающий женскую и мужскую политические зоны и больницу для политзаключенных (Теньгушевский р-н, пос. Барашево, учреждение ЖХ-385/3). Три лагеря расположены на Урале, в Чусовском районе Пермской области (ст. Всесвятская, учр. ВС-389/35; пос. Кузино, учр. ВС-389/36, часть этого лагеря — зона особого режима⁴, ст. Половинка, учр. ВС-389/37). Все пермские политлагеря — для мужчин-политзаключенных.

Осужденные за особо опасные государственные преступления могут также содержаться и в тюрьме в соответствии с приговором суда или в связи с переводом в тюрьму в порядке наказания за какое-либо нарушение режима. Часть тюрьмы в г. Чистополь Татарской АССР выделена для политзаключенных (учр. УЭ-148/ст-4).

На 1.1.1984 было известно о 217 политзаключенных, находящихся в политлагерях⁵. Скорее всего, мы располагаем почти полными данными о составе этих лагерей. Табл. 1 показывает число политзаключенных в конкретных политлагерях.

Уголовные лагеря

Эти лагеря расположены по всей территории СССР, однако осужденных по политическим или религиозным мотивам помещают только в некоторые из них. С одной стороны, власти стремятся полностью изолировать друг от друга политзаключенных, поместить их в среду настоящих преступников — воров, растратчиков, убийц, и т. п. С другой

случаях... они могут быть направлены... в исправительно-трудовые учреждения другой союзной республики. Лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы ... осужденные за особо опасные государственные преступления ... направляются в исправительно-трудовые учреждения, определенные для содержания этих категорий осужденных, независимо от того, в какой республике они проживали или были осуждены». (Сборник законов СССР, т. 3, стр. 433-434, М., 1975).

4. Все политлагеря кроме указанного — лагеря строгого режима.

5. В этих же лагерях и тюрьме находятся и другие заключенные, осужденные за совершение особо опасных государственных преступлений: военные преступники, бывшие каратели, полицаи и др. Разумеется, они не являются политзаключенными, и в «Список» они не включены.

Таблица 1 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Лагерь, тюрьма	Количество политзаключенных
Мордовская АССР	
ЖХ—385/3-4 (женская зона)	10
ЖХ—385/3-5 (мужская зона)	30
Пермская обл.	
ВС—385/35	33
ВС—389/36	32
ВС—389/36-1 (особый режим)	22
ВС—389/37	21
адрес не уточнен	3
Чистополь, Татарская АССР	
УЭ—148/ст-4 (тюрьма)	18
Политлагерь, адрес не уточнен	48
Всего	217

стороны, они выбирают из уголовных лагерей те, где администрация имеет опыт обращения с политзаключенными, в которых имеется круг осведомителей, большой аппарат КГБ. В результате, из года в год политзаключенных помещают в одни и те же лагеря. Но все же таких лагерей довольно много, и потому политзаключенных в каждом конкретном лагере всего несколько; часто при общем количестве заключенных в лагере 500-1000 политзаключенный в нем только один. Насколько хорошо известен состав политлагерей, настолько скудны сведения, поступающие из уголовных. В политических лагерях всегда находятся люди, стремящиеся передать на волю сведения о жизни лагеря, в том числе и о составе его. Когда же в лагере всего 1-2 политзаключенных, сделать это трудно. Вероятно, о многих узниках уголовных лагерей нам ничего не известно, и вполне возможно, что общее число политзаключенных в этих лагерях больше известного нам количества — 328 человек. Но и эта, возможно заниженная, цифра показывает, что в уголовных лагерях и тюрьмах отбывают свой срок, по крайней мере, в 1,5 раза больше политзаключенных, чем в политических лагерях. Распределение политзаключенных по уголовным лагерям союзных республик представлено в табл. 2.

Таблица 2 (по состоянию на 1.1.1984)

Республика	Количество политзаключенных в уголовных лагерях
АзССР	2
АрмССР	2
БССР	3
ГрузССР	8
КазССР	19
КиргССР	4
ЛатвССР	3
ЛитССР	3
МолдССР	6
РСФСР	122
УзбССР	15
УССР	129
ЭССР	12
Всего	328

Обращает на себя внимание, что наибольшее число политзаключенных содержится в уголовных лагерях Украины — 41% от общего числа политзаключенных уголовных лагерей. В уголовных лагерях РСФСР — 38%, но возможно, именно здесь мы не располагаем полной информацией. Заслуживает внимания и относительно высокое число политзаключенных в уголовных лагерях маленькой по численности населения Эстонии. Подчеркнем, что табл. 2 характеризует не число арестованных жителей республики, а число сидящих в лагерях той или иной республики.

Следственные изоляторы (тюрьмы)

Предварительное заключение в следственный изолятор (СИЗО) до суда и до вступления приговора в силу может длиться несколько месяцев, а нередко и целый год. Сведения о численности политзаключенных в СИЗО неоднородны. Об арестах и помещении в СИЗО в Москве, Ленинграде обычно хорошо известно. Достаточно подробно известно и об арестах в Эстонии, Латвии, Литве. Однако из других районов страны часто приходят сообщения только тогда, когда суд уже состоялся и осужденный прибыл в лагерь. Всего к 1.1.1984 нам было известно о нахождении в следственных изоляторах 56 политзаключенных. Скорее всего, в действительности их было несколько больше, но насколько можно

судить по более поздним сообщениям о судах, прибытии политзаключенных в лагеря, психбольницы и т. д., общее число вряд ли существенно превышает приведенную величину. Обычно арестованный помещается в один из следственных изоляторов своей республики. Табл. 3 показывает число политзаключенных, ожидающих суда или перевода в лагерь, психбольницу и т. д., в СИЗО различных республик.

Таблица 3 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Республика	Количество политзаключенных в следственных изоляторах
АрмССР	3
ГрузССР	3
ЛитССР	1
МолдССР	1
РСФСР	33
УзССР	2
УССР	8
ЭССР	5
Всего	56

Психиатрические больницы

Для принудительного лечения используются как обычные (городские, областные, республиканские) психиатрические больницы, так и психбольницы специального типа, в которых принудительное лечение сочетается с тюремным режимом. Не останавливаясь на особенностях содержания заключенных в психбольницах, отметим только, что для этих заключенных отсутствует даже понятие конца срока заключения — так называемого «лечения»: все зависит от произвола врачей больницы, а в случае политзаключенных — от решения органов МВД или КГБ.

В настоящее время известно 11 психиатрических больниц специального типа (СПБ). Хотя первоначально политзаключенный довольно часто направляется в ближайшую или республиканскую (если такая имеется) СПБ, в дальнейшем он может быть переведен в любую другую СПБ, т. е. распределение этих политзаключенных по СПБ (таб. 4) не зависит ни от прежнего места жительства, ни от места суда.

При направлении в психиатрическую больницу общего типа (ПБ) в большей степени соблюдается «республикан-

ский» принцип, а чаще всего узники помещаются в одну из областных психбольниц по месту их проживания. Как и в случае уголовных лагерей, практически в каждой области имеется одна или несколько психбольниц, в которые всегда направляются политзаключенные. Распределение политзаключенных по ПБ различных республик представлено в табл. 5.

Таблица 4 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Психиатрическая больница специального типа	Количество политзаключенных
Алма-Атинская	6
Благовещенская	5
Волгоградская	1
Днепропетровская	24
Казанская	22
Ленинградская	2
Орловская	3
Смоленская	6
Сычевская	8
Ташкентская	7
Черняховская	15
СПБ, адрес не уточнен	19
Всего	118

Таблица 5 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Республика	Количество политзаключенных в психбольницах общего типа
АрмССР	1
БССР	2
ЛатвССР	2
ЛитССР	4
РСФСР	37
УзССР	1
УССР	10
ЭССР	2
ПБ, адрес не известен	25
Всего	84

Таким образом, на 1. 1. 1984 было известно о 202 узниках психиатрических больниц. Вероятно, и эта цифра является заниженной, т. к. получать информацию из психбольниц еще труднее, чем из уголовных лагерей. Во всяком случае, можно отметить, что политзаключенных в психиатрических больницах примерно столько же, сколько и в политлагерях, или даже больше: как уже отмечалось, сведения об узниках политлагерей, в отличие от узников СПБ—ПБ, почти не занижены.

Обязательное привлечение осужденного к труду

Этот вид наказания назначается либо по приговору суда — так называемое «условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» (введено в 1970 г.)⁶, либо по представлению администрации лагеря к «условному освобождению из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» после соответствующего утверждения судом (введено в 1946 г.)⁷. Контингент лиц, к которым возможно применение этого направления на принудительные работы, был существенно расширен Указом ПВС СССР от 8. 2. 1977.⁸ В настоящее время, по оценке Е. Давыдова, число этих «условников»⁹ близко к числу заключенных в лагерях и тюрьмах.

Так обстоит дело в отношении обычных заключенных. Однако, когда дело касается политзаключенных, ни администрация лагерей, ни суды не стремятся к их переводу на принудительные работы, т. е. к некоторому смягчению режима наказания. Из общего числа известных политзаключенных — 863 человека — в лагерях и тюрьмах отбывает срок 545 человек и всего лишь 12 — на принудительных работах. При столь малом числе политзаключенных-«условников» не имеет смысла рассматривать их распределение по стране. Можно отметить только, что органы внутренних дел, которые определяют места обязательного привлечения к труду,

6. Указ ПВС СССР от 12. 6. 1970 («Ведомости ВС СССР», 1970, N 24, стр. 204).

7. Указ ПВС СССР от 20. 3. 1964 («Бюлл. Верх. Суда», 1964, N 4, стр. 6).

8. «Ведомости ВС СССР», 1977, N 7, стр. 86-89.

9. «Условность» осуждения или освобождения из лагеря состоит в том, что при нарушении режима осужденный может быть переведен (возвращен) в лагерь.

предпочитают условно освобожденных и условно осужденных отправлять в достаточно далекие районы страны: Красноярский край, Хабаровский край, Якутию. И лишь только условно осужденные на срок до 1 года привлекаются к труду на предприятиях или стройках в пределах области их проживания. По данным на 1. 1.1984 обязательное привлечение к труду на территории РСФСР отбывали 7 человек, на территории УССР — 4, в одном случае адрес неизвестен.

Ссылка и высылка

Ссылка может быть как основным наказанием, так и дополнительным к лагерному сроку. При осуждении за так называемые особо опасные государственные преступления (и некоторые другие) ссылка обычно применяется как дополнительное наказание. Как основное наказание она довольно часто используется в приговорах по ст.190-1 УК РСФСР и соответствующим статьями УК других республик¹⁰, хотя в статьях этих и не предусмотрен такой вид наказания. На 1. 1.1984 ссылку отбывал 41 политзаключенный. Место ссылки определяется органами внутренних дел и не зависит ни от места проживания осужденного до ареста, ни от места суда, ни от расположения лагеря или тюрьмы, в которых политзаключенный находился до ссылки. Излюбленными властями местами ссылки по-прежнему являются традиционные места: Магаданская обл., Хабаровский край, Коми АССР, Бурятская АССР, Иркутская обл., Читинская обл. и др. районы Сибири и Дальнего Востока. И в этом случае так же, как и в случае уголовных лагерей, власти стремятся максимально изолировать политссылных друг от друга: на гигантской территории Магаданской области или Хабаровского края отбывает ссылку 2-3 человека. Некоторые области Казахстана и Узбекистана также используются для поселения политссылных. Табл.6 показывает распределение политссылных по стране. Таким образом, на 11. 1.1984 в РСФСР отбывало ссылку 29 человек, в Казахстане — 7, в Узбекистане — 2, адреса ссылки 3-х политзаключенных неизвестны.

Высылка также может быть основным или дополнительным наказанием. Назначается она чрезвычайно редко и почти

10. «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

исключительно на Украине. На 1. 1. 1984 там имелся один политзаключенный, которому судом назначена высылка, т. е. запрещено проживать в некоторых конкретных областях Украины, в том числе и в той, где живет его семья.

Таблица 6 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Республика	АССР, край, область	Количество политссылных
РСФСР	Бурят. АССР	1
	Коми АССР	4
	Якут. АССР	2
	Алтайский край	3
	Красноярский край	1
	Хабаровский край	2
	г. Горький	1
	Иркутская обл.	2
	Кировская обл.	1
	Магаданская обл.	3
	Томская обл.	4
	Тюменская обл.	3
	Читинская обл.	2
КазССР	Кокчетавская обл.	1
	Кустанайская обл.	2
	Мангышлакская обл.	1
	Талды-Курганская обл.	1
	Уральская обл.	1
	Целиноградская обл.	1
УзбССР	Каракалпакская АССР	2
Ссылка, адрес неизвестен		3
Всего		41

Исправительные работы без лишения свободы

Среди примерно 40 статей уголовного кодекса, используемых против инакомыслящих, более половины допускают этот вид наказания. При этом наказании осужденный остается работать на своем предприятии или направляется на другое предприятие в районе своего места жительства. В случае обычных преступников этот вид наказания используется очень часто. Политзаключенным же исправработы

назначаются довольно редко. По данным на 1.1.1984 их отбывали всего 5 человек: 2 — в Киргизии, 2 — в РСФСР и у одного адрес неизвестен.

Другие виды наказания

Все другие виды наказания, предусмотренные ст.21 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (лишение права занимать определенные должности, штраф, общественное порицание и пр.) по-видимому вообще не применяются в качестве основного наказания при осуждении лиц в связи с их правозащитной, религиозной и т.п. деятельностью. По крайней мере, нам неизвестно ни одного случая, когда осужденный был бы приговорен только к штрафу, хотя почти половина используемых статей кодекса допускает его в качестве основного наказания. Вероятно, все эти виды наказания слишком «мягки» для осужденных за сопротивление режиму.

Подведем итоги. Таблица 7 показывает распределение всех известных политзаключенных по видам наказаний.

Таблица 7 (по состоянию на 1.1.1984)

Вид наказания	Число политзаключенных	% от общего числа политзаключенных
Следственные изоляторы	56	6,5
Политические лагеря и тюрьмы	217	25,1
Уголовные лагеря и тюрьмы	328	38,0
Психиатрические больницы:		
специального типа	118	13,7
общего типа	84	9,7
	202	23,4
Ссылка	41	4,8
Высылка	1	0,1
Обязательное привлечение к труду	12	1,4
Исправительные работы	5	0,6
Местопребывание неизвестно	1	0,1
Всего	863	100

Основная часть политзаключенных находится в тюрьмах и лагерях — 601 человек, или около 70% от общего числа. Если

же учесть СПБ — психиатрические тюрьмы, то число находящихся за колючей проволокой составит 719, т. е. 83% от общего числа политзаключенных. Из них 193 человека находится в тюрьмах. Значительный процент арестованных направляется в психиатрические больницы: почти столько же, сколько в политлагеря. И всего лишь 7% всех политзаключенных приговорены к другим, более мягким видам наказания. Из них наибольшее число — 4,8% — приговорено к ссылке. Вероятно, это можно объяснить желанием властей удалить нежелательное лицо из центральных районов страны на более долгий срок. Очень часто ссылка — это лишь дополнение к и без того долгому лагерному сроку.

Тенденциозность выбора вида наказания можно продемонстрировать на примере приговоров по упомянутой выше ст. 190-1 УК РСФСР и аналогичным статьям других союзных республик. Эта статья предусматривает следующие виды наказания: лишение свободы на срок до 3 лет или исправительные работы на срок до двух лет, или штраф до трехсот рублей. Однако ни в настоящее время, ни ранее не было отмечено случая, когда суд назначил бы по этой статье наказание в виде исправработ или штрафа. У суда никогда не возникло желания использовать предусмотренные статьей более мягкие, чем лишение свободы, виды наказания. При этом неоднократно в виде наказания применялась непредусмотренная статьей ссылка (обычно на максимально возможный срок — 5 лет) якобы в порядке «назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом».¹¹ Но это — надуманное объяснение: исправительные работы, а тем более штраф являются даже формально более мягкими, чем ссылка, видами наказания, так что ссылка не является «более мягким наказанием, чем предусмотрено законом». Здесь, как и в других случаях, находит отражение стремление властей удлинить срок наказания, даже за счет строгости режима: предпочитают назначить 5-летнюю ссылку вместо лагеря, т. к. максимальный лагерный срок по этой статье всего 3 года.

Таблица 8 отвечает на вопрос о географическом размещении советских политзаключенных.

11. Ст. 37 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Таблица 8 (по состоянию на 1. 1. 1984)

Республика	Число политзаключенных на территории республики
АзССР	2
АрмССР	6
БССР	5
ГрузССР	11
КазССР	32
КиргССР	6
ЛатвССР	5
ЛитССР	8
МолдССР	7
РСФСР	509
УзбССР	27
УССР	176
ЭССР	19
Местопребывание неизвестно	50
Всего	863

Итак, советские политзаключенные (подчеркнем, что речь здесь идет именно о размещении политзаключенных, а не о числе репрессированных жителей той или иной республики) содержатся не только в определенных районах страны (политлагеря, СПБ). Они размещены по всей территории страны. Почти в каждой республике в лагерях, ссылке или психбольнице отбывают свой срок политзаключенные.

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО

УБИЙСТВО УКРАИНСКОГО ЖУРНАЛИСТА

«В моей смерти в условиях лагеря будете виновны вы, гражданин судья.» Так сказал Валерий Марченко перед объявлением ему 15-летнего приговора 15 марта 1984 года. Через полгода, 7 октября, Валерий Марченко умер в Ленинградской тюремной больнице.

Замышляя и вынося приговор, каратели и сами знали, что он по существу смертный: Марченко был настолько болен, что даже суд вынуждены были отложить, а на первое свидание с матерью после суда Валерий вообще не имел сил выйти.

Валерий Марченко родился 16 сентября 1947 года. Окончив филологический факультет Киевского университета, работал в газете «Литературная Украина», а также занимался переводами с английского и восточных языков. В июне 1973 года его впервые арестовали, обвинив в украинском и азербайджанском национализме (какое-то время он учился в университете в Баку и писал статьи как об украинской, так и об азербайджанской культуре). Приговор — 6 лет лагерей строгого режима и 2 года ссылки — отбывал на Урале и в Казахстане.

Давно страдающий хроническим нефритом (воспалением почек) и другими болезнями Валерий Марченко после освобождения добивался разрешения выехать на лечение в Италию. Вместо этого его повторно арестовали в октябре 1983 года, добавив к предыдущему обвинению казахский национализм, который проявлялся, например, в том, что, находясь на лечении в местной больнице, Валерий в частной беседе советовал выпускать медицинский бюллетень также и на казахском языке, поскольку местные крестьяне не понимают русского.

«В тяжелом состоянии, едва успокоив боли, его отправили длительным этапом отбывать наказание в лагерь особого режима (поселок Кучино Пермской области), — писала в середине сентября мать Валерия, Нина Марченко. — Условия 55-дневного этапа, условия в лагере при отсутствии медицинской помощи (лагерный врач при давлении у сына 240/160 признал его работоспособным) — все это привело к тому, что с июля этого года у него развилась тяжелая почечная недостаточность. Его перевели в тюремную больницу города Перми. Там он находился в критическом состоянии, которое стало настолько угрожающим, что 13 сентября его перевезли в Ленинград».

Замена одной тюремной больницы на другую не имела смысла: ни в одной тюремной больнице Советского Союза нет соответствующих условий для квалифицированного лечения почек. А отчаянные просьбы матери о том, чтобы

Марченко перевели в другую больницу, чтобы попробовали пересадить сыну ее собственную почку, чтобы, наконец, ей хотя бы разрешили быть у постели умирающего сына, — все это натолкнулось на глухую стену.

В свободном мире, если кто-нибудь отнимает у больного пусть даже минимальный шанс на спасение (скажем, отключает аппаратуру, искусственно поддерживающую его жизнь), — это расценивают как убийство и виновного привлекают к ответственности.

В Советском же Союзе даже ту медицину, что руководствуется уголовным кодексом и указаниями КГБ, называют самой гуманной. Совсем недавно те же самые убийцы из Киевского КГБ цинично говорили своей жертве — писателю Гелию Снегиреву: «Ну, что ж, в тюрьме тоже умирают».

Лишь весной этого года умер Алексей Никитин — жертва карательной психиатрии. В том же самом 36-м пермском лагере, где был Марченко, в мае умер Олекса Тихий. Кто теперь на очереди? Василь Стус? Зорян Попадюк? Левко Лукьяненко?

То, что сделали с 37-летним украинским журналистом Валерием Марченко, имеет четкое определение — хладнокровное, циничное убийство.

8 октября 1984 г.

Зарубежное Представительство
Украинской Хельсинкской группы

Валерий Марченко

ПИСЬМО МАТЕРИ

Мама, родная, прости меня! Я часто гнал от себя мысли о том, как ты любишь меня, что я значу в твоей жизни. Ведь тогда моя жизнь превратилась бы в ад. Я гнал от себя эти мысли и вот сейчас, впервые, неожиданно открыто, словно рваную рану, увидел тебя в слезах, и, поверь, что подобной муки я не испытывал с тех пор, как помню себя. Я вернулся в камеру и спросил Бога: зачем весь этот мир, если страдает такой человек, как ты? Зачем тогда существую я? Неужели для того, чтобы причинять боль самому любимому-

му существу? Это проклятые вопросы, на которые сам я не способен ответить. И я мучаюсь ими и еще одним: как сохранить мое уважение и любовь к матери, как не погубить себя во имя наших прекрасных отношений?

Я не хочу присоединиться к тем многим, кто, не выдержав испытаний и не удержавшись на тропе порядочности, прибегает к спасительному аргументу «не мы одни такие». Ты у меня — единственная, и я не желаю никого и ничего слушать о том, что ради биологического бытия подле матери можно перечеркнуть себя духовно. Надеюсь, и ты после нелегких размышлений согласишься со мной. Неужели матери нужен моральный ублюдок, который бы на вопрос: «жил ли предыдущие 30 лет лицемером?» должен был бы опускать глаза и... соглашаться, бормоча при этом что-то о болезни, о невыносимости? Разве такой жизни желаешь ты сыну? Не верю! Я не знаю ни одного из своих друзей, кто бы так обожал мать. Но знаю я, моя мать достойна самых лучших, самых красивых слов. И я не хочу, чтобы эти слова произносились нечестивыми устами. Учительница, ты же постоянно учила быть пронциательным, учила многим добродетелям, из которых состоит порядочный человек. Сейчас трудно утверждать, что права только ты, но сказанное оппонентами вообще вне критики. У тебя был и будет сын, который как никто любил свою мать, которому эта любовь вместе с качествами, воспитанными этой любовью, помогла выдержать в труднейшие минуты, а также в борьбе добиться права называться человеком. В этом твоя заслуга. Я уверен, она весит несравненно больше чем уговоры-аргументы, которые ты несла на свидание. Оставь их, они не достойны моей матери. Нам, мамочка, предстоит немало лет прожить на этом свете, так будем достойными его красоты — и чувствами, и поступками!

28 октября 1977 г.,
Киев, следственный изолятор КГБ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

Совсем недавно мы узнали о том, что 7 октября в ленинградской тюремной больнице умер Валерий Марченко. Марченко, которому было всего 37 лет, — один из наиболее известных защитников прав человека в Советском Союзе.

Журналист по профессии, Марченко уже отбыл восьмилетний срок заключения — жестокие условия этого заключения едва не погубили его. Тем не менее в марте этого года он был приговорен еще к десяти годам лагеря и пяти годам ссылки за то, что писал статьи, критикующие жестокость советских лагерей и нарушения прав человека и прав нации на Украине. Советские власти отказали родным Марченко в просьбе улучшить условия его содержания в заключении в связи с критическим состоянием здоровья.

Мы испытываем глубокое сожаление и возмущение в связи с безвременной смертью Валерия Марченко. Его мужественная борьба за свободу человека вдохновляет всех нас. Его смерть ставит нас перед лицом трагического положения с правами человека в Советском Союзе — положения, которое решительно осуждают все американцы.

15 октября 1984 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Как стало известно Государственному департаменту, 7 октября в ленинградском тюремном госпитале умер один из ведущих украинских правозащитников Валерий Марченко. Марченко, который долго страдал тяжелым заболеванием почек погиб, вероятно, в результате почечной недостаточности.

Журналист по профессии, он в марте этого года был приговорен к десяти годам заключения и пяти годам ссылки за статьи, в которых критиковал жестокие условия содержа-

ния заключенных в советских лагерях и достойные сожаления случаи нарушения национальных и личных прав на Украине. Марченко уже раньше был осужден на восемь лет лагеря и ссылки на основании подобного обвинения и с трудом пережил заключение.

После вынесения приговора в марте друзья и родственники Марченко предупреждали, что при критическом состоянии его здоровья заключение Марченко в лагерь особого режима — самый страшный лагерь в советской системе — равносильно смертному приговору. Мы знаем, что 13 сентября Марченко был переведен из этого лагеря в ленинградский тюремный госпиталь. Мы также знаем, что советские власти отказали родным Марченко в просьбе перевести его в больницу, где есть аппарат для искусственного диализа.

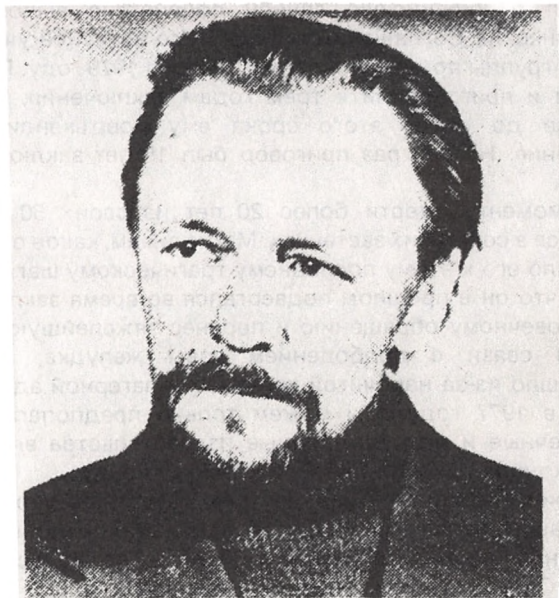
Смерть Валерия Марченко в возрасте 37 лет означает гибель молодого и мужественного участника движения за права человека на Украине. Но его жизнь навсегда останется примером для всех тех, кто глубоко озабочен правами украинского народа.

Правительство Соединенных Штатов скорбит по поводу кончины Валерия Марченко и резко осуждает бесчувственное и бесчеловечное отношение к нему советских властей — отношение, которое ускорило его смерть.

Смерть Валерия Марченко — еще одно свидетельство пренебрежительного отношения советской системы к правам человека и человеческой жизни.

ЮРИЙ ЛИТВИН

5 сентября 1984 года в советском концлагере особого режима для политзаключенных (п. Кучино Пермской области) трагически погиб известный правозащитник, член Украинской Хельсинкской группы, поэт и публицист Юрий *ЛИТВИН*.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США

Лишь неделю назад в понедельник мы сообщили о том, что в советской тюремной больнице скончался известный украинский правозащитник Валерий Марченко. Поэтому с особой скорбью сообщаем мы о смерти в заключении еще одного узника, также известного украинского правозащитника, Юрия Литвина — члена Украинской группы «Хельсинки», приговоренного за свою правозащитную деятельность к 15 годам лишения свободы. Из достоверных источников нашему

посольству в Москве стало известно, что Литвин в лагере покончил жизнь самоубийством.

Юрий Литвин был поэтом и журналистом, который за свою последовательную и мужественную борьбу в защиту прав человека на Украине большую часть сознательной жизни провел в заключении.

Он отбывал сроки с 1951 по 1953 годы, с 1955 по 1965 и с 1974 по 1977-ой. Вскоре после освобождения в 77 году Литвин вступил в Украинскую группу содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР. Его активное участие в работе группы привело к новому аресту в 1979 году. Литвина судили и приговорили к трем годам заключения. За пять месяцев до конца этого срока ему предъявили новое обвинение. На сей раз приговор был 15 лет заключения и ссылки.

К моменту смерти более 20 лет из своих 50 Литвин отмаялся в советских застенках. Мы не знаем, какое отчаяние побудило его к этому последнему трагическому шагу, но мы знаем, что он в прошлом подвергся во время заключения бесчеловечному обращению и перенес тяжелейшую операцию в связи с прободением язвы желудка, которое произошло из-за нарочитой халатности лагерной администрации в 1977 году. Мы можем только предполагать, что бесконечные и преднамеренные издевательства властей в конце концов привели Литвина к такому концу.

Юрий Литвин — один из трех известных украинских правозащитников, погибших в советских застенках за последние шесть месяцев, его товарищ по Хельсинкской группе Олекса Тихий скончался в мае этого года, а Валерий Марченко — 7 октября.

Во всех этих трех случаях смерть можно объяснить лишь жесточайшими условиями в советских лагерях, где не соблюдаются даже самые элементарные нормы человеческой порядочности. Правительство Соединенных Штатов считает предосудительными систематические преследования мужественных украинских правозащитников, таких как Юрий Литвин, Олекса Тихий и Валерий Марченко.

Мы осуждаем жестокое и бесчеловечное отношение к заключенным, которое нередко приводит к серьезным заболеваниям и... смерти.

Мы вновь призываем советское правительство положить конец практике грубейшего пренебрежения правами человека и неуважения к человеческой жизни.

22 октября 1984 г.

Белый дом, Вашингтон

Юрий Литвин

ПРАВАЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ, ЕГО ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Сегодня уже с твердой уверенностью и в полный голос можно сказать, что вопреки воле советско-партийно-государственного руководства, вопреки его идейно-политическим доктринам, вопреки террору и репрессиям против борцов за гражданские права и свободы в СССР — правозащитное движение не уничтожено. Оно существует в Советском Союзе как свершившийся факт, как общественно-прогрессивное явление не только союзного, но и мирового значения.

Борьба за гражданские права и свободы в СССР — проявление объективных противоречий между обществом и государством. Эта борьба определяет меру роста общественного сознания, наибольшая зрелость которого конкретизируется в формах правозащитной деятельности — наиболее гуманных прогрессивных формах борьбы человечества за мир, демократию и свободу.

Правозащитное движение в Советском Союзе родилось из общественной необходимости и потребности защиты прав человека и общества от постоянных правонарушений со стороны партийно-государственной бюрократии. Это движение росло и созревало на почве критически-либерального инакомыслия, которое еще в начале 1960-х годов приобрело общесоюзное значение и на сегодняшний день является характерно-определяющей стороной жизни советского общества на современном этапе его развития.

Истинная природа общественной жизни, ее органическое

движение вперед, наглядно доказывают тот несомненный факт, что инакомыслие — это общественное явление, присущее всякому обществу, с любыми социально-политическими структурами. Этот факт напрочь опровергает как левые, так и правые теории тоталитарного государства, согласно которым партия, государство, народ представляют собой гармоническое единое целое, где нет и быть не может ни инакомыслия, ни социально-экономической борьбы, ни всего того, что противоречит или противоречило бы режиму власти.

Инакомыслие, очевидно, существовало и существует в каждой стране, но в отличие от демократических стран в тоталитарных оно существует вне закона, т. е. не имеет ни фактического, ни юридического права на существование, на общественное самоопределение. В этих странах инакомыслие существует как субъективный фактор с постоянной тенденцией к объективизации.

Так было во времена Гитлера в Германии. Так было в фашистской Италии и франкистской Испании. Так было в период культа Сталина в СССР. Так есть и так будет повсюду, где государство прибирает к рукам все функции общественной жизни и определяет ее.

Разоблачение культа личности Сталина и его трагических последствий, провозглашенное с трибуны XXII съезда КПСС, было той молнией, что осветила, пусть хоть на мгновение, ужасную действительность сталинской эпохи, страшный опыт антигуманных сталинских методов построения т. наз. социализма в СССР. Опыт, который заставил передовую часть населения (прежде всего интеллигенцию) не только трезво взглянуть на советскую действительность, но и глубоко задуматься над идейно-политическими принципами, на которых она строилась. Именно с этого началась критическая переоценка материальных и духовных ценностей сталинского социализма, переоценка, которая показала, на какие страшные и позорные преступления идет государство, когда его деятельность не контролируется и не ограничивается обществом. Понятно, что даже в условиях хрущевского либерализма полуофициальный критицизм не мог не стать в оппозицию к парадно-государственному способу мышления, которое усматривало в критически-либеральном инакомыслии серьезную угрозу однопартийной

системе в СССР — и это, как известно, привело к репрессивным методам борьбы с новым видом «антисоветской деятельности». Вместе с тем официальная государственно-политическая доктрина как теория т. наз. государства «диктатуры пролетариата» полнее всего выразилась в тезисе об общенародности советского государства. Не буду здесь выяснять, насколько далеко и в какую сторону отошло «общенародное государство» от марксистско-ленинского учения. Пусть это останется на совести «верных ленинцев»! Лишь подчеркну то, что уже сама существующая в Советском Союзе политическая реальность больше, чем что-либо другое, опровергает хрущевско-брежневскую теорию «общенародности» советского государства.

Общество и государство ни коим образом не тождественные явления, и их теоретическое отождествление является политической демагогией, направленной на то, чтобы скрыть реальные противоречия, существующие между этими двумя явлениями.

Государство — это замкнутая техническая система, которая в тоталитарных странах достигает своей, так сказать, идеологической завершенности — социально-политического деспотизма.

Общество — это живой организм, который живет и развивается по своим естественным законам с тенденцией ко все большей свободе.

Современное инакомыслие в СССР возникло из критического переосмысливания советской действительности, из критического отношения к государственности, к ее партийно-бюрократическому образу мышления, к ее практической деятельности.

И полнее всего это инакомыслие проявилось и сформулировалось в деятельности хельсинкских правозащитных групп, которые больше двух лет мужественно борются за гражданские права и свободы в Советском Союзе.

Инакомыслие на Украине имеет свои глубокие революционно-демократические и либеральные традиции.

Национально-освободительная борьба украинского народа была всегда наполнена смыслом социальной и личной свободы (антифеодальный характер национально-освобо-

длительных движений) — именно поэтому эту борьбу нельзя квалифицировать как сугубо национальную.

Свободолюбие, демократизм являются характерными признаками как украинца, так всей украинской нации. Поэтому и не удивительно, что борьба против иноземного порабощения велась под знаменами национальной самобытности, свободы и демократии (народовластия). На этих принципах была создана казацко-крестьянская республика — уникальное явление того времени! — которая своим демократическим духом вызывала страх и ненависть феодально-монархического мира.

Уничтожение Казацкой республики, подавление национально-освободительных движений, закрепощение крестьянства — безусловные доказательства того, какие именно «блага» принесла русская государственность украинскому народу. 250 лет господства на Украине царских сатрапов с их драконовскими методами управления, постоянная травля, гонения и физическое истребление людей, которые противились беззаконию, не смогли убить свободолюбивый дух Украины, ее ненависть ко всяким формам принуждения и угнетения. С наибольшей силой этот дух отражен в творчестве гениального Тараса — самого большого инакомысла Украины, ставшего знаменем духовной революции украинского народа, которая направила социальную революцию на Украине в 1917 году в национально-демократическое русло и из которой возникла Украинская Народная Республика с ее высшим органом — Центральной Радой.

Большевицкая власть, т. н. «власть Советов», не принесла украинской нации ни национальной, ни социальной, ни личной свободы. Наоборот, большевизм сделал все (начиная с социальной демагогии, кончая прямой интервенцией) для свержения Центральной Рады, а вместе с ней и уничтожения Украинской Народной Республики, которая, как известно, возникла в ходе национально-демократической революции и основывалась на демократических принципах.

Отношение большевицкого режима к украинской нации, по существу, мало чем отличается от отношения к ней русского царизма. Формальные права и свободы были даны Украине центральной большевицкой властью не для реального пользования ими, а исключительно в пропаган-

дистских целях: Украина и в дальнейшем оставалась колонией русской советской империи, а малейшая попытка выйти из колониальной зависимости расценивалась большевистской властью как контрреволюционная националистическая деятельность, против которой следует вести самую жестокую борьбу (одному Богу известно, сколько украинского населения уничтожено за их национальную борьбу, активную и пассивную).

И все же, ни «красный террор», ни голод 1933 года, ни репрессии 1934-1937 годов, ни послевоенная борьба с «бандеровским бандитизмом» не сломили свободолюбивого духа украинского народа. Он, как мифический феникс, сгорает и вновь поднимается из пепла.

Шестидесятые годы наиболее плодотворны на Украине полуофициальным инакомыслием с его гуманизмом и жадой социально-политической свободы. Плеяда т.н. «шестидесятников» в литературе (И. Дзюба, И. Свитлычный, Е. Сверстюк, И. Драч, М. Винграновский, Лина Костенко, О. Бердник, В. Мороз, В. Чорновил и многие другие) содействовала развитию инакомыслия на Украине. (Кончилось все это судебными процессами — политическими, закрытыми). Стоит заметить, что для инакомыслящей молодежи 1960-х годов советские политические лагеря и тюрьмы стали школой, где проходил активный процесс переоценки духовных ценностей. Из этих «университетов» вышло немало выдающихся борцов за гражданские права в СССР, в частности на Украине: Антоненко-Давыдович, Л. Лукьяненко, И. Кандыба, О. Мешко, Н. Свитлычна, Н. Строкатова, В. Чорновил и др.

Идея правозащитного движения на Украине зрела и вынашивалась задолго до создания Украинской Хельсинкской общественной группы.

Можно с уверенностью сказать, что уже в 1960-е годы предвестником ее был Левко Лукьяненко — организатор и вдохновитель борьбы за национальное освобождение Украины путем референдума и социальных преобразований и земельных реформ на индивидуально-кооперативных основах.

Хельсинкские Соглашения и Заключительный Акт этих соглашений были тем внешним толчком, что ускорил

самозарождение правозащитных групп в СССР, придав им современную форму.

Пионерами и основателями Украинской группы «Хельсинки» стали люди, которые не только выросли из советской действительности, но и вобрали в себя трагедию нашего времени (войны, геноцид, концлагеря), такие как Олесь Бердник, Левко Лукьяненко, Оксана Мешко, Олекса Тихий. Они знают советскую государственность в ее обнаженном виде, и мириться с нею они не способны в силу своей духовной природы. Писатель Мыкола Руденко прошел сквозь ад войны, ему хорошо известны 1933-37 годы на Украине. Совесть не позволила ему быть в первых рядах идеологической верхушки Союза писателей Украинской ССР, которую правительство использует в своих целях. Поиск справедливых национально-правовых и экономических решений украинских проблем заставил Мыколу Руденко возглавить правозащитное движение на Украине, в котором он нашел смысл своей жизни, свое призвание.

В первые же дни создания Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений органы КГБ начали преследования, шантаж, угрозы и репрессии против ее членов.

Судебными процессами над правозащитниками М. Руденко, О. Тихим, Л. Лукьяненко, М. Матусевичем, М. Мариновичем, П. Винсом карательные органы надеялись сломить и ликвидировать правозащитное движение на Украине. Следствию, КГБ и суду не удалось морально сломить ни одного члена группы, и этот моральный фактор укрепил и активизировал правозащитную деятельность группы — в нее вошли новые люди: педагог В. Стрильцев, отец и сын Сичко, Юрий Литвин, Василь Овсиенко. Суды над членами Украинской группы были закрытыми, проводились на периферии, в полной изоляции от людей, общественности и прессы. Людей не осудили, а украли. О мужестве и героизме этих людей мировая общественность, также как и их земляки, не узнала. Они остались побежденными, но не покоренными!

Хельсинкские группы в СССР продолжают не только существовать, но и активно действовать. В чем же их сила и живучесть?

Индивидуальные качества членов групп в значительной

мере определяют силу и жизненность правозащитного движения, однако не они являются той «живой водой», что поддерживает жизнь движения и придает ему силы. На мой взгляд, живучесть и сила хельсинкских групп заключается:

во-первых — в самом общественном организме, в его стремлении к демократии и свободе. Именно эта животворная сила родила инакомыслящих А. Сахарова, Ю. Орлова, М. Руденко, Л. Лукьяненко, П. Григоренко и других выдающихся людей нашего времени;

во-вторых — в том факте, что правозащитные группы в СССР являются признанными и неотъемлемыми звеньями мирового правозащитного процесса;

в-третьих — в том, что это движение не политическое, о чем свидетельствуют декларации, заявления, документы хельсинкских групп, а также устные и письменные заявления в ООН и представителям правительств стран-участников Хельсинкского Соглашения, сделанные нашим представителем за границей Петром Григоренко: «Группы не являются партиями или политическими организациями и не ставят целью легальными или нелегальными путями прийти к государственной власти в стране.»

Социалистические и национальные революции, гражданские войны, трагедия последней мировой войны и жизнь человечества на грани третьей войны — все это заставляет мировую общественность искать выход из страшного круга, куда загнан мир политическим милитаризмом, диктатурами, деспотией.

Современное правозащитное движение — это борьба за такую жизнь, которая мирно развивается по своим собственным законам в направлении все большей демократии и свободы, где человек был бы творцом своей судьбы, а не придатком партийно-государственной машины, где общество диктовало бы свою волю государству, а не наоборот.

Вся деятельность хельсинкских групп в СССР направлена на защиту прав и свобод человека и общества от любых злоупотреблений со стороны властей, это самозащита общества от деспотизма чиновничьей бюрократии.

Украинская группа руководствуется в своей деятельности правовыми принципами, выраженными во Всеобщей декларации прав человека, Декларации прав народов и

наций, принятых большинством государств мира, а также Заключительным Актом Хельсинкских Соглашений, подписанным 35-ю государствами мира. В своей правозащитной деятельности Украинская группа «Хельсинки» не обходит и национальный вопрос. В частности — украинский, который не разрешила ни «Великая Октябрьская социалистическая революция», ни 60-летнее господство «власти Советов» на Украине. Вопрос национального самоопределения остается наиболее актуальной проблемой в жизни украинского общества.

Исключив эту проблему из сферы своей деятельности Украинская правозащитная группа утратила бы свое национальное и социальное лицо и не смогла бы по-настоящему исполнять свои правозащитные функции.

Защита прав и свобод человека без защиты прав и свобод нации не имеет под собой оснований.

Украинская правозащитная группа согласно своим принципам должна вести борьбу против политики официального и неофициального великодержавного шовинизма в его самых разнообразных проявлениях. защищать право нации на свое самобытное развитие, без чего невозможно вести успешную борьбу за свободу социальную и личную.

Так же группа будет вести борьбу против любых проявлений национальной вражды в Украинской ССР.

Украинская группа координирует свою деятельность с Московской группой и выступает за самый тесный союз и солидарность всех правозащитных групп СССР и видит в этом залог успеха правозащитного движения в Советском Союзе.

Интересы групп, как Московской так и Украинской, на Западе представляет член группы в эмиграции генерал Петро Григоренко — один из пионеров правозащитного движения в СССР.

Вступление в Украинскую общественную группу «Хельсинки» не ограничено ни национальным происхождением, ни профессиональным, образовательным или другими признаками. В группу принимаются все те, кто разделяет общие принципы правозащитного движения в целом и его национальные особенности в частности. Группа ведет и будет вести борьбу против всяких политических тенденций в правозащитном движении.

Группа — авторский коллектив, и от каждого ее члена желательно было бы ожидать его авторского творчества в области актуальных правозащитных тем и информационного материала на эти же темы по Украинской ССР.

Правозащитное движение на Украине — одно из ведущих звеньев международного правозащитного движения, и его участники сделают все от них зависящее, чтобы и в дальнейшем это движение, будучи интернациональным по своей сути, не теряло при этом ни своих национальных особенностей, ни своего национального лица.

апрель 1979 года

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Элизабет Маркштайн

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ*

Они называют себя иногда «русскими национальными силами», иногда «сторонниками русского национализма» и не делают различия между национальным и националистическим. В этой статье я попытаюсь дать общее представление об этом движении.

Материал: десять номеров самиздатского журнала «Вече» (1971-1973); два номера самиздатского журнала «Земля» (редактор обоих журналов — Владимир Осипов); девять номеров журнала «Вече», издаваемого с 1981 г. в Мюнхене под редакцией Евгения Вагина и Олега Красовского Русским Национальным Объединением в ФРГ.

Оба журнала «Вече» (самиздатский и мюнхенский) оказались в центре острой полемики (см. Д. Поспеловский — в «Survey», Лондон, N 86, 1973; он же — «Osteuropa», NN 6-7,

* Статья Э. Маркштайн опубликована в журнале «Osteuropa» N 3, 1984. Перевод с немецкого печатается с незначительными сокращениями. В основу немецкого заголовка и употребляемого в статье термина Russischnationale положено название немецкого национального движения в Австро-Венгерской империи, возникшего в середине XIX века: Die Deutschnationalen. Термин этот, непереводаемый на русский, не совсем соответствует по необходимости упрощенному в русском переводе обозначению «русские националисты».

Предлагаемая статья является продолжением работы, первая часть которой под названием «Идеологи деревенской прозы» (разбор критико-очеркового раздела московского журнала «Наш современник») была напечатана в «Osteuropa», N10, 1983.

Элизабет Маркштайн, 1929 г. рожд., — славистка и переводчица, преподает в университетах Граца и Вены (Австрия), автор статей по русской послеоктябрьской литературе, а также по вопросам теории и практики перевода. Живет в Вене.

1975; Г. Померанц и А. Янов — в «Синтаксисе», Париж, N 6, 1980; А. Синявский — в «Синтаксисе», Париж, N 8, 1980, Е. Эткинд во «Время и мы», Нью-Йорк, N 67, 1982).

Я вижу свою задачу однако не в том, чтобы участвовать в полемике, которая, как можно будет заметить, не только оправдана, но и крайне необходима. Моя цель — попытаться по возможности объективно (хотя эмоции не всегда удастся сдержать) изложить те основные точки зрения, что представлены в обоих журналах «Вече» и в «Земле», ту совокупность идей, распространение которых в советской России подтверждается Самиздатом, иностранными корреспондентами и, не в последнюю очередь, репрессиями властей: Владимир Осипов в 1974 году был приговорен к восьми годам лагеря строгого режима, а другой «национал», Леонид Бородин, был в мае 1983 года приговорен к десяти годам лагеря особого режима и пяти годам ссылки.

И еще одна оговорка: Я анализирую не мнение редакций «Вече». Я анализирую опубликованный материал, который позволяет четко представить себе концепцию русского национализма, нашедшую свое выражение в ряде самиздатских и эмигрантских изданий. И наконец, я пользуюсь новым термином Russisch-nationale вовсе не для того, чтобы сравнить нынешнее положение с политической ситуацией в Австро-Венгерской империи, а по ассоциации, которую вызывает противоречивость описываемого явления. Такой термин — альтернатива часто используемым обозначениям «русситы» и «неославянофилы», ибо понятие «русситы», которым называют себя новые «почвенники», не покрывает в полной мере националистический элемент, и потому что было бы слишком безобудно назвать русских националистов «неославянофилами» — в крайнем случае их можно связать с ультраправым поздним славянофильством Константина Леонтьева. В Самиздате и эмиграции точки зрения поляризовались.

Экскурс в лексику русских националистов.

Идеологическая формула современных русских националистов мало чем отличается от старой царистской «доктрины Победоносцева»: православие, монархия, народность. Оперировать первыми двумя понятиями легко, тогда как с третьим дело сложнее из-за наличия теоретической

дилеммы: «Что же это такое — русский народ?» Первым напрашивается ответ, тоже из времен царской России: «Русский народ-племя и все так называемые „инородцы“, принявшие православие и живущие в России» («Вече», Мюнхен, NI, с. 141). Анатолий Михайловский, предложивший это определение, был несколько опрометчив. Авторы «Вече» вовсе не едины в вопросе о том, можно ли Бориса Пастернака, чей отец был крещеным евреем, называть русским поэтом.

Дело нисколько не облегчается, если к этническому и религиозному факторам добавится фактор политический. Россия — многонациональное государство (русские националисты считают ее территориально равной СССР, но не признают этой аббревиатуры). Так как националисты, с одной стороны, хотят сохранить религиозно-этническую чистоту русского народа, а с другой, не желают, чтобы пострадало единство российской империи, они прибегают к языковым нюансам, толкование которых выявляет их концепцию. Конструируется цепь синонимов, которой они твердо следуют: *русский — русскоязычный — российский — руський*.

Русский — определяется этнически.

Русскоязычный — определение должно означать человека, говорящего по-русски. В действительности же здесь содержится некий расистский компонент. Русскоязычным, *но не русским*, является каждый, кто хорошо говорит и пишет по-русски, знаком с русской культурой и даже, возможно, внес громадный вклад в эту культуру, но все-же не заслужил чести именоваться русским — исключительно из-за наличия чужой крови. Конкретно речь идет об ассимилированных евреях, таких как Осип Манделштам, Исаак Бабель, и, естественно, о революционных вождях (прежде всего о Льве Троцком). На практике, в эмигрантских спорах русскоязычными считаются эмигранты еврейского происхождения, авторы публикаций, издаваемых в Израиле или где-нибудь еще. В число русскоязычников попали также и некоторые «этнически» русские писатели (например, Андрей Синявский и Виктор Некрасов), уже хотя бы потому, что они — бескомпромиссные противники антисемитизма. Таким русским дают имеющее в данном случае отрицательное звучание определение, типа «левацкие диссиденты» или «плюралисты» (см. «Вече», Мюн-

хен, N 7-8, сс. 228-229). *Замечание в скобках*: в положительном контексте русские националисты не используют слово «диссидент» и его русский аналог «инакомыслящий».

В своих напаках на «русскоязычных» националисты используют старый прием из сталинского арсенала времен борьбы с «космополитизмом» — раскрытие псевдонимов. Так, фамилией бывшего наркома иностранных дел Литвинова — Финкельштейн называют они и его внука Павла Литвинова. Троцкий, само собой разумеется, — Бронштейн, а при упоминании имени русского художника Валентина Серова не забывают добавить девичье имя его матери — Бергман («Вече», Мюнхен, N I, с. 181). Себя же националисты, вполне естественно, называют «непсевдонимными русскими» («Вече», Мюнхен, N 7-8, с. 227). Аналогичным же образом демонстрирует свой откровенный агрессивный антисемитизм, например, выходящая в Нью-Йорке эмигрантская газетка «Свободное слово Руси».

Российский — слово, имеющее чрезвычайно актуальное политическое звучание. Из-за того, что демократическое движение, группы «Хельсинки» и другие правозащитники защищают право нерусских народов на выход из СССР, русские националисты приблизительно в 1970 году откололись от общего оппозиционного движения. *Замечание в скобках*: Одним из оснований было также еврейское «проникновение» в демократическое движение, борьба за право евреев на эмиграцию — но это читается лишь между строк.

С помощью словесных ухищрений русские националисты надеются решить национальные проблемы, которые в СССР становятся все более острыми. Прилагательное «российский», которое в официальном советском языке применяется по отношению к народам Российской федеративной республики, они пытаются распространить на все те нации, что входили в бывшую и входят в нынешнюю империю и образуют «российскую нацию, стрежнем которой останется нация русская» («Вече», Мюнхен, N I, с. 141). На практике это выглядит так: о политике А. Гукасове сказано, что он «армянин по национальности, россиянин по духу» («Вече», Мюнхен, N 2, с. 109). Аналогично — о грузинах из лейб-гвардии царя, которые «не будучи русскими по рождению,.. были россиянами по духу».

Русский — еще не вошедшее в обиход слово. Предложено известным историком Дмитрием Лихачевым (Слово о Киеве, «Литературная Россия», 19.3.1982). Возвращает нас в историческом аспекте далеко назад. Речь идет о славянских племенах Киевской Руси, из которых впоследствии образовались русская, украинская и белорусская нации. Эти еще национально не дифференцированные племена Лихачев вполне обоснованно называет «руськими». Русские же националисты, опираясь на авторитет Лихачева и большое количество цифровых выкладок, пытаются поставить под сомнение самобытность украинского и белорусского народов (передовая статья — Киеву 1500 лет, «Вече», Мюнхен, N 5, сс. 5-9). Проблема эта действительно очень сложна. Сложна вовсе не потому, что существование украинской и белорусской наций, их языка и культуры вызывает хоть какое-то сомнение, а потому что русификация в этих республиках зашла настолько далеко, что даже Александр Солженицын, который неоднократно высказывался в пользу самоопределения народов СССР, в отношении Украины и Белоруссии выражает сомнение (в последний раз — в своем письме к конференции в Торонто, посвященной русско-украинским отношениям («Русская мысль», Париж, июнь 1981).

Но не только Киевскую Русь имеют в виду националисты, пользуясь словом «руський». Они идут дальше Лихачева и связывают его с понятием «Святая Русь».

На этом, мне кажется, пора закончить наш экскурс в лингвистику и перейти к рассмотрению основных пунктов платформы русских националистов.

Православие

«Из *нездешнего* начала изошла Россия», — писала в 1974 году Валентина Машкова во втором и последнем номере самиздатского журнала «Земля» (цитирую по сборнику «Вольное слово», N 20, Франкфурт/Майн, 1975). Этот тезис не обсуждается, но подразумевается как нечто само собой разумеющееся. О «русском Боге» пишет в том же номере журнала муж и соратник Машковой по борьбе Владимир Осипов — основатель движения русских националистов, повторяя таким образом Достоевского, староверов и других.

Православие — обязательная часть русскости. Исторический путь России — это путь к православию. В связи с приближающимся тысячелетием крещения Руси (988-1988) в Нью-Йорке начал с 1978 года выходить Журнал «Русское возрождение». Рождается понятие «русская православная нация». *Замечание в скобках:* Ради национального единства можно, по-видимому, похоронить вековую ссору со староведами.

Но дальше: Единство православия и русскости должно быть закреплено — в будущем русском теократическом государстве.

В 1964 году в Ленинграде возникла во всех отношениях интересная нелегальная организация — Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН). Три года спустя эта организация была раскрыта КГБ и ее члены были приговорены к очень большим срокам заключения. Руководитель ВСХСОН Игорь Огурцов все еще находится, после 15 лет лагеря строгого режима, в ссылке. В отличие от многих других оппозиционных групп члены ВСХСОН имели четко сформулированную программу. В деталях обрисовали они будущее государственное устройство России: во главе законодательной власти — народное собрание и выборный глава государства, исполнительная власть — глава государства и совет министров, высшая юридическая инстанция — Верховный суд, а высший контрольный орган («блюстительная власть») — Собор, на одну треть состоящий из церковнослужителей. Это было в 1964 году. Русские националисты охотно ссылаются на ВСХСОН и считают Огурцова своим духовным вождем, но при ближайшем рассмотрении можно и здесь заметить развитие в сторону более крайних форм. Христианская ориентация государства и треть церковников в высшем государственном органе превратились в основу «любовного единения народа, государства и Церкви», в элемент, создающий «стихию подлинной теократичности» (А. Скворцов, *Современные идеологические направления в России*, Самиздат, 1981; перепечатано в «Вече», Мюнхен, N2, с. 137).

Единство русскости и православия, единство русского государства с русской православной церковью — цель русских националистов. Они верят в религиозное пробужде-

ние, с надеждой смотрят на переполненные церкви (что отмечают также многие иностранцы), на молодых людей, участвующих в пасхальных шествиях и во всенощной. Вместе с тем они последовательно отождествляют религию с православием и православие с существующей церковью. Одна поразительная деталь: нигде в мюнхенском «Вече» я не нашла упоминания о религиозно-философских кружках, которые появились в последнее время в Москве и Ленинграде и, вполне вероятно, в других городах Союза. Нет ничего в журнале и о «Христианском семинаре» Александра Огородникова, который в 1979 году был приговорен к шести годам заключения в лагере строгого режима и к пяти годам ссылки. Русские националисты игнорируют внецерковные религиозные поиски, высмеивают, как В. Машкова в уже цитируемой статье «Кто должен каяться?» («Вольное слово», Ф/М, N 20, 1975, с. 33), верующих интеллектуалов, которые так много говорят о моральном долге и личной ответственности (острие статьи направлено против Солженицына), и на самом деле находятся вне официальной Русской православной церкви, т. к. считают ее коррумпированной из-за сотрудничества с властью имущими (см. Письмо А. Солженицына Патриарху Пимену, «Вестник РСХД», N 103-1). Наиболее откровенно эту точку зрения выражает самиздатский автор Скворцов, когда он клеймит «церковно неустойчивую свободу творчества», «самодовлеющий социальный гуманизм» как форму Сатанизма («Вече», Мюнхен, N 2, с. 136). Авторы «Вече» так много твердят о православии как проявлении русской национальной силы и так мало говорят — о христианстве. Экуменические настроения совершенно чужды националистам, коль скоро они могут утверждать, что «православие... — единственный из всех христианских культов, исповедующий абсолютную истину» (А. Скворцов, «Вече», Мюнхен, N 2, с. 136). Общехристианские принципы отодвигаются на задний план, в то время как на первое место выступает идея «русского Бога», ведущая, как это уже было у национального кумира Достоевского, к русскому мессианству:

«Освященная и очищенная страданием, новая Святая Русь принесет свет миру...» (В. Беляев, Наша непримиримость, «Вече», Мюнхен, N 4, с. 161)

Монархия

«Монархическая идея связана со спецификой русского миропереживания», — пишет в статье о Достоевском Н. Вехин («Вече», Мюнхен, N 2, с. 78). Для русской культуры она по его мнению, имеет первостепенное значение. С ссылкой на Гоголя утверждается, что «любовь к царю» — характерная черта русской поэзии. Русские поэты, не сумевшие продемонстрировать свою преданность трону, вызывают подозрение. Александр Блок, например, — несомненно же этнически русский и христианин, но то, что он не православный (в религиозном смысле) да к тому же еще и «пацифист» — большой грех, по мнению профессора Плетнева (О Блоке, «Вече», Мюнхен, N 5, сс. 76-85). Естественно, националистам недостаточно одной лишь монархически направленной литературной критики. То, что монархия для России является лучшей формой государственной власти, во всех без исключения публикациях рассматривается как аксиома. Призыв к некоей авторитарной власти — выраженный в «Письме к вождям» Солженицына — конкретизируется русскими националистами как призыв к установлению Богопомазанной монархии во главе православной России. Эта цель и определяет направленность публицистики русских националистов: по отношению к современности — критика демократии, ретроспективно — отказ от критики дореволюционного прошлого России.

Демократия в черном цвете

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть: Критика недостатков западной демократии, о которых так много пишет А. Солженицын, несмотря на гиперболизацию порой, не дает основания упрекать его в принципиальном антидемократизме. Увы, русские националисты пошли дальше Солженицына. Не только потому, что рассматривают авторитарный режим как адекватную форму правления для России. Они отрицают демократию как таковую. Яркий пример, часто цитируемый: Р. Плетнев использует игру слов для характеристики демократии. Слово «демократия» он подменяет, «дерьмократией» (Mene, mene takel, ufarsin, «Вече», Мюнхен,

№ 4, сс. 43-62). То, что это не случайный «ляпсус», подтверждается всей статьей Плетнева и многочисленными высказываниями его единомышленников. «Нет» демократии означает для Плетнева «да» телесным наказаниям (там же, с. 46) и, естественно, смертной казни (там же, с. 57). Критику Плетневым американской системы образования можно было бы считать обоснованной, но контекст делает ее недискутабельной.

Впрочем, от А. Федосева мы узнаем, что в американских высших учебных заведениях преподают не менее 10 000 профессоров-марксистов («Вече», Мюнхен, № 5, с. 39). Стало быть, весь Запад подвержен марксистскому брожению, и к тому же им овладели догматические идеи «революционной демократии». Слово «демократический» здесь, походя, привязывается к слову «революционный» для того, чтобы вызвать у читателя негативные ассоциации (Н. Кузаков, *Философия эмпиризма как первое звено в цепи всемирной революции*, «Вече», Мюнхен, № 2, сс. 50, 58 и др.).

Неприятие демократии связано не только с Западом — оно глобально. Особенно частой мишенью для нападок является ООН — этот «тоталитарный паноптикум», как его называет в «Колонке редактора» журнала «Континент» Владимир Максимов («Континент», № 35, 1983, сс. 371-373). Очевидно, потому что «Космополитизм — подготовка пути Антихристу» («Вече», Самиздат, № 2, «Архив Самиздата», № 1020, с. 32). Небезызвестное «Слово нации», получившее хождение в Самиздате в Москве в 1971 году (мюнхенское «Вече» перепечатало его, см. № 3), предлагает заменить ООН и аналогичные организации «Союзом цивилизованных стран во главе с Россией и англо-саксонскими Соединенными Штатами». *Замечание в скобках:* Выражение «англо-саксонские Соединенные Штаты» вовсе не случайно. Цветные, по возможности, не должны совать нос в дела цивилизованных стран.

В чем русские националисты безусловно правы, так это в том, что они выступают против обычного на Западе смешения понятий «русский» и «советский». Хотя они вовсе не протестуют против того, что, например, Арама Хачатуряна, как это принято у нас, называют русским композитором. По их классификации он и должен быть «россиянином». Ведь не о национальной гордости нерусских народов пекутся они и

протестуют лишь тогда, когда «русской», а не «советской» называют, скажем, интервенцию в Чехословакию. Подчеркиваю: и такое смещение непозволительно, т.к. Россия действительно не то же самое, что СССР. Но мне-то аргументировать легче, чем националистам, поскольку для них Россия территориально равна СССР. В своем стремлении провести четкую черту раздела между тем и другим они создают свою собственную версию Истории.

Прошлое в ореоле славы

«Возникло на Западе ложное понимание, что современный СССР есть продолжение старой России... От глаз наблюдателей упущен процесс полного разрыва всех традиций религии, культуры, национального сознания и физического уничтожения десятков миллионов носителей их.

(А. Солженицын, Скоро все увидим без телевизора, «Вече», Мюнхен, N 5, с. 14)

Гибель традиций очевидна, и стремление Солженицына, Лихачева или писателей — «деревенщиков» эти традиции развивать или по крайней мере сохранить то, что осталось, заслуживает самого горячего одобрения. Но теоретики из «Вече» и здесь ушли намного дальше, пытаются сбросить со счетов всякую ответственность старой России за нынешний Советский Союз. Другими словами, они отрицают любую, даже малейшую историческую связь прежней России с сегодняшним днем. Дореволюционная Россия представляется им в розовом цвете, и для них ничего не значат научные исследования многих поколений русских и иностранных историков, всех этих «ученых клеветников». Корни сегодняшних бед — не в крепостном праве, не в сохранившихся формах азиатской деспотии, не в слабо выраженном демократическом сознании, не в том и не в этом. Найти их нельзя нигде. Причин нет, потому что нет никакой преемственности. А так как, несмотря на это, без виноватых все же обойтись нельзя, их ищут и находят:

1. В либералах, подготовивших февральскую революцию. Таков пафос опубликованных фрагментов «Октября шестнадцатого» и «Марта семнадцатого» А. Солженицына

(«Вестник РСХД», Париж, и «Русское возрождение», Нью-Йорк).

2. В нерусских (читай: еврейских) марксистах, подготовивших и осуществивших Октябрьскую революцию. Марксизм для русских якобы всегда был чем-то чужеродным, а Ленин, как известно, был наполовину евреем и на четверть татаринном. В мюнхенском «Вече» (N6) был приведен список всех пассажиров знаменитого пломбированного вагона, в котором Ленин добирался через Германию в революционную Россию. Чтобы читателю было легче понять, что большинство пассажиров, в том числе и наиболее известные из них (Зиновьев, Сокольников, Мартов), — еврейского происхождения, рядом с псевдонимами были приведены их подлинные фамилии (как информация к размышлению).

3. В латышских стрелках, польских и еврейских комиссарах и вообще в интернациональных частях Красной Армии, которые своими штыками отстояли революцию. В написанной в 1973 году статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (сборник «Из-под глыб», Париж, 1974, сс. 115-150) Солженицын писал, открыто и резко полемизируя с русскими националистами, о необходимости признания национальной вины, также и по отношению к поработанным Россией народам. Реакцией на это была, среди прочих, и уже упомянутая статья Валентины Машковой. Одновременно Солженицын бросил националистам и соломинку, дал идею, за которую они с готовностью ухватились и которую он сам продолжал разрабатывать: роль иностранных элементов в революции и Гражданской войне. К полякам, евреям, латышам были еще добавлены бывшие военнопленные, австрийцы и венгры, как антирусские революционные оккупанты («Вече», Мюнхен, 15, с. 13). В очерке о расстреле царской семьи («Вече», NN 2 и 4) делался акцент на нерусских фамилиях убийц и лишь почти в конце статьи стыдливо добавлялось, что в отряде, расстрелявшем царя было трое русских. В мюнхенском «Вече» (NN 4-6) напечатана большая статья Н. Нефедова «Красные латышские стрелки».

4. Во всемирных заговорщиках, таких как иезуиты, масоны, плутократы — в общем: космополиты. Такой комплот, в полном согласии со «Словом нации», обнаружил Анатолий Федосеев («Вече», Мюнхен, N5). В нем фонды

Форда и Рокфеллера участвуют как центры распространения социалистической пропаганды (с.39). Круг замкнулся. Не хватает только «сионских мудрецов», на которых до сих пор, осторожности ради, лишь намекают.

Так все же: национальные и/или националистические силы.

Ссылки русских националистов и Солженицына на неизмеримые беды русского народа, на огромные человеческие и культурные жертвы безусловно оправданы, заслуживают внимания и, как минимум, понимания. ГУЛАГ проглотил миллионы русских, раскулачивание действительно было страшным ударом по русскому, украинскому и белорусскому крестьянству. Преследование Церкви, идеологические директивы партии нанесли урон культуре и традициям русских не меньший, чем культуре и традициям любого другого народа империи. Тысячи церквей и архитектурно-художественных памятников разрушены, деревни обезлюдели, Достоевский десятилетиями не переиздавался и по-прежнему считается несколько подозрительным автором, мыслителей — славянофилов не издают, эмигрант Бунин лишь в 1966 году был литературно реабилитирован, Набокова не печатают и сегодня, слово «Бог» в приказном порядке заставляют писать с маленькой буквы и, и...

Движение русских националистов началось с охраны исторических памятников. В 1964 году в Москве возник студенческий клуб «Родина», в 1966 было образовано «Всероссийское общество охраны исторических и культурных памятников». В первом номере самиздатского журнала «Вече» была опубликована хорошо аргументированная работа о чудовищных, антирелигиозно/и технократически обоснованных разрушениях старой Москвы. Экспорт русских культурных ценностей на Запад в 1920-е годы (Е.Вагин, «Вече», Мюнхен, N 7-8, сс. 169-190), запрещение реставрировать церкви, за исключением тех случаев, когда это делается для привлечения туристов, — так легко понять эти жалобы русских националистов, и мы не должны закрывать глаза на то, что «русская проблема» в СССР *также* существует. С уважением и тактом пишет об этом Михаил Агурский в редакцию самиздатского «Вече»:

«Сам факт того, что в условиях огромной страны с преобладающим русским населением... могло возникнуть вне официальной поддержки такое течение (русское национальное — Е. М.), говорит о том, что в существующей политической линии страны эти интересы приносятся в жертву другим целям, зачастую чуждым коренным интересам русского населения.» (Цит. по: «Вольное слово», Франкфурт/М., 17-18, 1975, с. 130)

Менее осторожно, в свойственном ему уверенном тоне пишет об этой проблеме Александр Зиновьев десять лет спустя. Поскольку Зиновьева на Западе любят цитировать, я позволю себе привести здесь довольно длинный пассаж из его статьи:

«Советский Союз есть многонациональное государство. В таких случаях две противоположные тенденции обычно имеют место — центробежная и центростремительная. От того, какая из них доминирует, зависит прочность объединения такого рода. В Советском Союзе эта проблема после революции была решена наилучшим образом с точки зрения интересов целостности страны. Советский Союз превратился в колониальную державу, но с обратным отношением колоний и метрополии: здесь основной народ империи, а именно — русский, и его территория стала объектом колонизации для других народов. Представители самых различных национальностей устремились в большие города с целью добиваться здесь успеха, делать карьеру, спекулировать и т.п. В результате русский народ оказался в этой империи в самом тяжелом положении. Русскому народу следовало бы в первую очередь бороться за равенство среди других народов и независимость от них». («Континент», N 37, с. 147).

Далее Зиновьев отрицает наличие хоть сколько-нибудь значительных центробежных сил в национальных республиках, полагая, что все они не заслуживают никакого внимания. Очевидно, что Зиновьев здесь гораздо ближе к русским националистам, чем его давний оппонент Солженицын, который считает необходимость уладить национальные проблемы в окраинных республиках моральной обязанностью русских (в сб. «Из-под глыб», Париж, 1974, с. 129).

Но вернемся к Агурскому. В его статье есть и слова-предостережения. Агурский предупреждает об опасности, которая подстерегает национальное движение, — прежде всего об опасности шовинизма, в России всегда проявлявшегося в грубом антисемитизме. Но для русских националистов это вовсе не опасность — это основа их концепции.

Так довольно скоро, уже в Самиздате, появился термин «национал-большевизм». Насколько мне известно, именно Солженицын в своей уже цитируемой статье из сборника «Из-под глыб», написанной в 1973 году, впервые применил его по отношению к «национальным силам». Национал-большевизм имел в России свою историю (хочу сослаться на книгу М. Агурского «Идеология национал-большевизма», Париж, 1980). То, что идеи национал-большевизма и сегодня злободневны, хорошо демонстрирует «Слово нации», в котором утверждается:

«Не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация, своего рода идеологическая революция» (Вече, Мюнхен, №3, стр. 130).

«Идеологическая переориентация» в рамках существующей системы означает курс на «единую, неделимую Россию» со всеми живущими на территории СССР народами и крен в сторону шовинизма, наличие которого у националистов мне, надеюсь, удалось продемонстрировать.

При всем различии в подходе к существующей власти — Осипов, например, высказывался в пользу лояльности, в то время как более поздние сотрудники «Вече», будучи убежденными монархистами, очевидно, являются откровенными противниками режима, — русских националистов объединяет общая платформа: Российская империя с доминирующей этнически чистой русской нацией, с Православием как государственной религией и с сильной авторитарной властью во главе.

(Перевод с немецкого В. Сумина).

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

(Из материалов грузинского Самиздата)

От редакции : В публикуемых ниже материалах грузинского Самиздата, касающихся межнациональных конфликтов в Закавказье, представлена точка зрения определенной части грузинской общественности. К сожалению, мы не располагаем самиздатскими документами, которые отражали бы отношение к данной проблеме абхазов и азербайджанцев. «Форум» публикует полученные из Грузии материалы как иллюстрацию того, что же на самом деле скрывается за фасадом «братской дружбы народов СССР».

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР тов. Ю. В. АНДРОПОВУ;
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
тов. ТИХОНОВУ; В ГАЗЕТУ «ИЗВЕСТИЯ», В ГАЗЕТУ
«ПРАВДА»**

Считая себя вправе говорить от имени грузинской нации в целом мы хотим изложить вам следующее.

1. Как известно исторической науке, придя в Закавказье в начале прошлого века под лозунгом защиты единой Грузии от персидских и турецких завоевателей, Российское государство взяло курс на искусственное снижение процента грузинского населения на грузинской земле*. Среди многочисленных мероприятий, служивших этой цели, было и создание массивов негрузинского населения на наиболее плодородных территориях т. н. Нижней Картли (ныне Гардабанский, Марнеульский, Болнисский, Дманисский, Тетрицкаройский и Цалкский районы ГССР, а также некоторые

* См. докладную записку проф. И. Джавахишвили правительству ГССР от 02.07.1925 г.

территории Грузии, ныне в ГССР не входящие). Здесь были созданы массивы: а) русского, б) немецкого, в) армянского, г) тюркоязычного греческого, д) по тогдашней терминологии тюрко-татарского, по нынешней же азербайджанского населения, тогда как в других районах Картли были созданы массивы армянского (ныне Ахалкалакский и Богдановский, отчасти также Ахалцихский и Аспиндзский районы ГССР) и осетинского (ныне Юго-Осетинская АО в ГССР) населения.

Азербайджанцы на этой территории появились впервые в начале XVII века, когда они были поселены здесь шахом Ирана Аббасом I после опустошительного нашествия и истребления в значительной мере местного грузинского населения в ходе войны. Оставшись затем в подданстве грузинских царей и занимаясь кочевым скотоводством на разоренных (и постоянно разоряемых) персами (а также турками) землях, это население постепенно росло в процентном отношении, ибо, будучи мусульманским, оно не страдало во время непрекращавшихся иностранных нашествий, в то время как коренное грузинское землевладельческое население в значительной мере истреблялось. После вступления России в Грузию это кочевое население получило от русского правительства в пользование уже казенные земли, которые казной, т. е. государством, были узурпированы у грузинского царского дома, отобраны у местного грузинского дворянства или попросту заняты и не возвращены той части грузинского крестьянства, которая была вынуждена укрываться в других, более защищенных, районах Грузии при последнем нашествии персов в 1795 г. Таким образом, азербайджанское население края, *никому ничего не заплатив и ни над кем военных или дипломатических побед не одержав, получило от русской администрации в безраздельное пользование грузинскую землю, в то же время освободившись от подчинения уже не существовавшей грузинской власти.* Более того, русская администрация не разрешила местным и неместным грузинам, крайне нуждавшимся в земле, ни заселять пустовавшие земли (их заселяли другими, негрузинами), ни вести с иноплеменным (азербайджанским) населением свободную экономическую борьбу за землю.** Мотивом

** Аналогично тому, как царская администрация не разрешала грузинам селиться на Черноморском побережье Грузии.

такого решения администрации могло быть лишь самоцельное стремление к ослаблению грузинской нации.

В результате этой сознательно антигрузинской политики — и только благодаря ей — богатейшие черноземные низинные земли, пригодные для всех видов интенсивного земледелия, остались в эксплуатации у кочевников-скотоводов¹, вместо того чтобы оказаться в руках у грузинских крестьян с богатейшими навыками земледелия, как это случилось бы при естественном экономическом развитии².

Это было серьезным поражением Грузии от мусульманского мира и нанесено оно было не самим мусульманским миром, а русским государством, использовавшим иноплеменное мусульманское население как средство дестабилизации статуса грузинского народа в Грузии.

2. Одна из исторических частей Грузии — Восточная Кахетия (ныне Белоканский, Закатальский и Кахский районы

1. На мотивы отношения русской реакции этой части населения проливают свет слова одного из лидеров черносотенцев, протоиерея Восторгова на «съезде русских людей» в Москве уже в начале нашего века. «Из всех народностей, населяющих Кавказ, самыми симпатичными являются татары: это — самый верноподданный народ; он не выдвигается вперед потому, что не имеет своих газет, у него нет интеллигенции, нет денег для подкупов и пропаганды и нет закупленных писателей» («Московские ведомости», IV, N.92; цитировано по Н. Марру, «История Грузии», СПб, 1906, стр. 6).

2. Об экономических мерах русского правительства, направленных на дегрузинизацию грузинской территории, говорит следующая статистика. В прошлом веке и в начале нынешнего в Ахалкалакском уезде, где в 1828-1832 гг. русской администрацией был создан армянский этнический массив (на землях выселенных в Турцию грузин-мусульман), местные грузины-христиане имели в среднем около 3 десятин земли на дым, а армяне-иммигранты, ничего не заплатив, владели в среднем (по разным селам) 40, 50, 100 десятинами земли на дым. Аналогично этому в Нижней Картли к концу прошлого века русские переселенцы имели в среднем 26,51 десятин прекрасной земли на дым, греческие переселенцы — от 24 до 69,69 десятин на дым, татары (т. е. азербайджанцы) — от 24,53 до 47,62 десятин на дым, немецкие колонисты — 16, 82 десятин на душу мужского пола, грузины — от 2,89 до 5,21 десятины на дым. Притом в 1873-1901 гг. подати за десятину земли греки платили в размере 16-35 коп., армяне — 18-28 коп., немцы — в ср. 22 коп., грузины — от 50 коп. до 1 р. 30 коп. Результатом этого было массовое *выселение* грузинских крестьян с указанной территории (см. газ. «Закавказье», статья «Мотивы социализма в Грузии», 1987 г., NN 77, 80, 107, 115).

Аз ССР) — была политически отторгнута у Грузии шахом Ирана Аббасом I в начале XVII века. После этого начался приток в эту местность дагестанских племен (аваров и цахуров), местное грузинское население постепенно было обращено в ислам³ и подчинено стоявшему под покровительством иранской власти дагестанскому населению. Овладев (при активном участии грузинской добровольческой милиции) этой территорией в начале прошлого века, русское правительство не включило ее в состав Тифлисской губернии, объединявшей восточные грузинские территории, не вернуло грузинскому населению его земли (признав их уже собственностью дагестанцев) и не допустило никакой формы воздействия на судьбу этого края со стороны грузинского народа и его лидеров, не имевших уже собственной государственности⁴. В результате в этом крае, доступ в который грузинам был закрыт, а мусульманским поселенцам открыт, дагестанский элемент получил перевес над грузинским и численно, и политически. Это было еще одним поражением Грузии от мусульманского мира после присоединения ее к России и понесено оно было снова при прямом содействии русского правительства.

3. Известно, что немедленно по установлении Советской власти в Грузии в феврале 1921 г. от Грузии было отделено более 13000 кв. км, т. е. около шестой части ее территории, из коих значительная часть была передана Азербайджану. Кроме того, в состав Азербайджана вошла вышеупомянутая Восточная Кахетия, хотя ни правового, ни этнического, ни исторического основания тому не имелось. Население здесь на 50% составляли родственные грузинам дагестанцы (авары и цахуры), 40% — грузины обоих вероисповеданий, коренные жители региона. Несмотря на это, правительство РСФСР, признавшее договором от 7 мая 1920 г. между РСФСР и Грузией эту территорию частью Грузии⁵, передало ее

3. Отсюда происходит название грузин этого края «ингило» — «новообращенный».

4. Единственным исключением был курс на возвращение грузинского населения края в христианскую веру, взятый после 1844 г. в связи с изменой предводителя местных дагестанцев Даниель-Бея в пользу Шамиля. После пленения Шамиля этот процесс был прекращен.

5. Ст. III, § 1 мирного договора между РСФСР и Грузией от 7 мая 1920 г. гласит: «Государственная граница между Грузией и Россией

Азербайджану. Этот шаг правительства РСФСР был не чем иным, как а) уступкой Турции за счет национальных интересов Грузии, б) демонстрацией дружелюбности по отношению к мусульманскому Востоку (за счет тех же интересов), в) результатом стремления к созданию в Закавказье трех примерно равных единиц, т. е. к территориальной компенсации Азербайджану преимуществ тогдашней Грузии по развитию и по кадрам. Для грузинской нации это было еще одним поражением исторического масштаба, в котором решающую роль сыграло правительство России, на этот раз советской.

Зная, что вхождение упомянутой территории (Восточной Кахетии, затем — Закатальского округа, ныне — Белоканского, Закатальского и Кахского районов АзССР) в состав Азербайджана не имеет ни международно-правовых, ни этнических, ни моральных оснований, азербайджанское руководство с 1921 года до наших дней, используя всю мощь государственного аппарата, в том числе и средств массовой информации, системы просвещения и т. д., делает все возможное, чтобы за кратчайший срок азербайджанизировать край. Для этого оно:

а) всем мусульманам (как грузинам, так и дагестанцам — аварам и цахурам) национальность определяет как «азербайджанец»;

б) с 1921 г., когда произошла паспортизация населения, заставило грузин-мусульман принять азербайджанские фа-

проходит... и по северной границе бывших губерний Черноморской, Кутаисской и Тифлисской до Закатальского округа и по восточной границе этого округа до границы с Арменией» («Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы. 1917-1921 гг.», Тбилиси, 1958, стр.563). 12 мая того же года заключается дополнительное соглашение к мирному договору между РСФСР и Грузией, в ст. 1 которого, в частности, говорится: «Вопрос о спорных местностях на границе между Грузией и Азербайджаном и в Закатальском округе передается на рассмотрение смешанной комиссии, образуемой из представителей правительств Азербайджана и Грузии в равных количествах, под председательством представителя РСФСР. Все решения этой комиссии будут признаваться для себя обязательными представителями Азербайджана и Грузии» (там же, стр.571). В момент заключения договора в Азербайджане уже существует Советская власть.

мили (составленные из мусульманских имен и русских окончаний), пренебрегая их собственными грузинскими фамилиями⁶;

в) путем экономической дискриминации, непредоставления работы, урезывания земель у грузинских христианских сел, сноса домов в местах компактного грузинского населения под предлогом создания «города» (Кахи), вырубки садов и виноградников стремится помешать грузинам-христианам нормально размножаться, пытается заставить их покинуть землю отцов и переселиться в ГССР. Таким методом достигнуто то, что за последние 20 лет грузинское население Кахского района не только не возросло численно, но и уменьшилось вдвое;

г) в широком масштабе заселяет названные три района Азербайджана азербайджанцами, а также дагестанцами из Дагестанской АССР (которых, насколько нам известно, паспортизируют как «азербайджанцев»);

д) со времени установления Советской власти в Азербайджане по сей день азербайджанское руководство ведет борьбу с грузинской школой (прежде всего в селах с мусульманским грузинским населением). Оно несколько раз закрывало эти школы, последний раз — в 1954-58 годах, и после многочисленных протестов населения вынуждено было открыть их снова (но лишь в виде грузинских секторов «интернациональных» школ) в 1961 г. В селах Дзегам и Тасмале грузинские школы так и остались закрытыми. Находясь под постоянным нажимом сверху, молодое поколение этих двух сел *забыло* родной грузинский язык. В 1982 г. руководство, несмотря на протесты населения, прекратило прием в грузинский сектор школы в с. Ититала Белоканского района.

Под страхом репрессий азербайджанское руководство *заставляет* грузин-мусульман отдавать детей в азербайджанский сектор школ. В то же время оно саботирует работу грузинских секторов, не допуская никакого участия Мини-

6. То же самое было сделано с грузинами-мусульманами в Южной Грузии (Ахалцихский, Адигенский, Ацкурский, Аспиндзский районы ГССР), которые в момент своей депортации в 1944 году фигурировали уже не как грузины, а как «азербайджанцы» или «турки».

стерства просвещения ГССР в их комплектовании кадрами и методическом руководстве; оно не запрашивает у Министерства просвещения ГССР учителей и оставляет школы годами без преподавателей отдельных предметов. Кроме того, оно саботирует снабжение грузинских секторов школ учебниками, препятствуя их ввозу в частном порядке и не давая дойти учебникам, которые Министерство просвещения ГССР посылает в официальном порядке, до учащихся;

е) всеми средствами изолирует названные районы от ГССР, запрещая въезд не только концертным бригадам, лекторам и научным экспедициям, но подчас даже экскурсиям. Запрещается завоз и демонстрация грузинских кинофильмов. После постройки мощной телерелейной станции в Закаталах фактически прекращен прием тбилисских телепередач;

ж) уничтожает средневековые исторические памятники (которые в этом краю только грузинские). Последним взорвали храм в Дзвели-Базари, Закатальский район, летом 1971 г.;

з) во всех крупных и мелких политических мероприятиях, законных и незаконных, с 1920 года и по сей день несравненно больше, чем все другие этнические элементы, в названных районах страдают грузины. Можно сказать, что все возможности репрессий, предоставляемые временем, азербайджанское руководство использовало в этих районах для достижения прежде всего антигрузинских, а не каких-либо иных целей. Так, если при власти мусаватистов грузинское христианское население Кахи было согнано ко рву с целью расстрела (и было спасено лишь благодаря случайности), то в годы коллективизации то же самое население, *помнившее* это, было загнано на трое суток в строение и двор сельсовета с угрозами и *требованием отказать от проявления интересов к ГССР*. Ни в одном азербайджанском или лезгинском (дагестанском) селе этих районов аналогичные меры не принимались. Репрессии 1937 года также коснулись преимущественно грузин. Плод всего этого — сломленный дух грузин в этом крае, экономически забитое и печальное население, подчас утратившее даже свой язык. (Если по переписи 1859 г. в крае—16 сел с грузинским населением обоих вероисповеданий, то ныне сел,

где сохранен родной грузинский язык, всего 7, не считая с. Корагани со смешанным населением.)

Грузинское (ингилойское) население края много десятков раз обращалось с жалобами за десятками и сотнями подписей в ЦК КПСС, Сов. Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР, к съездам КПСС, но совершенно *безрезультатно*. В 1967 г. грузинская интеллигенция обратилась к Л. И. Брежневу с жалобой за 160 подписями, но также не получила ответа.

В результате этих мер доля грузин (говорящих по-грузински) обоих вероисповеданий в населении края снизилась с почти половины на момент установления Советской власти в Азербайджане до приблизительно 15%, а доля «азербайджанцев» (среди которых значительную часть составляют неазербайджанцы — грузины, авары, цахуры, — говорящие на родном языке мугалы) возросла с незначительного количества до приблизительно 75%. Это — еще одно историческое поражение Грузии, понесенное ею при полном попустительстве со стороны центральной власти страны уже в наши дни.

4. После установления в Грузии Советской власти в 1921 г. негрузинский, а именно тюркоязычный, элемент населения прилегающих к Тбилиси районов вновь оказался в привилегированном положении. При одинаковой для всех районов норме приусадебных участков и одинаковой организации труда в колхозах (а затем — совхозах), при исключительном плодородии земли в местах поселения азербайджанцев и непосредственной близости к рынкам города Тбилиси и Рустави средний доход азербайджанского населения оказался *во много раз выше* дохода грузинского населения в любом районе республики. При минимально квалифицированном и легком труде (выращивание зелени и овощей) азербайджанская семья на прилегающей к Тбилиси территории имеет в среднем 15000-40000 руб. годового дохода, тогда как средний доход грузинской семьи в сельской местности не достигает и одной десятой этой суммы. В то же время в г. Тбилиси с миллионным населением летом пучок зелени (50-100 грамм) стоит 10-20 коп., а зимой 1 кг зелени стоит 10-20 руб. Естественный ход событий вызвал бы:

а) приток населения из других, более бедных и малоземельных, районов республики;

б) разгрузку сжатого в тесном ущелье г. Тбилиси путем его роста в единственно свободном направлении — юго-восточном, т.е. в сторону Кода-Марнеули с постепенным выносом индустриальныхстроек в эти места (где рабочие свободно могли бы устроить себе подсобные хозяйства), с выносом туда школ-интернатов, домов отдыха и т. д.;

в) выделение огородных участков для населения Тбилиси (согласно всесоюзной практике последних лет) в богатейшем Марнеульском районе, вследствие чего проблема самообеспечения тбилисских рабочих и служащих овощами, в частности, и фруктами была бы в значительной степени решена;

г) создание в треугольнике индустриальных городов Тбилиси — Рустави — Марнеули (Казрети, Болнисский район) пригородной области (мегалополиса), слившейся с этими городами и служащей их всестороннему обеспечению. Но это не произошло и не происходит. Притока грузинского населения *нет*.⁷ Крайне нуждающийся в сельхозпродуктах Тбилиси за несколько десятков лет не смог, в сущности, проникнуть в богатейший район огородничества (и садоводства), который начинается на 24-м километре от города. Огородных участков население Тбилиси в этом районе *почти не получило*, а если получило (в незначительном количестве), то это произошло в местах с грузинским (либо армянским), но не с азербайджанским населением.

Это искусственное положение вещей может быть объяснено только как признание планирующими и распоряжающимися инстанциями неких *исключительных* прав азербайджанского населения на те участки грузинской земли, где они волей судеб (а конкретно — волей персидско-турецких завоевателей и царских колонизаторов) оказались в большинстве.⁸ Иными словами, это есть искусственная культива-

7. Кроме мест бывшего поселения немцев.

8. Об этом говорит и не вполне естественное районирование прилежавших к Тбилиси территорий. Так, естественно было бы включить села Кумиси и Кода (с грузинским и отчасти армянским населением) в Марнеульский район. Однако они включены в Тетрицкарыйский район, от центра которого они в 4 раза дальше, чем от Марнеули. Мотивом для этого может быть лишь стремление

ция негрузинского этнического массива в Грузии *именно как негрузинского* путем создания ему отличных (от общего уровня республики) экономических условий.

Экономическими привилегиями — и никак не одной лишь социальной привычкой мусульман к многодетности и даже не исключительно высоким процентом погибших на войне грузин — объясняется тот факт, что за время с 1921 года азербайджанское население прилегающего к Тбилиси региона возросло в 7 раз, а грузинское население республики в лучшем случае всего на 50%. Это четвертое весьма и весьма важное преимущество, которого достигла азербайджанская нация перед грузинами на грузинской территории за последние шесть десятилетий, и достигнуто оно опять-таки благодаря общей политической ситуации.

К сожалению, ныне в регионе поселения азербайджанцев в Грузии положение обострилось и политически. Сочтя Грузинскую ССР плохо защищенной от мусульманской тюркоязычной экспансии, видя, что нет инстанции, могущей и желающей говорить от имени национальных интересов грузинского народа, испытывая естественное влечение к национальному самораспространению и надеясь на поддержку из самых высоких органов власти, азербайджанское население прилегающей к Тбилиси области открыто (в том числе и в виде петиций) заявляет претензии на грузинскую территорию, начиная с требования монополизации руководящих должностей в этой области азербайджанцами и кончая отторжением этих территорий от ГССР. Ряд уступок со стороны руководства республики и других инстанций они уже добились. Они добились (в середине 70-х годов) отказа республики от создания нового специализированного виноградарского совхоза у Красного моста (граница ГССР и АзССР), добились путем манифестации перед райкомом смещения с должности первого секретаря Марнеульского РК ВЛКСМ тов. Енукидзе, как грузина, и замены его азербайджанцем (в чем их, как нам известно, поддержали двое приехавших из Москвы товарищей⁹). Кроме того, как у нас

создать для негрузинского (азербайджанского) населения на территории Грузии как можно более обособленную *национальную* единицу.

9. Прецедентом этому послужило смещение вследствие манифестации перед Гагрским ГК КП Грузии абхазской части населения

считают, они через высокопоставленных людей добились отказа Союзного правительства от строительства станко-строительного завода в Марнеули.

Уступать этим претензиям — большим и малым — *нельзя*. Все содержание многовековой истории грузинского народа, частью которой является нынешний день его жизни, состоит в *защите своей национальной территории, ее целостности и своего суверенитета над ней*. Поддержку этих притязаний — больших или малых, словом или делом, активно или пассивно — грузинская нация может рассматривать лишь как посягательство на самые жизненные ее интересы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Политбюро ЦК КПСС — правящей партии Советского Союза — есть наивысший директивный орган страны, власть которого распространяется на всю страну; поэтому ответственность перед историей и перед нашей нацией за общий курс в отношении наших национальных интересов возлагается именно на него, и мы по жизненно важному для нашего народа вопросу обращаемся к нему.

Суверенитет народа над своей исторической территорией, в том числе и над той ее частью (районом ли, селом ли...), где он не в большинстве, не есть нечто такое, чем можно пренебрегать. Поэтому мы требуем:

1. Прекратить дискриминацию грузин на прилегающей к Тбилиси с востока и юга территории (в первую очередь — в Марнеульском районе). Открыть на эту территорию доступ грузинскому сельскому населению и городу Тбилиси с его промышленностью.

2. Раздать (согласно естественным требованиям нуждающегося в этом населения) трудящимся Тбилиси и Рустави в массовом количестве огородные участки на упомянутой территории.

3. Не задерживать создание мегалополиса в треугольнике Тбилиси — Рустави — Марнеули (Казрети), как того требует (экономическое развитие республики) логика вещей.

Кроме того, поскольку речь идет о защите *равных с*

первого секретаря горкома, как грузина. Другого случая смещения должностных лиц таким методом, насколько нам известно, история СССР по сей день не знает.

другим этническим элементом прав грузин на территории ГССР, мы требуем:

4. Обеспечить соблюдение самых элементарных прав грузинского населения обоих вероисповеданий в Белоканском, Закатальском и Кахском районах АзССР, прекратить вышеперечисленные попрания его национальных и человеческих прав (в первую очередь — возобновив прием в грузинский сектор школы в с. Ититала, восстановить грузинскую семилетку в Кахи, прекратить борьбу против грузинской школы вообще), обеспечить равенство с другими этническими элементами и для грузинского населения обоих вероисповеданий Белоканского, Закатальского и Кахского районов АзССР.

Грузинский народ известен своей терпимостью и чувством справедливости по отношению к негрузинам. Он не питает неприязни ни к одному другому народу, тем более к ближайшему соседнему к нему азербайджанскому. Но это не значит, что он согласен делиться с кем-либо своей землей или своим суверенитетом над какой-нибудь ее частью. Грузины — не только одна из наций, входящих в СССР, но и одна из наций, составляющих мировое сообщество. Если искусственное ущемление экономических и политических интересов грузинской нации на ее земле и ее суверенитета над этой последней будет продолжаться, она имеет право в нашем лице или в лице других своих представителей искать справедливости перед лицом всех народов мира.

Чем скорее будет изжита инерция закавказской политики Петербурга, которая была направлена на подрыв в первую очередь грузинской нации, тем будет лучше для мира и гармонии в этом регионе.

1983 г., сентябрь

Подписывают: Н. Натадзе, доктор наук,
Г. Тевзадзе, профессор,
З. Киквадзе, кандидат наук,
Г. Канкава, кандидат наук,
М. Гамхарашвили, офицер в отставке,
И. Датунашвили, сотрудник Ин-та
востоковедения.

ДЕМОНСТРАЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В МАРНЕУЛИ

В феврале 1983 года первого секретаря Марнеульского райкома комсомола Темура Чиковани перевели на работу в ЦК комсомола. На его место избрали секретаря комитета комсомола Грузинского политехнического института Енукидзе. Против кандидатуры Енукидзе на пленуме выступили азербайджанцы. Они требовали избрания «местного кадра» (азербайджанца). Первый секретарь райкома партии Р. Мемарнишвили заявил пленуму, что из местных кадров не смогли подобрать подходящую кандидатуру и поэтому избрали Енукидзе. После этого несколько азербайджанцев и армян, присутствовавших на пленуме, покинули зал заседания. Особую активность проявляет освобожденный секретарь Алгетского хозяйства Искандер Мамедов. Это он вывел людей из зала заседания, он потребовал избрания «местного кадра». Как выяснилось, 6-9 членов бюро, которые записали работу пленума на пленку, послали телеграмму из Казахстана (АзССР) в Москву, в ЦК ВЛКСМ, которая обошлась в 50-60 рублей. Позже 6 азербайджанцев вылетели в Москву, в ЦК ВЛКСМ, где они потребовали назначения комиссии.

Был назначен повторный пленум (15 февр.). В кабинет участника пленума, I-го секретаря ЛКСМ, вызывали по пять человек, у которых спрашивали их мнение о Енукидзе. Опрос вели заведующие организационным отделом ЦК ЛКСМ Грузии Г. Махарадзе, инспектор ЦК Гаджиев, Т. Чиковани и другие. 30-40% опрошенных поддержали кандидатуру Енукидзе, остальные (азербайджанцы) выступили против. Они требовали избрания «местного» (азербайджанца). Пленум назначили на следующий день — 16 февраля 1983 года в 2 часа дня.

16 февраля в 11 часов собрались все участники пленума. С 12-и до 12 часов 15 минут перед зданием райкома собрались 300-400 молодых азербайджанцев. Они собрались организованно, из их действий было видно, что они заранее были подготовлены для этого. Они требовали, чтобы их допустили на пленум и чтобы был избран «местный кадр». Среди демонстрантов находились сын заместителя председателя Марнеульского комитета (государственной) безопасности. Сам же заместитель делал вид, будто бы «успокаивал»

демонстрантов, в действительности же он подстрекал азербайджанцев и поддерживал их. Только грузинам он делал замечания и (давал) указания. Он был одним из лидеров этой демонстрации. Главным руководителем (лидером) считается директор хозяйства Сарачло — Хусейнов, который после этого события притворился больным. Среди организаторов демонстрации были также заведующий организационным отделом райкома Халилов, начальник Марнеульской (сети) кинофикации Велиев и другие. Среди них было много работников райкома. В тот день пленум не состоялся, его проведение сорвали демонстранты. Енукидзе перевели в ЦК.

23 февраля состоялось заседание бюро Марнеульского (райкома) комсомола. На пост 1-го секретаря выставили кандидатуру Дамирчалова (бывший 2-й секретарь), а на 2-го секретаря — кандидатуру Майсурадзе (из Тамариси). Ученица 8-го класса Марнеульской грузинской школы (член бюро райкома) Жужунашвили на пост 1-го секретаря выставила кандидатуру директора Цераквинской школы учителя Гию Абрамия¹. Против этой кандидатуры выступила заведующая Марнеульским (районным) отделом народного образования Г. Набиева (явно антигрузински настроенная женщина). Она заявила, что Абрамия не является «местным кадром». Пленум состоялся 24 февраля 1983 года, и 1-м секретарем избрали Дамирчалова, 2-м секретарем — Майсурадзе.

На пленуме присутствовал представитель Москвы.²

★

Марнеульская демонстрация очень напоминает гагрскую демонстрацию 1978 года в Абхазии: отстранение избранного пленумом лица по требованию хулиганствующей толпы; назначение «местного кадра», т.е. негрузина (в Грузии); оставление без наказания хулиганов-шовинистов; террори-

1. Ср.: «А еще дружат они с молодым учителем Гией Абрамия, который... поднялся в горное село Церекви» (Ст. Л. Чхеидзе «Сколько лиц у Гии?» — «Молодежь Грузии», 25.07.81).

2. После пленума, в июне 1983, «г. Марнеули Указом ПВС ГССР был выделен из Марнеульского р-на и преобразован в город республиканского подчинения» (В. Гаджиев, преподаватель каф. азерб. яз. и лит-ры Тб. гос. педин-та, спец. корр. И. Иновели и

зация грузин. За «кулисами» всего этого чувствуется рука Москвы. Удивительно знакомое явление. Так постепенно вырисовывается еще одна сфера антигрузинской политики в Грузии, в Марнеульском районе, где сложившаяся обстановка как две капли воды похожа на ситуацию, созданную в Абхазии, Самцхе-Джавახети, Саингило, Юго-Осетии, и которая обещает в будущем превратиться в еще одну «автономию».

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО БОРИСА КАКУБАВЫ К НАСЕЛЕНИЮ ГРУЗИНСКОЙ ССР, НАУЧНЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ РЕСПУБЛИКИ

Я, Борис Джотович Какубава, — житель гагрской зоны, грузин, с высшим образованием, член КПСС с 1967 года, женат, на иждивении трое малолетних детей, — обращаюсь к населению Грузии и хочу, чтобы вы знали правду о нашей действительности, о жизни грузинского населения в Абхазии.

Абхазская автономная республика — неотъемлемая часть Грузии. Абхазцы, населяющие грузинскую землю, называемую Абхазией, составляют всего 70 тысяч человек. С момента возникновения и по сегодняшний день Абхазия и абхазцы были в составе Грузии. Никогда не имели статуса самостоятельности и государственности. До Октябрьской революции и до послевоенных лет в основном населяли горные села Абхазии.

Грузинской общественности известны выступления абхазцев в 1956, 1968 и 1978 годах. Известно, что абхазцы не имеют собственной письменности. Алфавит абхазской письменности был составлен из грузинских букв.

После выступления 1956¹ года абхазцы поменяли свою письменность. Грузинский алфавит поменяли на русский.

А. Митагвария, «Плоды дружбы и братства» — «Заря Востока», 1. 3. 84); далее авторы пишут: «Этот факт — еще одно яркое свидетельство неослабного внимания и заботы партии и правительства о населении этого уголка республики».

1. Точнее: 1954 (БСЭ, изд. 3, т. 1:45).

В 1968 году за организацию бунта и провокационные требования некоторые из руководителей были наказаны партийно и административно. Их требования признаны необоснованными и провокационными.

В 1978 году определенными должностными лицами абхазской национальности было написано коллективное письмо и направлено советскому правительству, где клеветнически оскорбляли грузинский народ, правительство Грузии, называли их «бериевцами» и обвиняли в угнетении абхазской нации. Это письмо было подписано должностными лицами, членами партии — около восьмидесяти человек.² Составлению и направлению этого письма предшествовало уничтожение за одну ночь грузинских надписей на всей территории Абхазии. Текст данного письма открыто читался на всех сходках и собраниях, похоронах и свадьбах.

Народ призывали к массовым выступлениям. Многотысячные собрания и сходки организовывались во всех городах и селах Абхазии.

Абхазский областной комитет на собрании партийного актива Абхазии открыто осудил клеветнический характер письма, назвал текст письма провокационным, а его авторов провокаторами. Решением бюро Абхазского обкома партии авторы письма были исключены из рядов КПСС и освобождены от работы.

Члены правительства Грузинской ССР находились в Абхазии и непосредственно присутствовали на сходках и собраниях, проводили совещания в организациях, собрания партийного актива в районах. Они — очевидцы провокационных и клеветнических выступлений отдельных лиц абхазской национальности.

Чего же именно требовали абхазцы? Чем они были недовольны?

В присутствии членов грузинского правительства они, не стесняясь, обращались к ним с оскорбительными словами, с

2. Ср. с сообщением о письме 130 представителей абхазской интеллигенции в ВС СССР от дек.1977 о заселении Абхазии грузинами, обязательности преподавания грузинского языка в школах, расхищениях грузинами природных богатств и т. д. (К. Уитни, «Нью-Йорк таймс», 25. 6. 78).

хулиганскими выпадами, с криком и свистом. Обвиняли грузин в оккупировании Абхазии, угнетении абхазской нации.

Требовали отмены решения бюро Абхазского обкома партии по исключению из рядов КПСС авторов письма и освобождению их от должности;

освобождения от работы всех партийных и советских работников грузинской национальности;

изъятия из обращения грузинского языка в Абхазии;

отделения Абхазской автономной республики от Грузинской ССР и присоединения к РСФСР;

открытия абхазского университета, абхазского телевидения, замены всех должностных лиц грузин абхазцами и, наконец, высылки всех грузин из Абхазии;

утверждения своей собственной конституции, с государственным флагом и государственным абхазским языком;

полного изменения топонимики Абхазии, замены всех грузинских названий абхазскими.

Правительство Грузии пошло на компромисс с провокаторами.

Решением бюро ЦК КП Грузии было восстановлены в партии и на работе авторы провокационного письма.

Это означает, что письмо не провокационное, что мы, грузины, — «бериевцы», что мы оккупировали Абхазию и угнетаем абхазскую нацию. Именно так воспринято населением Абхазии данное решение бюро ЦК КП Грузии.

Срочно были освобождены от работы первый секретарь Гагрского горкома партии Кванталиани, второй секретарь Гудаутского райкома партии Гагошидзе, первый секретарь Гальского райкома партии Гулуа, Председатель Совета Министров Абхазии Сакварелидзе и многие другие.

А первый секретарь Абхазского обкома партии Хинтба был освобожден от работы по требованию «бунтарей» за осуждение их провокационного письма и исключение их из партии с освобождением их от работы.

Это означает подтверждение и признание Грузинским правительством законности требований абхазцев.

В Сухуми был открыт Абхазский университет. Срочно было выделено помещение для абхазского телевидения и начаты регулярные телепередачи только исключительно на абхазском языке.

Пленум Гагрского горкома партии заочно освободил Кванталиани от должности первого секретаря якобы в связи с переводом на другую работу. Первым секретарем Гагрского горкома партии пленум избрал Начкебия Г.К. — первого секретаря Гульрипшского райкома партии.

Спустя четыре часа после избрания Начкебия Г.К. первым секретарем Гагрского ГК партии в Гаграх собралась толпа со всей Абхазии. Они потребовали у Начкебия Г.К. покинуть здание горкома партии, заявив ему, что отныне в Гаграх в должности первого секретаря должен быть только абхазец. Начкебия не покинул свое рабочее место. Он был избран партийным пленумом согласно уставу партии. Толпа не покидала здания и территории горкома партии всю ночь. На следующее утро приехал сам первый секретарь ЦК КП Грузии. Был срочно создан «повторный пленум» Гагрского ГК КП Грузии. Характерно, что на данном «пленуме» присутствовало не более 20% членов горкома партии. Зал пленума был переполнен хулиганствующими элементами абхазской национальности.

Первый секретарь ЦК КП Грузии обратился к соборщице и сказал (дословно): «Товарищи! Произошла ошибка. Вы хотели первым секретарем абхазца. Вот вам первый секретарь — Астик Константинович Гварамия...»

Начкебия Г.К. возвратился к себе в Гульрипши, а Гварамия Астик приступил к «исполнению обязанностей» первого секретаря Гагрского ГК КП Грузии.

Беспрецедентный случай в истории коммунистической партии! Такое грубое и ничем не оправданное нарушение партийной демократии, устава партии, обезличивание решения пленума и подрыв его авторитета.

Несмотря на все уступки Грузинского правительства, абхазцы продолжали бесчинствовать, терроризировать грузинское население и вынуждать нас покинуть абхазскую территорию. Участились случаи избиения грузин абхазцами, были факты убийства. Приступили к осуществлению намеченного плана: изъятия из обращения грузинского языка, изменения топонимики Абхазии.

В Бзыбской грузинской школе были сожжены грузинские книги, разбита вывеска с грузинской надписью, на стенах написали «Долой грузинский язык!»...

Несколько товарищей зоны города Гагры, в том числе и я, решили созвать грузинское население Абхазии в Гаграх 3-го сентября 1978 года, вызвать руководство Абхазской АССР и потребовать у них положить конец безобразиям и беспорядкам, восстановить старые добрые традиции дружбы и братства абхазского и грузинского народов, иначе нами будут приняты контрмеры.

Но 1-го сентября 1978 года в Гагры приехали все члены правительства Грузии, все члены бюро ЦК КП Грузии. Проводились совещания и собрания в организациях и на предприятиях. Проводились собрания партактива района. Грузинское правительство теперь уже нас, грузин, уговаривало не собираться на сходке 3-го сентября 1978 года.

2-го сентября 1978 года в здании Гагрского горкома партии проводился партактив в присутствии первого секретаря ЦК КП Грузии. Среди других выступил и я. Моя речь была призывом к восстановлению вековой дружбы между грузинами и абхазцами, прекращению необоснованных уступок абхазцам, запрету изменения топонимики Абхазии и немедленной изоляции руководителей абхазского бунта. Я сказал, обращая лично к первому секретарю ЦК КП Грузии: «...Ведь вам известны фамилии руководителей абхазского движения, почему вы идете им на уступки, почему не изолируете их? Изолируйте их немедленно, и тогда не придется вам ходить по селам и упрашивать народ не собираться на сходки. Их всего десяток и каждого из них вы знаете. Арестуйте их, и тогда не будет никакого бунта и никакой сходки. Мы никому не позволим нашу землю отсоединять от Грузии и присоединять к России...»

Я не мог оставаться в тени, как многие другие, под страхом расправы надо мной. Я знал, что говорю правду и пусть боятся те, которые ради личной выгоды, ради личного благополучия, высоких должностей, стремления к высоким титулам, орденам и медалям действуют в ущерб своей родине, своему народу.

С этого дня я поневоле был занесен в «черный список» абхазского руководства...

А 22-го января 1979 года прокуратурой города Сухуми я был арестован по ложному обвинению «в злоупотреблении служебным положением». Меня незаконно содержат в тюрьме 9 месяцев и три дня.

По истечении срока санкции Генерального прокурора Союза ССР я был освобожден из тюрьмы. По этому делу меня повторно имел право арестовать только Президиум Верховного Совета СССР. Однако спустя пять месяцев меня арестовывают по указанию прокурора Абхазии Вардая В. В.

Против меня прокуратурой города Сухуми сфабриковано ничем не обоснованное обвинение... У органов правосудия Абхазии нет ни малейшего доказательства моей вины. Однако я осужден на 14 лет лишения свободы! Приговор был вынесен Верховным судом Абхазии 11 сентября 1980 года...

Борис Какубава

27 октября 1981 г.,
Драндская тюрьма, Абхазская АССР

РУССКО—УКРАИНСКО—ЕВРЕЙСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК В СССР И ...В ИЗРАИЛЕ

Может показаться невероятным, что нечто связанное с русскими или украинскими проблемами может существовать в стране, где практически нет ни русских, ни украинцев. Однако, в Израиле такие проблемы существуют. Израильцы мрачно шутят, что евреям, надеявшимся убежать от проблем диаспоры в собственное государство, не удалось избежать ни одной из этих проблем, ни одного конфликта. И даже более того — мировой конфликт пришел вслед за ними на Ближний и Средний Восток. И хотя в том, что этот район стал ныне центром мирового конфликта, повинно его первоочередное стратегическое и сырьевое значение, а не евреи, остается справедливым, что иммигранты привезли с собой в Израиль массу конфликтов и проблем, свойственных тем странам, откуда они прибыли.

К ним относится и то, что можно назвать «русско-украинско-еврейским треугольником» — треугольником проблем, рожденных историей национальных отношений в России, на Украине и вокруг них. В Израиле эти проблемы утратили почву, на которой возникли, но остались проблемами историко-психологическими, импортированными из Восточной Европы.

Попытаемся проследить генезис этого «треугольника» хотя бы в его главных точках.

Иммигранты из СССР в Израиль (за исключением евреев из Грузии, Средней Азии, а частично также из Закарпатья и Прибалтики) — это «русские евреи», хотя большинство из них выехали с нерусских территорий — Украины, Белоруссии, Прибалтики и т.д.¹. «Русские» — это значит те, что

1. По опубликованным в Израиле данным с территории РСФСР с 1968 г. до конца 1981 г. выехало около 40 тысяч евреев из общего

принадлежат к русской культуре и пользуются в обиходе русским языком.

Русификаторская роль евреев на нерусских этнических территориях издавна вызывала упреки не только со стороны местного населения и его национально-патриотических сил, но и со стороны некоторой части еврейских национальных сил. Наиболее последовательным в этом отношении был выдающийся еврейский политический деятель Владимир Жаботинский. В 1910 году он писал:

«Уже и теперь евреи во многих городах черты оседлости, где великорусского населения нет, являются единственными, так сказать, представителями русской культуры, т. е., говоря точнее, единолично русифицируют край. Вильна, например, русифицирована только еврейской интеллигенцией; и что-то незаметно, чтобы за эту услугу евреев очень любили тамошние великороссы — а зато поляки и литовцы открыто ставят евреям этот подвиг в большую вину. То же самое в Малороссии. Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда речь заходит о русификаторской роли еврейской интеллигенции, эта печать выходит из себя и положительно сбивается на антисемитские ноты. И хуже всего то, что не знаешь какими словами протестовать. Ибо ведь действительно правда, что города Украины, где великороссов можно по пальцам перечесть, и вполтину бы не носили того характера, который носят теперь, если бы еврейская интеллигенция не так усердно шла навстречу администрации в смысле насаждения русского языка».²

Вероятно, можно было бы написать тома социально-психологических исследований, в которых выяснялось бы, почему численно меньший и угнетенный народ, оказавшись на территории, захваченной колонизатором, легче воспринимает язык и культуру колонизатора, чем местного населения. Часто можно услышать, что это — характерная особенность евреев и только евреев. Но посмотрим, что происходит с украинцами и белорусами, которые вследствие советской

числа 267 тысяч евреев-эмигрантов из СССР что составляет около 15%. (Журнал «Швут», N 9, 1982, стр. 7-15, издание Тель-Авивского университета). К сожалению, неизвестны данные о том, какой процент эмигрантов *по республикам СССР* проследовал в Израиль, а какой предпочел уехать в другие страны.

2. Вл. Жаботинский, Фальсификация школы. В сборнике «Фельетоны», С. -Петербург, 1913, стр. 216-217.

политики перемешивания населения или по другим причинам оказались в Прибалтике, Казахстане, Средней Азии или в других нерусских частях империи. Они там исполняют роль никак не украинизаторов, и язык местного населения они тоже не воспринимают. Наоборот, они немедленно и автоматически начинают исполнять роль русификаторов, и местное население вряд ли отличает их от русских.

Нечто подобное видим в Канаде. Украинцы, живущие в Квебеке, как правило, воспринимают язык и культуру не местного франкоязычного населения, а англоязычного большинства (большинства в масштабе всей Канады, но не в Квебеке), и квебекцы смотрят на них, как на представителей англоязычных «колонизаторов». И это в свободной Канаде, чуждой имперского духа, где французский язык не только не подвергается запрету, как в свое время украинский в Российской империи, а является одним из равноправных государственных языков и где франкоязычная культура имеет самые широкие возможности для развития. Что же говорить о положении евреев в Российской империи, где русский язык насаждался властью и владение этим языком давало неоценимые преимущества!

Эти преимущества оценила и значительная часть украинского культурного слоя. В свое время практически вся украинская руководящая прослойка («казацкая шляхта») была русифицирована, а далее — и вплоть до нашего времени — большая часть украинской интеллигенции и мещанства охотно воспринимали русский язык и культуру. Пример Николая Гоголя (который был в сущности не Николаем, а Мыколой) более чем яркое. И когда национально сознательная часть украинской интеллигенции в своей прессе («сбиваясь на антисемитские ноты», по выражению Жаботинского) упрекала еврейскую интеллигенцию в исполнении русификаторской роли на Украине (и в этом была очень большая доля правды), то ей следовало бы также упрекнуть и большое число своих украинских побратимов, исполняющих ту же роль. Но, разумеется, при этом не стоило бы сбиваться на антиукраинские ноты, как и на антисемитские в первом случае.

Очевидно, этот феномен типичен для определенной ситуации и не свойственен исключительно евреям.

Но почему эта беда обошла грузинских евреев, если и не всех, то огромного большинства из них? Возникает впечатлительное, что в этом «повинны» грузины. Несмотря на колониальную зависимость Грузии, «грузинская атмосфера» остается там доминирующей, грузины в большинстве и не собираются переходить на русский язык, грузинская культура властвует, а национальная и личная гордость грузин, их национальное сознание и своеобразие настолько сильны, что невозможно жить среди них и не быть на их стороне. Поэтому грузинские евреи во всем, кроме религии, типичные грузины, и это очень быстро усвоили коренные израильтяне, перестав называть выходцев из Грузии «русскими евреями».³

К сожалению, Грузия в этом отношении — одно из немногих исключений. В большинстве стран евреи легко воспринимают язык и обычаи местного населения лишь до тех пор, пока этому населению принадлежит власть, и быстро перестраиваются на язык и культуру колонизатора, как только он появляется. Мы видели, что в подобном положении могут оказаться не только евреи, — и украинцы за пределами Украины (частично и на Украине) находятся в таком же положении.

Все эти соображения не преследуют цели оправдать евреев (либо украинцев или кого бы то ни было) в их русификаторской роли. Вообще, бессмысленно требовать от целого народа оправданий. (И армяне, нападая на турецкие посольства, не добьются таким путем от турок извинений за армянский геноцид; только культурное и духовное развитие турецкого народа может привести его к осознанию своей вины). Немцы, ставшие в лице Вилли Брандта на колени перед еврейским народом, продемонстрировали определенную

3. Среди причин сплошной «грузинизации» грузинских евреев следует назвать и тот факт, что они жили в Грузии за много столетий до ее вхождения в состав Российской империи, тогда как евреи *ашкенази* в западной и юго-западной частях империи — сравнительно недавние пришельцы, прошедшие через Западную и Центральную Европу. Однако в Израиле можно наблюдать и ашкенази, приехавших из Грузии и живших там всего несколько десятилетий. За это короткое время они испытали влияние грузинской культуры не меньшее, чем украинские и белорусские евреи — со стороны украинской и белорусской культур — в течение жизни многих поколений их предков на Украине и в Белоруссии.

моральную зрелость, но они должны были прийти к этому самостоятельно. С другой стороны, Вилли Брандт, опытный политик, вероятно понимал, что его поступок отнюдь не унижает, а возвеличивает немецкий народ и служит интересам немецкой политики (что, однако, не умаляет гуманистической значимости этого поступка).

Вообще, исторические события и ситуации следует изучать и сравнивать ради полезных в настоящем и будущем выводов, ради понимания смысла истории и своей роли в ней, а не для того, чтобы кого-либо обвинять или оправдывать.

Итак, остается неопровержимым фактом, что ныне большинство евреев в СССР — это «русские евреи». Как правило, они довольно основательно ознакомлены (конечно, с вариациями в зависимости от общего уровня культуры и образования) с русской культурой, значительно хуже — с культурой и языком того народа, среди которого они жили в СССР (если это был не русский народ), и еще хуже знают «родную» еврейскую культуру, историю и язык. Усвоив русскую культуру как свою, они в значительной мере усваивают и русскую ментальность вместе с многочисленными предрассудками, порожденными как российским прошлым, так и русско-советским настоящим.

Еврей, сохранивший, вопреки русификации, сознание своего еврейства, едва ли способен усвоить распространенный в СССР антисемитизм (хотя случаются и такие трагикомические случаи), но представление о величии и превосходстве российской империи и русской культуры, а также чувство превосходства по отношению к неимперским народам евреи, следуя примеру других, усваивать способны (впрочем, скорее подсознательно, чем сознательно; но ведь и русским это все свойственно в значительной мере подсознательно). Отрицательные чувства по отношению к другим народам у евреев особенно легко прививаются тогда, когда трагический опыт прошлого совпадает с господствующим в империи предрассудком или с распространяемым официальной пропагандой тезисом. Что главную роль при этом играет именно господствующая в обществе атмосфера или пропаганда, подтверждается тем фактом, что в Израиле, где нет антиарабской пропаганды, нет и сильных антиарабских настроений — даже наоборот, в довольно широких обще-

ственных кругах распространены преувеличенно проарабские чувства.

Именно совпадением трагического опыта с распространенным в империи предрассудком определяется отношение русских евреев к украинскому народу. Трагические события из истории украинско-еврейских отношений дают идеальное основание для усвоения евреями антиукраинизма, издавна свойственного русским, польским и некоторым другим восточноевропейским шовинистам. (Мы, конечно, не отождествляем русских и польских шовинистов с русским и польским народами). Но если для русских и польских шовинистов антиукраинизм является следствием их традиционных великодержавных амбиций, то для восточноевропейского еврея его антиукраинизм — это лишь бессильная реакция человека, чувствующего себя ущемленным, и это, по сути, достойное сожаления недоразумение, ибо украинцы тоже и теми же силами ущемлены.

Характерно, что механизм действия предрассудка — и антиукраинского, и антиеврейского — всегда весьма подобен. Точно так же, как антиеврейский миф, основанный на абсолютизации какой-либо не определяющей черты (или черт), приобретает фантастические размеры, дополняется клеветой и активно абсорбируется сознанием многих прослоек населения, так и антиукраинский миф абсолютизирует некоторые черты и исторические казусы, отбрасывает все то действительно существенное, что ему (мифу) противоречит, и в таком виде абсорбируется русской, польской, еврейской или иной массой. Таким образом, по многим признакам антиукраинизм очень подобен антисемитизму (вероятно, то же самое можно сказать о любом виде национальных или расовых предрассудков). Можно считать парадоксом, что многие представители украинского и еврейского народов, страдая от враждебных предрассудков, одновременно разделяют вполне аналогичные предрассудки относительно других. Однако это беда не только украинского и еврейского народов. Но в любом случае отрицательные эмоции по отношению к другим народам у евреев никогда не принимают крайних форм — шовинизма, агрессивности, призывов к беспощадной борьбе против другого народа и т. п.

Анализ различий между имперским антисемитизмом и

антисемитизмом угнетенных народов очень важен для понимания ситуации в «треугольниках» — русско-украинско-еврейском, о котором мы говорим, или, скажем, в русско-литовско-еврейском, о котором тоже можно было бы говорить.

Российский антисемитизм в его наиболее бесчеловечной форме, порожденной черносотенными организациями в начале нашего столетия, был составной частью великодержавной, имперской идеологии и одновременно средством для отвода народного недовольства, угрожавшего революцией, в безопасную для имперской власти сторону. Правда, эта «сторона» оказалась чреватой многими опасностями, которых царский режим в своей слепоте не предвидел. Во-первых, инспирирование властью еврейских погромов лишало государство правовой основы и будило в широких массах агрессивные инстинкты, которые потом были с успехом использованы большевиками для полного разрушения государственных и общественных основ. Во-вторых, лишение евреев государственной и правовой защиты в Российской империи подтолкнуло часть из них — притом активную и решительную часть — к участию в революционных движениях. В отношении царского режима справедливой оказалась поговорка: «Когда Бог хочет наказать, он лишает разума».

Как часть имперской идеологии и как «охранительное» средство российский черносотенный антисемитизм был крайне агрессивен, претендовал на «теоретическую обоснованность» и даже пытался создать целую «антиеврейскую науку», хотя, конечно, не мог продвинуться дальше примитивных фальсификаций. (Кстати, «наука» русских черносотенцев позже стала образцом и источником для нацистской антиеврейской «науки» — факт, часто оставляемый почему-то в тени западной литературой).

Совершенно ясно, что российский черносотенный антисемитизм, состоявший на службе имперской идеологии, никоим образом не мог быть полезен украинскому народу ни в его национальном развитии, ни в его национально-освободительных устремлениях. Наоборот, используемый как способ поддержания имперского режима и как идеологическое знамя «единого русского народа» (под которым

русские шовинисты понимали «единый» русско-«малороссийско»-белорусский народ), черносотенный антисемитизм был смертельно враждебен национальным стремлениям украинского народа, как и всех других нерусских народов империи. Черносотенцы, вполне естественно, были наибольшими врагами того, что они называли «хохломанией», «мазепинством», «украинским партикуляризмом» и т. п. И так же естественно украинская национально-демократическая пресса того времени выступала против черносотенства.

Можно с полным основанием утверждать, что российское черносотенство не может быть полезно и для русского народа, если не отождествлять народных интересов с интересами тиранической имперской власти. Но это уже несколько иная тема.

Но почему антисемитизм встретил поддержку среди достаточно широких слоев как русского, так и украинского народа, притом тех слоев, которым, исходя из собственных интересов, следовало бы враждебно относиться к целям и методам черносотенцев?

Для рядового русского, фактически не получающего никакой пользы от кровавого величия российской империи, антисемитизм подсознательно привлекателен тем, что создает необходимое всем несчастным и обездоленным представление о существовании кого-то, кто находится еще ниже его, а к тому же и виновен во всех несчастьях голодного и угнетенного имперского народа. На такой почве «охранительная» для власти функция антисемитизма смогла вылиться в массовую юдофобию.

Но чем был антисемитизм для рядового украинца? Тут подоснова совсем иная. Украинец, как правило, чувствует себя ущемленным в своих национально-культурных и национально-политических потребностях. На этом фоне фигура еврея, служившего польским панам и московским угнетателям, а потом еще исполнявшего роль русификатора, не желавшего признавать украинскую культуру и национальное достоинство украинского народа, казалась олицетворением национального врага. Таким образом, украинский антисемитизм был (и остается в значительной степени поныне) следствием оскорбленного национального чувства в условиях колониальной зависимости Украины.

Украинский антисемитизм можно таким образом рационально объяснить. Но можно ли оправдать? И будет ли это в интересах украинского народа, если мы станем оправдывать массовые антиеврейские эксцессы, сопровождавшие историческую борьбу украинского народа за свободу и национальную независимость? Очевидно, невозможно оправдать ни украинский антисемитизм, ни еврейский антиукраинизм, ни любую другую форму расовых или национальных предрасудков. Невозможно оправдать по причинам этического характера и не следует оправдывать даже с позиций циничной политики, ибо украинско-еврейская вражда всегда была и остается чрезвычайно вредной для практических интересов *обоих* народов.

В рамках статьи нет возможности привести подробный анализ роли евреев на Украине в течение столетий.⁴ Исходя из имеющихся данных, такой анализ приводит к выводу, что представление о еврее как о национальном враге украинского народа было и остается совершенно ложным во всех основных своих пунктах. Во-первых, евреи, даже если бы они все до последнего были прислужниками польского или российского империализма, никогда не были политической силой и никоим образом не определяли развития событий на Украине ни во времена польского господства, ни во времена царизма. Уничтожение даже всех евреев на Украине ничего не изменило бы в политическом и национальном статусе украинского народа, а с экономической точки зрения было бы крайне вредным, не говоря уже об этической стороне вопроса.

С другой стороны, в преобладающей мере ложно и представление о евреях как о прислужниках иностранных

4. Исчерпывающий анализ этого вопроса еще, кажется, никем не произведен. Можно сослаться на работы, где частично проанализирована экономическая роль евреев на территории, о которой мы говорим:

Д. Пасманик, Экономическое положение русского еврейства, «Еврейская жизнь», N 1, ноябрь 1904 г., N 12, декабрь 1904 г.

Сборник материалов об экономическом положении евреев в России, т. т. 1 и 2, С.-Петербург, 1904.

Maurycy Horn, Żydzi na Rusi Czerwonej w XVI i pierwszej połowie XVII w. Warszawa, 1975.

С. Дубнов, Новейшая история еврейского народа, т. т. 1-3 (части, касающиеся экономической роли евреев), Берлин, 1923.

угнетателей. Лишь небольшая часть евреев того времени работала в польских панских имениях и далеко не все из них находились в роли эксплуататоров или их прислужников. В русских же помещичьих имениях евреи, как правило, вообще не работали. Большинство евреев на Украине (как и в других частях Восточной Европы) были ремесленниками, торговцами или беднотой без постоянных доходов. Роль евреев в прислужничестве панам была вспомогательной и второстепенной. Кроме того, польские имения сыграли определенную положительную роль в развитии сельского хозяйства и всего хозяйства на Украине, и лишь тот факт, что они принадлежали ненавистным украинскому крестьянину польским магнатам, сделал столь одиозным все, что с ними было связано, включая и участие евреев в их хозяйственной деятельности. Еврейские же ремесленники и торговцы внесли очень значительный вклад в развитие экономики Украины, хотя и подвергались всевозможным экономическим ограничениям и притеснениям. Положительная экономическая роль евреев более или менее изучена и признана почти во всех странах, где жили евреи, и лишь их положительная экономическая роль на Украине упорно не признается украинской свободной прессой и литературой.

Наибольшее недовольство украинского населения (судя, по крайней мере, по фольклору) вызывали еврейские ростовщики и кабатчики. В большинстве стран мира ростовщичество (то есть фактически банковское дело) считается нормальной и необходимой формой экономической деятельности, и никто ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне, ни в других городах не громит банков и не требует их закрытия. Таким образом, возмущение народных масс на Украине еврейским ростовщичеством было выражением субъективных чувств, которые не нашли выхода в положительном направлении и вылились на голову тех, кто был ближе и беззащитнее. То же самое, в основном, касается и кабатчиков. Хотя пьянство, без сомнения, вредно, все мы не только миримся с существованием во всех странах сети винных магазинов, но и охотно пользуемся их услугами. Элементарный закон рынка говорит, что всюду, где существует спрос, появляется и предложение. Бедная, безземельная и ограниченная в своих экономических и политических правах

еврейская масса была вынуждена искать поле для своей деятельности (с целью прокормиться и выжить, а не со злонамеренной целью кого бы то ни было эксплуатировать), и если существовал большой спрос на крепкие напитки, то неизбежно существовала и сеть соответствующих торговых заведений, и так же неизбежно евреи (и не только они) находили в ней для себя место. Бессмысленно мстить кабатчику за то, что в течение многих лет сотни людей (включая самих мстителей, конечно) искали в его кабаке спасения и забвения от жизненных невзгод.

В случае с ростовщиками и кабатчиками, как и во многих других, мы видим результат крайней незрелости социального и экономического мышления и политического сознания широких крестьянских масс, неспособных ни понять, кто их настоящий враг, ни объединиться для целенаправленного и организованного протеста, ни придать своему протесту форму, не разрушительную для собственной общественной и экономической жизни.

Характерная для крестьянской массы незрелость социального и экономического мышления как бы «законсервировалась», к сожалению, в украинской национально-политической мысли XIX-XX столетий. Возможно, автору статьи не приличествует вторгаться в «святая святых» украинского национально-патриотического движения, тем более, что автор этому движению горячо сочувствует. Поэтому ограничимся ссылкой на украинско-американского специалиста. Профессор Роман Шпорлюк, выступая в октябре 1983 г. на конференции «Украинско-еврейские отношения в исторической перспективе» в университете Мак-Мастер (Гамильтон, Канада), заявил, что украинская национальная общественно-политическая мысль никогда не поднималась до уровня индустриальной эпохи и всегда оставалась порождением крестьянского образа мышления. Как кажется, в этом утверждении содержится значительная доля правды. Может быть, в этом кроется одна из причин того, что украинский и еврейский народы никак не могут выйти на дорогу примирения и взаимопонимания, хотя в этом повинна, конечно, не только украинская сторона.

С любой точки зрения приходится признать, что украинский антисемитизм, хотя он был побочным результа-

том положительных в своей основе национально-освободительных стремлений украинского народа, направлял национальную энергию и порыв национально-освободительной борьбы в ложную сторону, что не только принесло неисчислимые бедствия еврейскому народу, но значительно подорвало и дискредитировало само украинское национальное движение.

Вследствие украинско-еврейской вражды оба народа попали в «заколдованный круг», который крайне трудно разорвать: каждый антиеврейский инцидент отдалял евреев от местного окружения, заставлял чуждаться коренного населения, замыкаться в себе, а это в свою очередь провоцировало новые взрывы враждебности против евреев.

Когда во второй половине XIX века в Российской империи начался выход евреев из гетто — процесс, охватывавший все большую часть еврейского населения, — эти «эмансипированные» евреи начали усваивать в первую очередь русский язык и культуру. Существовала ли для них в империи и, в частности, на Украине другая реальная возможность? Очевидно, нет. Украинская культура и язык в то время находились в угнетенном и полузапрещенном положении, обучение в школах, университетах и специальных учебных заведениях проводилось исключительно на русском языке, для контактов с администрацией, для производственных, торговых и юридических дел нужен был русский, а не украинский язык. Еврей, который присоединился бы к украинскому, а не русскому культурному кругу, перешел бы из одного гетто (еврейского) в другое (украинское) и подвергнулся бы двойной дискриминации — и как сознательный украинец, и как еврей. Едва ли можно требовать от людей, которые стремятся облегчить бремя национальной дискриминации, чтобы они вместо этого удваивали его. Такими были объективные причины, присоединившие евреев Украины к русской культурной среде, превратившие их в то, что сегодня и в СССР, и в Израиле носит название «русского еврея».

Итак, евреи, приспособившись к обстоятельствам и исходя из своих жизненных нужд, безотчетно взяли на себя роль русификаторов (точно так же, как это случается с украинцами в некоторых нерусских районах СССР), и это

привело к еще большему обострению украинско-еврейских отношений.

Несмотря на напряженность в отношениях между двумя народами, существовал фактор, который позволял надеяться, что отношения между ними выйдут, наконец, на путь взаимопонимания и сотрудничества. Этим фактором было либерально-демократическое крыло украинской интеллигенции, которое рассматривало еврейское меньшинство на Украине как своих братьев в беде и союзников (потенциальных, по крайней мере) в национально-освободительной борьбе. Достойна серьезного исследования позиция украинских демократических кругов в начале нашего столетия в еврейском вопросе. Мы ограничимся здесь лишь одной цитатой, заимствованной из журнала «Украинская жизнь», выходившего с 1912 до 1917 г. в Москве при руководящем участии Симона Петлюры. В связи с процессом Бейлиса, который готовился тогда в Киеве, журнал писал:

«Первым христианам пришлось перенести немало гонений вследствие обвинения их в употреблении человеческой крови. В настоящее время двуногие звери, облыжно присваивающие себе имя христиан, предъявляют такие же обвинения евреям и воздвигают на них не менее жестокие гонения, чем те, которые выпали на долю самоотверженных последователей галилейского Учителя. Здесь, впрочем, имеется и существенное отличие: гонения на евреев со всем ужасом и дикостью погромов и ритуальных процессов происходят не на заре христианской эры, а почти через две тысячи лет после создания религии любви. Позорное первенство в этом отношении принадлежит России, в которой в непродолжительном времени снова предстоит процесс, возникший из жестокого, антихристианского навета на евреев, совершивших будто бы в Киеве ритуальное убийство христианского мальчика Ющинского».⁵

Подобных выступлений украинских национально-демократических кругов можно было бы привести множество. Это вызвало определенное взаимопонимание и взаимную симпатию между украинской и еврейской либеральной интеллиген-

5. «Украинская жизнь», №5, Москва, 1912, стр. 125-126.

Процесс Бейлиса — судебный процесс киевского еврея Менахема Менделя Бейлиса, которого под давлением черносотенцев обвинили в ритуальном убийстве. Используя это обвинение, черносотенцы собирались вызвать волну массовых преследований евреев. Суд присяжных, состоявший из украинских крестьян, оправдал Бейлиса.

цией. Эта симпатия привела к тому, что в начале украинской национально-освободительной борьбы 1917-1920 годов основная часть национально сознательной интеллигенции и еврейских политических партий на Украине выступила в поддержку украинской власти. Общее настроение еврейских кругов выразил, в частности, Иосиф Шехтман — видный сионистский деятель, а позже близкий сотрудник В. Жаботинского. В брошюре «Евреи и украинцы» Шехтман писал в 1917 г.:

«Кто, как не мы, дети угнетенного народа, можем понять чувства и переживания соседа, вместе с нами переносившего издевательства и оскорбления старого режима! Нас объединяли общие грезы и общие цели. Пришел момент, когда наши грезы близки к осуществлению. Наш общий путь еще долог, но мы верим, что свободный украинский народ поддержит нас на этом пути».⁶

Как видим, надежды были велики, оптимизм — почти безграничен, но грубая реальность не считалась с грезами либеральных интеллигентов. Воспитанная историей столетий, насаждаемая и подстрекаемая черносотенцами, национальная ненависть в сочетании с анархией, с крахом всех общественно-правовых институций и моральных норм, с тлетворным влиянием антиобщественной большевистской пропаганды — со всем, что принесла революция и гражданская война, — привела к волне еврейских погромов. Следует подчеркнуть, что погромы не были «монополией» какого-либо одного политического или национального движения, — наоборот, они были характерной особенностью эпохи и в них принимали активное участие все силы, участвовавшие в гражданской войне, — и Белая армия, и анархисты, и большевики, и части украинской армии, и банды всех цветов и оттенков, включая те, которые называли себя сторонниками Петлюры.

Украинская демократическая интеллигенция, сравнительно малочисленная, малоопытная в политической борьбе, с недостаточно развитой и устоявшейся идеологической базой, в грозном шквале событий не смогла обуздать народную стихию и решительно возглавить народную борьбу. Хотя «легко быть умным задним числом», по

6. И. Шехтман, Евреи и украинцы. Одесса, 1917, стр. 31.

еврейской поговорке, но исследуя события революционных лет на Украине, трудно не прийти к выводу, что интеллигентская верхушка украинского национального движения оказалась не на высоте положения и не выдержала испытаний революции. В еврейском вопросе украинская демократическая пресса после первых же неудач украинского движения стала вдруг выступать с необоснованными обвинениями против евреев, и нападки на евреев подчас исходили от тех же лиц, которые перед революцией зарекомендовали себя большими юдофилами. Весь период борьбы Украинской Народной Республики за существование происходил под знаком какого-то раздвоения в еврейском вопросе: приказы и воззвания против погромов чередовались с антиеврейскими выпадами в украинской прессе, наказание погромщиков чередовались со снисходительностью к ним. Соломон Гольдельман, еврейский общественный деятель и член правительства УНР, объясняет это отчаянным положением украинского правительства и его зависимость от последней его опоры и надежды — армии.⁷ В армии же, очевидно, были очень сильны антиеврейские настроения.

Тем не менее, Украинская Народная Республика, особенно в ее первый период — период Центральной Рады — проводила в еврейском вопросе мероприятия, которые можно назвать образцовыми: принятие закона о национально-персональной автономии, создание министерства по еврейским делам, сотрудничество с еврейскими политическими партиями, приглашение еврейских деятелей в состав Центральной Рады и правительства. К сожалению, хорошие намерения верхушки украинского движения не смогли воплотиться в что-либо более конкретное, чем бумажные декларации и создание органов, не имевших подлинной власти. Но ведь подлинной власти в течение большей части революционного периода не имело и само украинское правительство. Единственным реально видимым признаком существования украинской власти, особенно в 1919-20 г.г. оставалась армия.

Если бы УНР не погибла и если бы не волна погромов на Украине, украинские евреи, очевидно, быстро присоеди-

7. Подробнее об этом см. «Петлюра и евреи», «Форум» N 1 и «Жаботинский и Украина», «Форум» N 4.

лись бы к украинской культурной среде и стали лояльными гражданами или даже патриотами Украины, как это произошло в Польше и в прибалтийских республиках, отделившихся от Российской империи. Однако, массовые погромы вызвали настолько сильный шок (который был еще болезненнее после периода безграничного оптимизма и искренней веры в возможность межнационального братства), что его последствия до сих пор висят черной тучей над украинско-еврейскими отношениями. Погромы толкнули украинских евреев в объятия большевиков, которые тогда делали вид, что являются принципиальными защитниками еврейского народа. (В частности, большевики беспощадно и, главное, демонстративно карали погромщиков в своей армии, и это произвело колоссальное впечатление на еврейскую массу). Еще перед волной погромов некоторая, сравнительно небольшая, часть еврейских интеллигентов или, скорее, полуинтеллигентов присоединилась к большевикам, но огромное большинство еврейского населения, как показали выборы в Украинское и Всероссийское Учредительные Собрания, оставалось на стороне еврейских политических партий, в первую очередь — сионистов. Погромы привели к массовому переходу еврейского населения на сторону советской власти. Это никоим образом не означало, что большинство евреев восприняло большевистскую идеологию, но оно надеялось таким путем избежать погромов.

Тот факт, что среди ведущих большевистских деятелей евреи составляли значительную часть (но далеко не большинство, вопреки широко распространенному мифу), привел к «оптической иллюзии», что большевистская партия во время гражданской войны и в первые годы существования советской власти была партией евреев. Такое убеждение целиком принадлежит царству мифов и предубеждений. Большевистская партия не была еврейской хотя бы потому, что последовательно проводила антиеврейскую политику. Даже защищая евреев от погромов, она одновременно боролась против еврейского национального движения, еврейской общественной жизни и национальных традиций, не говоря уже о религии. Кроме того, подавляющая часть еврейской интеллигенции принадлежала к еврейским — сионистским или несионистским, но антибольшевистским — движениям и

партиям. Процент евреев в большевистской партии (если говорить об общем проценте, а не проценте в руководящих органах партии) лишь незначительно превосходил процент евреев в населении империи. Те же евреи, которые входили в руководящие органы партии, были абсолютно русифицированы и наиболее активно проводили антиеврейскую политику. Среди антибольшевистских сил процент евреев был не меньшим, а даже большим, чем в партии большевиков.

Многочисленные публицисты, с наслаждением смакующие перечень еврейских фамилий в большевистском руководстве (при этом в число евреев часто заносят и Ленина, и Раковского, и Пятакова, и многих других неевреев), умалчивают (умышленно или бездумно катясь в русле распространенного предубеждения?) о том, что Фанни Каплан, покушавшаяся на жизнь Ленина и тяжело ранившая его, была еврейкой, что хотя Урицкий был евреем, но и его убийца Канигиссер тоже был евреем, что массу еврейских фамилий встречаем в списке руководителей всех революционных партий (антибольшевистских) — даже в списке членов правительства Украинской Народной Республики и в числе сторонников Белого движения, «прославившегося» наиболее зверскими погромами. (Можно вспомнить, например, И. Бикермана, до конца жизни оставшегося фанатичным приверженцем Белого движения и писавшего в эмиграции статьи в защиту белых и даже в оправдание совершенных ими погромов).

Вообще, политическая активность евреев в предреволюционные годы была необыкновенно высокой, и это было вызвано антиеврейской политикой царского правительства, как мы отмечали выше. Что же касается пробольшевистских настроений большей части еврейской массы в 1919-20 г. г., то стоит еще раз подчеркнуть, что эти настроения распространились *после* начала массовых погромов и были их *результатом* (а не наоборот, как считают многие). Едва ли можно серьезно говорить о широком распространении большевистских *убеждений* среди мелкобуржуазной по своему мировоззрению и религиозной еврейской массы. Есть основания говорить лишь о широком распространении надежд на прекращение большевиками погромов. Именно на это большевики рассчитывали, демонстративно наказывая

погромщиков, и этот их план блестяще удался.

Но «оптическая иллюзия» сработала, и антиеврейские настроения украинских масс во время гражданской войны достигли небывалой силы. Движение в «заколдованном круге» убистрялось.

Большевики чрезвычайно умело использовали украинско-еврейскую вражду. Большевистская пропаганда против украинского национального движения, усиленная пропагандой русских монархических эмигрантов и страшными рассказами еврейских беженцев о погромах на Украине, очень испортила репутацию украинского движения в глазах западной общественности. Процесс Шварцбарда, убийцы Петлюры, также был удачно использован для усиления украинско-еврейской вражды. (К сожалению, никто еще не провел серьезного исследования с целью установить, по чьей указке действовал Шварцбард. Хотя многочисленные данные указывают на его связь с советской охранкой, это нельзя считать доказанным, пока дело не исследовано на основании фактов и документов). События Второй мировой войны, с таким же умением использованные советской пропагандой, дополнительно ухудшили отношение демократического мира к украинскому движению. В конце концов сложилась ситуация, когда для европейской и американской общественности погромы на Украине — это всегда дело рук украинских националистов, даже тогда, когда погромы устраивали деникинцы, большевики, махновцы или еще кто-либо, и даже тогда, когда национально сознательные украинские силы боролись против погромов. Создался и распространился в большей части мира антиукраинский миф, в результате которого украинские национально-освободительные силы попали в очень сложное и тяжелое положение. Российско-советский великодержавный шовинизм, проводящий ныне во всемирном масштабе антисемитскую кампанию под видом «антисионизма», эффективно использовал и использует украинско-еврейский конфликт в своих интересах: в борьбе как против украинского, так и против еврейского национальных движений.

Антиукраинский миф, конечно, был занесен и в Израиль, где нашел для себя превосходную почву в умах выходцев из

Европы, тяжело травмированных катастрофой европейского еврейства во время Второй мировой войны. В Израиле вы немедленно услышите наихудшее мнение об украинцах, как только зайдет о них речь, причем часто от людей, никогда не видевших ни одного украинца. Одновременно процветает любовь ко всему русскому, прикрываемая лозунгом любви к русской культуре. Разумеется, вряд ли можно возражать против любви к любой национальной культуре, а особенно к такой богатой, как русская, но если одну из иностранных культур искусственно выделяют и ставят выше других, то это напоминает «шовинизм наизуворот». Некоторые русскоязычные журналы, издаваемые в Израиле, почти не отличаются по содержанию и духу от журналов, издаваемых за границей русскими эмигрантами, но если бы какой-либо еврей высказал желание издавать журнал на украинском языке, его посчитали бы сумасшедшим.

Вообще, русофильство и советофильство имеет в Израиле глубокие корни. Воспитанное историей еврейства Российской империи (будучи оппозиционным по отношению к царской монархии, еврейство Российской империи одновременно было исполнено симпатий к русской интеллигенции и любви к русской культуре) русофильство в левосоциалистическом крыле сионизма позже перешло в откровенное советофильство. Этому очень способствовал тот факт, что большинство сионистских руководителей и «халуцим» (пионеров-иммигрантов в Палестине) было выходцами с территории бывшей Российской империи. Поскольку сионисты-социалисты с 20-х годов фактически руководили еврейской общиной в Палестине, а с образованием государства Израиль возглавили правительство, остававшееся у власти почти 30 лет, то советофильство, пусть и не официально, но непрерываемо, считалось частью правительственной идеологии. Преследование еврейской культуры в СССР, а затем разоблачение сталинских преступлений нанесли тяжелые удары израильскому советофильству, но не искоренили его. Несоциалистическое правительство, пришедшее к власти в 1977 г., как это ни парадоксально, унаследовало традиции социалистического советофильства. Активисты еврейского движения в СССР постоянно возмущаются тем, что израильские власти упорно отговаривают их заниматься тем, что

советский режим мог бы расценить как «антисоветскую деятельность», как будто само участие в еврейском движении не является, с точки зрения советского режима, тяжелой формой «антисоветской деятельности». В Израиле часто можно слышать мнение (обычно в кругах бывших активистов еврейского движения в СССР), что отношение израильских официальных кругов к СССР является результатом «галутного комплекса» (то есть, комплекса, порожденного многовековой жизнью еврейского народа в изгнании) и совершенно иррационально.

Любые контакты с украинским национальным движением израильский «истеблишмент» рассматривает как (не приведи Господь!) «антисоветскую деятельность» и крайне неодобрительно смотрит на тех евреев, которые имеют такие контакты, будь то в СССР, в Израиле или в странах Запада.

И тем не менее в наше время, как и раньше, следует проводить грань между антиукраинизмом российского шовиниста и антиукраинизмом современного еврея. Для российского великодержавного шовиниста украинское национальное движение, украинский язык, украинская культура — это оскорбление его представлений о «единой и неделимой», это сильнейший раздражитель всех его предрассудков и комплексов. Таким образом, до тех пор, пока существуют российские шовинисты, будет существовать и объективная причина для антиукраинизма в русском обществе.

Для современного же еврея антиукраинизм — это всего лишь следствие неправильной или недостаточной информации в сочетании с остатками прошлого шока и действием враждебной пропаганды. В наше время не существует объективных причин для существования еврейского антиукраинизма, а тем более — в форме предрассудка, то есть бездумного, подсознательного отталкивания. Наоборот, существуют серьезные причины для глубокого осмысления его враждебности интересам обоих народов и вывода о подобии как сегодняшних, так и долговременных национальных интересов. (Говоря в общем, существует общность национальных интересов всех народов, угнетенных российским — ныне советским — империализмом, или находящихся под его угрозой, от афганцев до ... американцев). Разумеется, общность интересов еврейского и украинского народов

должны понять не только евреи, но и украинцы. Преобладающая часть украинских политических кругов в эмиграции высказывает активное желание наладить нормальные отношения с еврейским народом, но это, как кажется, не касается определенной части рядовых украинцев в эмиграции. Что касается украинских диссидентов в СССР, то они многократно выражали самое положительное отношение к еврейскому народу и глубокое понимание проблемы украинско-еврейских отношений.⁸

Современное развитие политического сознания и среди украинцев, и среди евреев все-таки дает некоторые основания для надежды, что следующее поколение обоих народов избавится от отрицательных чувств по отношению друг к другу, если ...если не произойдет очередной акт трагедии. Едва ли можно сомневаться, что Советы заинтересованы в таком очередном акте в любом случае, а в случае возникновения критической для них ситуации на Украине они без промедления постараются еще раз предельно заострить украинско-еврейскую вражду.

Но пока что существуют основания для очень осторожного оптимизма, и необходимо заботливо лелеять ростки взаимопонимания и сотрудничества.

Вероятно, было бы совершенно в духе всего сказанного автором, если бы статья была подытожена призывом к преодолению предрассудков и к совместной борьбе за национальные интересы. Но сознавая, в каком неисследованном состоянии находится история украинско-еврейских и вообще национальных отношений на Украине, хочется призвать к изучению и исследованию, ибо знание и понимание — путь к правильной политике.

8. См. в частности: I. Kleiner, *The Present-Day Ukrainian National Movement in the USSR and the Jewish Question*. «Soviet Jewish Affairs», vol. 11, No. 3, London, 1981.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Максудов

ИОСИФ

Как известно, в довольно далекие времена находчивый еврейский пастух Иосиф предложил фараону египетскому поставить под контроль производство и распределение сельскохозяйственных продуктов. Для этого в течение семи лет строились элеваторы, накапливались запасы зерна, а когда наступили трудные неурожайные годы (опять же семь), фараон скупил за кусок хлеба у голодных крестьян их участки и стал таким образом единственным землевладельцем в стране, монопольно распоряжаясь плодами полей и Нила в течение тысячелетий.

Понимая, что всякое сравнение страдает, а любая аналогия условна, я все же рискну сопоставить эту библейскую легенду с событиями, происшедшими пятьдесят с лишним лет назад в нашей стране.

Вряд ли кто-нибудь из советских руководителей может претендовать на роль Иосифа. Большое участие в проведении коллективизации принял Л. М. Каганович.

В. М. Молотов возглавлял сельскохозяйственный отдел и руководил одной из важнейших комиссий Политбюро — «О кулаке». Головокружительную карьеру сделал Я. А. Яковлев (Эпштейн), ставший в ноябре 1929 года первым наркомом земледелия СССР и возглавивший тогда же комиссию Политбюро по коллективизации.

В начале своего восхождения Яковлев был активным борцом против левого уклона (Троцкого, Зиновьева и Каменева), требовавшего повышения сельхозналога в 1926/27 г. на 300 млн. рублей. Яковлев с помощью гнездовых сельскохозяйственных переписей доказал, что кулаков в

деревне нет: лишь 2.6% крестьян имеют доход 100-150 рублей в год на едока, а свыше 150 рублей — всего 0.6% хозяйств². Не было, по его мнению, и избытков хлеба в деревне, небольшие запасы являлись лишь необходимым резервом на случай неурожая. Он справедливо, опять же с цифрами в руках, доказал, что до революции налоги на село были меньше (564 млн. рубл. вместе с арендной платой) и выплачивали их главным образом зажиточные крестьяне, купившие или арендовавшие землю. В 1926 году выплаты села в тех же довоенных рублях составили 1312 миллионов и приходились, по утверждению Яковлева, в основном на середняков. В речи Я. Яковлева есть прямо-таки пророческое восклицание: «Понимает ли партия, что зерновая проблема не является сегодня главной в сельском хозяйстве»? (Он имел в виду более высокую товарность животноводства и технических культур, развитие которых могло дать большой доход как внутри страны, так и во внешней торговле). И сам же оратор ответил отрицательно: партия этого, кажется, не понимает.

Прошел всего лишь год и большевики, так и не успев ничего понять, начали поход в деревню за зерном, а Яковлев, вопреки своим разумным соображениям, возглавил борьбу за то, чтобы отнять у крестьянина уже не триста миллионов, а по крайней мере 5-10 миллиардов рублей. Начиная с 1930 года Яковлев постоянно появляется на государственной сцене с сообщениями и проектами. Он делал доклад о колхозном строительстве на XVI съезде, он — автор устава сельскохозяйственной артели и множества других партийных решений.

И все же ни Я. Яковлев, на другие партийные вожди не могут претендовать в полной мере на роль Иосифа Прекрасного. Фигура Иосифа Виссарионовича (прекрасным его не называли даже в самый разгар культа) была во всех отношениях определяющей.

В одном лице совместились все возможные виды власти и формы управления, совпали Иосиф и фараон. Именно

1. Я. А. Яковлев. «Сельское хозяйство и индустриализация» (Речь в Комакадемии), М. -Л., 1927, сс. 4-46.

2. Для сравнения укажем, что зарплата служащего составляла в 1926/27г. 960 руб. в год («Итоги десятилетия советской власти», М. 1927, с. 347).

Сталину принадлежат основные идеи преобразований и методы их осуществления. Ему, судя по всему, снились вещи (марксистские) сны и он же выступил их толкователем.

Как ни отличны друг от друга рассматриваемые страны, нельзя не отметить общие черты систем, возникших в результате аграрных преобразований. Бюрократизация и регламентация, концентрация в одних руках управления производством и распределением, высокая «товарность», аресты и высылка на стройки (рудники) за плохую работу или неуплату налогов, иерархическое построение всей системы с абсолютной божественной властью наверху. Даже в пристрастии Сталина к монументальным сооружениям, будь то каналы или высотные дома, прослеживается параллель со вкусами фараонов.

К сожалению, кое-что общее можно отметить и в *методах* решения аграрной проблемы. Предвидимый голод как главное звено построения новой системы, семь благополучных лет, за которыми последовали семь «тощих», неожиданность начала преобразования для населения³. Конечно, читатель возразит нам, что в СССР не было семи неурожайных лет и нехватка продовольствия в 1930-36 гг, как и в последующие годы, — не воля богов, а дело рук человеческих. Что верно, то верно. Но можно предположить, что и в Египте события развивались не совсем естественным образом. Семь неурожайных лет в районе орошаемого земледелия явление маловероятное. Да и вещи сны фараона, истолкованные Иосифом, выглядят подозрительно.

Существенное различие заключается на мой взгляд в том, что реформы Иосифа Прекрасного были тщательно подготовлены. Он знал чего хочет, он запас необходимые средства, приступил к преобразованиям и пришел к намеченной цели, практически избежав голода, благословляемый жителями страны. По сравнению с этим комплексом мероприятий непоследовательные действия советских вождей выглядят

3. Поразительно, что во сне фараона тощие коровы пожрали тучных, но не стали полными. Применительно к древнеегипетским событиям это мало о чем говорит, так как после реформы вновь наступило изобилие. Однако для современного сельского хозяйства этот сон кажется пророческим.

крайне нелепо. Сначала земля предоставлена в вечное пользование тем, кто на ней работает. Затем она изымается у бывших помещиков и кулаков (даже если они не применяют наемный труд, а работают сами). Наконец, полностью прекращается индивидуальное землепользование и все та же земля передается на вечное пользование колхозам.

Так же в течение каких-нибудь десяти лет продразверстка сменяется продналогом, продналог — денежным налогом, тот — опять продналогом (поставки по фиксированным ценам), снова продразверстка с обысками и арестами и, наконец, обложение каждого крестьянского двора всеми мыслимыми видами натуральных поставок: с коровы, с курицы, с сотки огорода, с совершенного пустого двора.

Арендовать землю и нанимать рабочую силу: нельзя, можно, запрещено и все, кто успел воспользоваться государственным разрешением, подлежат страшным наказаниям без суда (аресту, конфискации имущества, высылке)⁴.

Распашка целинных земель Казахстана: нельзя, выселить колонистов обратно, можно, необходимо.

Трактора: нужны, необходимы для создания социалистических хозяйств, колхозы могут обойтись без тракторов.

Коллективизация: план — обобществление 15% хозяйств за пять лет, осуществление плана — 60% за два месяца.

Хаотичность действий была такова, что самые послушные, самые старательные руководители не могли понять, чего от них в конце концов требуют: загонять крестьян в колхозы или не загонять, обобществлять скот и птицу или не надо, выдавать зерно авансом при обмолоте или отнимать его. Одно они усвоили хорошо: за невыполнение очередного приказа наказание будет жестоким. Впрочем, в этом отношении все фараоны одинаковы.

Сопоставляя поведение Иосифа и советских вождей можно подумать, что плановая система, ЦСУ, сельскохозяйственная академия и прочие полезные учреждения существовали уже в древнем Египте. Вряд ли можно объяснить

4. Расширение возможности аренды было осуществлено решением ЦИКи СНК буквально перед самым началом коллективизации — 16 октября 1929 года (С.З. 1929, N 69, с. 1320), а 1 февраля 1930 г. аренда была полностью запрещена и арендаторы подверглись экспроприации.

расхождение методов различием национальных традиций: простодушным русским «авось» и семитской расчетливостью египтян. Лишь отчасти кажется мне справедливой ссылка на то, что у фараонов был позади многовековой опыт управления, а советская власть возникла без году неделя.

Главная причина, если говорить серьезно, заключается видимо в том, что фараону во время проведения реформы не приходилось бороться за власть. Непоследовательность действий советских руководителей вытекала из необходимости маневрировать для устранения политических противников, которым поочередно становились многие бывшие друзья. Лавирование, уступки, неожиданные удары — все это обычные приемы сталинской политической группировки. По сравнению с главной целью — удержанием безраздельной власти, тактические шаги были не столь существенны и предпринимались в зависимости от обстоятельств. Сравнивая готовое здание с проектными чертежами, мы почти не найдем соответствия в конструктивных решениях. Но функциональная цель была достигнута можно сказать на сто процентов. Колхозная система выполнила то, ради чего она была установлена — был достигнут полный контроль над жителями деревни, над производством и распределением. Огромная современная пирамида была завершена.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Михаил Герман

КТО И КАК ГОТОВИЛ УБИЙСТВО РИМСКОГО ПАПЫ

Спустя три года после выстрелов на площади Св. Петра в Риме, когда турок-террорист Мехмет Али Агча едва не убил Папу Иоанна-Павла II, заместитель Генерального прокурора Итальянской республики Антонио Альбано потребовал привлечь к судебной ответственности девять участников заговора против Папы-поляка.

Отчет, представленный суду прокурором Альбано 8 мая этого года, основан на материалах предварительного следствия (объем дела — 25 000 страниц), руководил которым судья Иларио Мартелла.

Кто же эти девять человек, что, по мнению итальянского прокурора, должны предстать перед судом по обвинению в организации и совершении террористического акта в Риме 13 мая 1981 года?

Мехмет Али Агча, арестованный на площади Св. Петра сразу же после того, как он несколько раз выстрелил в Папу, и еще пятеро турок: руководитель ультраправой турецкой националистической организации «Серые волки» Муса Сердар Челеби, активисты этой организации Омер Багчи и Орал Челик (близкий друг Агчи) да два мафиози — босс турецкой мафии Бекир Челенк и торговец оружием и наркотиками Омер Мерсан. Самое же интересное в отчете прокурора Альбано — его требование привлечь к уголовной ответственности за участие в заговоре с целью убийства Папы Иоанна-Павла II трех граждан Болгарской Народной республики — Сергея Антонова, заместителя директора римского представительства авиакомпании «Балкан», и двух сотрудников болгарско-

го посольства в Италии: казначея посольства Тодора Айвазова и помощника военного атташе Желио Васильева. Все трое, по всей вероятности, являются агентами болгарской секретной службы. Есть данные и об участии в заговоре самого болгарского посла.

Вывод прокурора: для организации убийства Папы Иоанна-Павла II была создана специальная конспиративная группа, куда входили турецкие неонацисты — «серые волки», турецкая мафия и, как сказал Антонио Альбано, «органы и институции болгарского государства».

В отчете нет прямых указаний на то, что нити заговора тянутся на Лубянку, но зато в нем есть такое заключение:

«Легко понять, что же действительно произошло. В некоем таинственном месте, где одна тайна окутана другой тайной, некая политическая фигура одной большой державы, принимая во внимание остроту ситуации, угрожающей жизненным интересам Восточного блока, приняла решение о необходимости убить Папу Войтылу».

Всем было очевидно, что «таинственное место» — это Москва, «политическая фигура большой державы» — бывший шеф КГБ Юрий Андропов, а «острая ситуация, угрожающая жизненным интересам Восточного блока» — массовое движение в поддержку «Солидарности» в Польше. В Кремле хорошо понимали, какой моральной поддержкой для народа Польши, борющегося за самоуправляющуюся республику, является присутствие поляка на Папском престоле в Риме. Бурные события лета 1980 года в Польше привели к наиболее острому политическому кризису в так называемом «социалистическом» содружестве за все время его существования. Кризис этот был смертельно опасен для идеологической, политической и военной стратегии огромной империи, центр которой находится в Кремле.

Обвинения против девяти участников заговора построены прежде всего на показаниях Мехмеда Али Агчи — ключевой фигуры в этом заговоре. В связи с этим вопросу о достоверности свидетельств Агчи в отчете прокурора уделено особенно много внимания. И хотя Агча много раз в

ходе следствия менял свои показания, судья Мартелла убежден, что значительная часть свидетельств арестованного террориста правдива. «Все, о чем говорил Агча — каждое обстоятельство, каждая деталь — тщательно проверялось», — пишет в своем отчете прокурор Альбано. И заключает, что в целом рассказ Агчи о подготовке и совершении покушения на Римского Папу соответствует действительности.

Мехмеду Али Агче 26 лет. Родился в восточной Турции, в бедной семье. Мусульманином был лишь формально — в Бога не верил. С юных лет связан с контрабандистами, торговцами оружием и наркотиками. Всеми этими делами заправляли «крестный отец» турецких мафиози Абузер Угурлу и равный ему по рангу босс мафии Бекир Челенк — вожди подпольного мира Турции. Пути контрабанды шли через Болгарию.

Пройдя специальную подготовку в Сирии, Агча почувствовал себя профессионально готовым к совершению различного рода уголовных дел, в том числе и террористических актов. Вместе со своими друзьями Оралом Челиком и Абдуллой Катли вступает в организацию «Серые волки» — боевой отряд ультранационалистической Партии национального действия.

1 февраля 1979 года по приказу Абузера Угурлу Агча участвует в убийстве редактора либеральной стамбульской газеты «Миллиет» Абди Ипекчи. Вскоре Агча был арестован. В ходе следствия он заявил, что подготовил и совершил убийство Ипекчи сам, без сообщников. Агча рассчитывал на своих покровителей, и они пришли ему на помощь. В конце октября 1979 года ему легко удалось бежать из военной тюрьмы Карталь-Мальтепе в Стамбуле. Как сказано в отчете прокурора Альбано, «благодаря власти денег и силе мафии».

Случай с Ипекчи убедил Агчу в том, что он может безнаказанно совершить любое преступление. Эта вера во всемогущество своих боссов и определяла сначала поведение Агчи в итальянской тюрьме, куда террорист попал после того, как стрелял в Папу.

Позиция Агчи в первое время после ареста ставила итальянских следователей в тупик. Как и в случае с Ипекчи, он заявил, что действовал в одиночку, и отказался от какого-либо сотрудничества с органами итальянской юстиции. Но через год Агча неожиданно начал давать показания. Он

сообщил, что является участником заговора, руководителями которого были агенты болгарской секретной службы.

В конце 1982 года итальянская полиция на основании показаний Агчи арестовала болгарского гражданина Сергея Антонова. Болгарские и советские средства массовой информации тотчас же подняли шум: Агча говорит по подсказке сотрудников американской и итальянской спецслужб. Прокурор Альбано категорически отвергает подобные обвинения как пропаганду времен «холодной войны». «Нет ничего, я повторяю, ничего, что подтверждало бы эту теорию», — заявил заместитель Генерального прокурора Италии. — «Агча лишь однажды — в декабре 1981 года — встретился с сотрудниками итальянской спецслужбы. Он отвечал визитерам уклончиво, неопределенно, не по делу и совершенно игнорируя факты». После этой встречи еще в течение пяти месяцев Агча отказывался сотрудничать с итальянской юстицией.

В 1981 году Агча объявил голодовку, желая таким образом показать своим сообщникам, что он ждет их помощи и надеется на освобождение. Но прошел год, а никакой помощи не было. Может быть, руководители заговора считали, что Агча не сможет серьезно их скомпрометировать, а возможно, понимали, что вырвать его из тюрьмы не удастся: Италия — не Турция, покушение на жизнь главы католической церкви — не убийство турецкого журналиста, да и содержится Агча в итальянской тюрьме в условиях полной изоляции и под строжайшей охраной — это не стамбульская Карталь-Мальтепе.

Одним словом, через год Мехмед Али Агча начал понимать, что вопреки всем обещаниям он должен расхлебывать кашу один.

Весной 1982 года Агча начал рассказывать. Рассказывал путано, сбиваясь, мешая правду с ложью. «Можем ли мы считать его вульгарным лжецом лишь потому, что он не сказал сразу всю правду?» — спрашивает Альбано. И отвечает отрицательно: «Мы должны иметь в виду, что он пытался выторговать свою свободу сразу у трех партнеров: у своих турецких сообщников, у болгарских сообщников и у итальянской юстиции.»

Со временем — очень не скоро — картина преступления,

совершенного 13 мая 1981 г. на площади Св. Петра в Риме, начала проясняться.

В начале июля 1980 года — через полгода после побега из стамбульской тюрьмы — Агча с фальшивым паспортом на имя индийца Йогиндера Сингха приехал в Софию. Там он сразу же встретился с турецким контрабандистом Омером Мерсаном — в софийском отеле «Витоша», в комнате N 911. Мерсан занимался торговлей оружием и наркотиками и был тесно связан с болгарскими секретными службами. Во время своего пребывания в Болгарии Агча неоднократно получал помощь от Мерсана. Именно Мерсан заказал для «Й. Сингха» комнату в гостинице «Витоша». Он же по приказу Абузера Угурлу снабдил его деньгами и документами с правом временного проживания в Софии, он же связал его с Бекиром Челенком.

Бекир Челенк в свою очередь свел Агчу с «Сотиром Колевым», сотрудником болгарских органов безопасности, и с казначеем посольства Болгарии в Риме Тодором Айвазовым. В это же время в Софии оказался и близкий друг Агчи «серый волк» Орал Челик, который также присутствовал на встречах с «Колевым».

Во время этих трех или четырех встреч и было выработано соглашение о, как сказал прокурор Альбано, «концептуальных, организационных и договорных основах заговора с целью убийства Папы Войтылы, которое было намечено на весну 1981 года».

Цель заговора была очевидной. Поскольку политический и идеологический кризис в Польше, который как раз в это время назревал, в значительной мере зависел от религиозности населения, поддерживаемой верой в Папу-поляка, ослабления и раскола сопротивления польского общества можно добиться простым «физическим устранением Папы».

Технология заговора была такова. Болгарская служба безопасности с помощью босса турецкой мафии Бекира Челенка вербует турецких террористов Мехмеда Али Агчу и Орала Челика и создает условия для совершения покушения на жизнь Иоанна-Павла II. Болгары должны обеспечить:

1. Оплату «труда» террористов. Бекиру Челенку должны были быть выданы три миллиона немецких марок, которые следовало распределить поровну между Агчей, Оралом Челиком и лидером федерации «серых волков» в Западной Германии Мусой Сердаром Челеби. (Челеби был тесно связан и с «волком» Челиком и с боссом мафии Челенком).

2. Безопасное убежище для террористов (после совершения преступления) в болгарском порту Варна на Черном море.

3. Организацию побега террористов с места совершения преступления и вывоз их из Италии в транспортном грузовике для международных перевозок или дипломатическим путем.

В конце июня – начале августа Агча и Челик несколько раз встречались с Бекиром Челенком. По его инструкции Агча позвонил во Франкфурт Мусе Сердару Челеби. Агче нужна была поддержка «серых волков» для безопасного пребывания в Европе. В начале августа Софию покинул Бекир Челенк. В конце того же месяца вернулся в Рим «Колев» — Тодор Айвазов. В ночь на 30 августа Агча и Челик встретились на турецко-болгарской границе с «серым волком» Абдуллой Катли. Катли передал Агче паспорт на имя Фарука Озгуна, с которым тот как турист пересек югославскую границу.

Начиная с сентября, Агча в течение девяти месяцев, казалось бы без всякой цели, ездил туда-сюда по Европе. Возможно, он таким образом пытался запутать следы. В промежутках между увеселительными прогулками и вечерами в диско и барах Агча размышлял о том, что, оказывается, «сделать несколько выстрелов в Папу на площади Св. Петра во время публичной аудиенции до смешного просто».

В ноябре 1980 года Мехмед Али Агча прибыл в Рим. Прежде всего он позвонил в болгарское посольство и договорился о встрече с «Сотиром Петровым» — секретарем военного атташе Желио Васильевым. Васильев был хорошо информирован о заговоре. В его обязанности входило — обеспечить Агчу деньгами и познакомить его с Римом.

В течение пяти месяцев, предшествовавших событиям на площади Св. Петра, Агча многократно встречался с Васильевым: в римском отеле «Архимед», в кафе на улице Венето, в «Пиккадилли-бар» на площади Барберини и в квартире на

улице Джалиани, принадлежащей Тодору Айвазову-«Колеву». Там вместе с Васильевым и Айвазовым был и «Байрамик» — заместитель директора представительства авиакомпании «Балкан» в Риме Сергей Антонов. Все трое были агентами секретной службы, но судя по всему Антонов был подчиненным Васильева. (Поскольку Антонов был арестован в Риме 25 ноября 1981 года, именно на нем сконцентрировано общественное внимание, тогда как главные организаторы заговора — Айвазов и Васильев, воспользовавшись дипломатической неприкосновенностью, бежали в Болгарию).

В январе 1981 года в Риме был с пятидневным визитом лидер польской «Солидарности» Лех Валэнса. Во время встреч Агчи с тремя болгарскими обсуждалась возможность одновременного покушения на Папу Иоанна-Павла II и на лидера польского независимого профсоюзного движения во время приема Валэнсы в Ватикане. Рассказывая судье Мартелле об этом эпизоде, Агча подробно описал интерьер гостиницы, где останавливался Валэнса, и комнату, где планировалось проведение пресс-конференции. Полиция подтвердила точность этого описания. Очевидно, что болгарская секретная служба готовила в январе 1981 года покушение и на жизнь лидера польских рабочих, но, по неизвестным прокурору Альбано причинам, отказалась от своего замысла.

Несколько раньше, в декабре 80-го, Агча впервые встретился с вождем «серых волков» Мусой Сердаром Челеби в миланском отеле. 31 марта в Цюрихе, в гостинице «Шератон» состоялась последняя встреча турецких мафиози и неонацистов — участников заговора против Папы. На встрече присутствовали Агча, Челик, Челеби и Челенк. Наметили точные сроки, определили конкретные задачи, утрясли денежные вопросы. По инструкции Челенка Орал Челик связался в Австрии с торговцем оружием Отто Тринтнером и купил для Агчи полуавтоматический браунинг, из которого тот должен был стрелять в Папу. Пистолет Агча и Челик отвезли в Швейцарию, где отдали его на хранение местному лидеру «серых волков» Омеру Багчи.

В апреле Агча вернулся в Рим и в очередной раз встретился с болгарскими. По совету Васильева он затем выехал в Перуджию и там записался на курсы изучения

иностранных языков с тем, чтобы получить студенческое удостоверение и вместе с ним право на пребывание в Италии. И вновь встречи в Риме, на которых обсуждались последние детали «дела». А затем — двухнедельный отдых на Мальорке. Из Пальмы Агча позвонил во Франкфурт Мусе Сердару Челеби — хотел узнать, передал ли Челенк для него деньги. Чтобы убедиться, что Челенк уже прислал деньги за будущую «работу», Агча позвонил и самому боссу турецкой мафии в Афины. Челенк подтвердил, что деньги высланы Челику и Челеби. Через четыре дня Агча позвонил Багчи в Швейцарию и договорился о дне, когда он заберет у него браунинг на миланском вокзале.

Получив оружие Агча вернулся из Милана в Рим и в тот же вечер встретился на площади Независимости с Васильевым и Оралом Челиком, который уже был в Риме. Это было 10 мая. Васильев показал Агче и Челику план Ватикана и фотографии Папы. Затем по телефону заказал для Агчи комнату в пансионе «Ива», недалеко от Ватикана.

В последние дни перед покушением Агча и Челик несколько раз встречались с Айвазовым, Васильевым и Антоновым: осматривали площадь Св. Петра, обсуждали мелкие детали, подробности будущего бегства с площади.

В день покушения, в час после полудня, Агча, Челик, Айвазов и Васильев зашли в бар на площади Республики. Позже подъехал на голубой машине (по всей вероятности, на Альфа 2000) Сергей Антонов. После ланча на площади Барберини, Агча, Челик, Айвазов и Антонов отправились на этой же машине куда-то в район улицы Номентана, где жил Антонов. Там Антонов покинул машину и вскоре вернулся с маленьким чемоданом, где лежали два пистолета и две холостые бомбы для Орала Челика.

Приблизительно в 3 часа дня машина подъехала к Ватикану и остановилась на виа делла Консциляционе, возле здания канадского посольства. В последний раз осмотрели они площадь Св. Петра. Айвазов ушел. Трое оставшихся выпили кофе в ближайшем баре. В 4 часа ушел и Антонов. Агча и Челик вернулись на площадь Св. Петра. Вскоре после пяти Мехмед Али Агча выстрелил в Папу.

Сразу же после выстрелов Челик должен был бросить в толпу бомбы, чтобы вызвать панику и создать условия для бегства Агчи. Вместо этого он сам бросился бежать с площади. Американскому телерепортеру Лоуэллу Ньютону удалось сфотографировать его на бегу. В руках у Орала Челика был пистолет.

Почему Челик не бросил бомбы, почему в руках у него оказался пистолет? Прокурор Альбано не может ответить на этот вопрос. По его словам, Орал Челик был для Агчи «дороже, чем брат». И тем не менее в последнюю минуту он подвел Агчу. В чем причина предательства Челика? Возможно, он просто испугался, а может быть, как предполагают многие итальянские журналисты, заданием Челика было вовсе не спасение Агчи, а его убийство. И холостые бомбы были нужны не для того, чтобы паника помогла Агче бежать, а для того, чтобы скрыть еще несколько выстрелов — на сей раз в самого террориста. Обо всем этом можно только догадываться, но зато мы точно знаем, что через час после выстрелов на площади Св. Петра грузовик «Магирус» (номер СК 3572) с прицепом (номер СЕ 6176) покинул болгарское посольство в Риме и отправился в сторону югославской границы.

Давая показания, Агча неоднократно утверждал, что болгарские агенты обещали увезти его с площади Св. Петра на машине Антонова и затем переправить в Болгарию на грузовой машине под видом «дипломатического багажа» через Югославию.

Грузовик, который 12 мая прибыл в Италию из Болгарии с грузом ликеров и других напитков, отправился в обратный путь также с обычным грузом («книги, посуда, имущество персонала посольства и т.п.»). И тем не менее посольство Болгарии потребовало, чтобы столь банальный груз рассматривался как «дипломатический багаж» и как таковой был освобожден от таможенного осмотра в Италии и Югославии. К подобным мерам болгарское посольство прибегло в первый раз. Почему же столь экстраординарное требование оно выдвинуло именно в день покушения на Римского Папу? Прокурор Итальянской республики заявляет: «Мы должны

были сделать заключение, что на борту этого грузовика, спрятавшись среди личных вещей персонала, ехал Орал Челик».

Заместитель Генерального прокурора Италии Антонио Альбано потребовал привлечь к суду девять человек. Но очень мало вероятно, что все они действительно предстанут перед судом. Тодор Айвазов и Желио Васильев пользовались дипломатическим иммунитетом в Италии, шеф мафии Бекир Челенк находится в Болгарии, и вряд ли болгарские власти выдадут его, хотя Альбано потребовал приезда его в Италию. Орал Челик исчез, вот уже три года о нем нет никаких сведений — наверняка тоже укрылся в Болгарии. Остальные обвиняемые судя по всему будут находиться в зале судебного заседания в Риме во время будущего процесса по делу о заговоре с целью убийства Римского Папы Иоанна-Павла II.

Конечно, вопрос о виновности каждого из обвиняемых может решить суд, и только суд, но, безусловно, у прокурора было вполне достаточно оснований для предъявления обвинений.

Показания Агчи в большинстве своем подтвердились в ходе расследования. Он лишь однажды солгал, назвав человека с пистолетом на фотографии, сделанной Лоуэллом Ньютоном, (Орала Челика) «Колевым»-Айвазовым. И один раз ошибся — Васильев оказался ниже ростом, чем сказал Агча. Во всем остальном Агча был очень точен.

Исключительно точно описал он комнаты и внешний вид гостиницы «Витоша» и четырех других отелей, где останавливался, когда был в Софии летом 1980 года. Подтвердилось и его сообщение о том, что Мусе Сердару Челеби в мае 1981 года была переведена большая сумма денег (как раз тогда, когда Агча был в Пальме).

Описание Сергея Антонова было особенно точным. Агча рассказал о дефекте одного глаза у Антонова и о том, что тот, когда водит машину, всегда носит очки, что он обычно ездит на «Фиате-124» и иногда на голубом «Пежо», что он зовет свою жену Розы и имеет 10-летнюю дочь, что его хобби — собирать миниатюрные бутылочки для ликера, что он любит цветы и поп-музыку, курит крепкие сигареты и иногда гаванские

сигары, не любит ходить пешком, так как быстро устает и начинает задыхаться, с удовольствием пьет виски и немного говорит по-английски, хотя не так хорошо, как Айвазов и Васильев. Во время следствия Антонов сам подтвердил все эти детали. Даже магазины, в которых он покупал ликерные бутылочки, находились там, где сказал Агча. (Правда, марка машины была «Лада», но это советский вариант «Фиата-124»). Антонов признался, что немного говорит по-английски, и тем самым опроверг утверждения болгарской прессы, будто он английского совсем не знает. Верно описал Агча и интерьер квартиры Антонова, вид из окна, деревья, здания, окружающие дом, где жил болгарин. Разговоры болгарских властей об алиби Антонова и его жены Розики ничего не стоят. По утверждению прокурора жена не покидала Италии в те майские дни, когда она якобы должна была быть в Софии. Не подтверждается и «алиби» самого Антонова.

Не менее точными являются показания Агчи и в отношении Айвазова и Васильева, хотя проверить их было гораздо труднее — судья Мартелла лишь однажды имел возможность задавать им вопросы в присутствии болгарских официальных лиц.

Судя по отметкам в паспорте, Айвазов был в Софии в те дни, когда Агча встречался с «Колевым». Подтвердилось, что Айвазов не курит, хорошо говорит по-итальянски и по-английски, водит «Фиат-124», в мае 81-го жил с семьей на улице Джалиани. Точно описал Агча гардероб и большое зеркало в холле его квартиры, письменный стол в комнате, ковер в столовой, мелкие предметы в ванной. И номер телефона Айвазова подтвердился: 3272629. Зато алиби Айвазова за 11, 12 и 13 мая 1981 года оказалось фальшивым.

Правильно описал Агча и Желио Васильева (не считая ошибки в определении его роста). Интересно, что Агча заметил маленькую родинку на его левой щеке, которую не видно на фотографиях и которую можно увидеть, лишь находясь с Васильевым лицом к лицу.

Паспорт Бекира Челенка подтверждает, что он был в Софии в конце июля — начале августа 1980 г., в Швейцарии — 31 марта 1981 г. и в Афинах — в мае того же года. Как и говорил Агча, Челенк любит ночные клубы, игорные дома, особого сорта сигареты и слегка прихрамывает на правую ногу.

Арестованный в Мюнхене в конце прошлого года Омер Мерсан признался, что по приказу Абузера Угурлу давал Агче деньги в Софии.

И лидер «серых волков» Муса Сердар Челеби, арестованный в октябре 1982 г., вынужден был признать, что встречался с Агчей в Милане в декабре 1980 г., а свидетели утверждают, что Челеби встречался с Агчей, Челиком и Челенком 31 марта 1981 г.

«Серый волк» Омер Багчи, который находится в заключении в Италии с июня 1982 г., рассказал о том, что хранил в Швейцарии полуавтоматический браунинг и вернул его Мехмету Али Агче 9 мая 1981 г. на вокзале в Милане.

Все эти и некоторые другие данные, представленные прокурором Антонио Альбано в отчете объемом в 78 страниц, доказывают обоснованность обвинений против трех болгар и шести турок. Возможно, на суде выяснятся новые детали и новые обстоятельства, но главное уже ясно: существовал заговор с целью убийства Папы-поляка, и нити этого заговора тянутся в Софию. А так как очевидно, что Болгария не могла самостоятельно принять решение об организации такого заговора, следует признать: за попытку убить Главу Римско-католической церкви в первую очередь несут ответственность руководители советской империи.

ИСТОРИЯ

Семен Резник

БОЛЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Борьба за власть между большевиками и эсерами — одна из самых захватывающих и вместе с тем наиболее искажаемых в Советском Союзе страниц современной истории. В советской печати — не только широкой, но и «узкой», рассчитанной вроде бы только на специалистов, — эсеры обязательно характеризуются как «реакционеры», «предатели», «банда убийц», «агенты Антанты». Что же касается исторической литературы русского зарубежья, то проблема борьбы большевиков и эсеров в ней не занимает того места, какого она заслуживает.

Позволю себе напомнить, что партия социалистов-революционеров (кратко эсеров) образовалась в России почти одновременно с другой революционной партией — эсдеков, социал-демократов. Цели у обеих партий были одни и те же: построение социалистического общества. Но если социал-демократы, в соответствии с установками марксизма, именовали себя партией рабочего класса, который в то время составлял не больше 7 процентов населения страны, то эсеры как наследники народолюбцев считали себя партией всех трудящихся, подавляющее большинство из которых составляло крестьянство.

Партия эсеров пользовалась гораздо большим влиянием, чем партия эсдеков. Она опиралась на более широкие слои населения, имела более гибкую организационную структуру и, допуская в своей среде разногласия мнений, не тратила львиную долю сил на внутрипартийную борьбу, как это приходилось делать эсдеками, у которых фракции большевиков и меньшевиков постоянно ссорились между собой.

В составе партии эсеров действовала строго законспирированная боевая организация. Она подготавливала и прово-

дила террористические акты против тех представителей царской администрации, которые считались крайними реакционерами. Эсерами были убиты министр внутренних дел Сипягин, другой министр внутренних дел Плеве, московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович... Эсеры подготовили несколько покушений на царя, но они были предотвращены провокатором Евно Азефом, проникшим в руководство боевой организации.

Хорошо известно, что эсдеки — и большевики, и меньшевики — отвергали тактику индивидуального террора. Ленин неоднократно писал, что политические убийства ведут только к усилению реакции и к неоправданным жертвам в рядах революционеров. В этом, однако, лишь одна сторона правды. Мало кто в дореволюционной России одобрял террор. Однако и те, кто его не одобрял, видели в нем крайнее выражение недовольства существовавшими порядками. Поэтому, вопреки Ленину, невозможно отрицать, что террор сыграл немаловажную роль в создании тех настроений, которые привели Россию к революции 1905, а затем и 1917 годов.

В 1908 году Азеф был разоблачен Владимиром Бурцевым — близким к эсерам историком и публицистом. Известие о том, что один из главарей боевой организации оказался агентом охранки, потрясло партию социалистов-революционеров. Эсеры утратили значительную часть своего влияния и престижа, их деятельность была почти полностью парализована. Однако со временем партия сумела преодолеть кризис и снова стала одной из ведущих политических сил в стране. После отречения от престола Николая II, в марте 1917 года эсер Александр Керенский вошел в состав первого Временного правительства, а после реорганизации правительства — большинство мест в нем заняли эсеры, причем Керенский стал премьер-министром.

В России установился режим практически неограниченной политической свободы. Правда, такой «свободолюбец» как В.И. Ленин утверждал, что «полной политической свободы нет у нас». Но и он признавал, что «такой свободы, как в России, сейчас нигде нет»¹. Ленин «разъяснял»

1. В. И. Ленин «Сочинения 1917 года», Москва, 1937 г, т. 1, стр. 206.

пролетариату (то есть партии большевиков), что не воспользоваться ситуацией для захвата власти было бы преступлением.

Захватив власть, большевики срочно стали уничтожать ту свободу, которая позволила им совершить переворот. Они закрывали небольшевистские органы печати. Производили аресты всех подозрительных. Разогнали избранное всенародным голосованием Учредительное собрание. Создали грозную ВЧК, ставшую главным орудием подавления, основной карательной системы такого размаха, какого прежде не знала история. Целей своих большевики не скрывали: им надо было любой ценой удержать власть, свобода же была удобна для захвата власти, но не для ее удержания.

Опаснейшими политическими противниками большевики считали эсеров, против которых и использовали все доступные им средства подавления.

Поставленные фактически вне закона, эсеры вынуждены были вести подпольную борьбу. Однако относительно средств и методов этой борьбы среди них не было единодушия. Эсеры много раз заявляли, что оставляют за собой право на вооруженную борьбу с большевиками; но тут же разъясняли, что они вовсе не намерены организовывать вооруженные выступления: только если вспыхнет стихийное восстание масс, они готовы его возглавить.

Такая непоследовательность объяснялась тем, что свою борьбу против большевиков эсеры считали борьбой «внутри класса» и полагали невозможным использовать против них такие крайние меры, какие они использовали до революции против «вражеских классов». В частности, они не решались пустить в ход против большевистских лидеров такое испытанное средство борьбы, как индивидуальный террор.

Зато большевики каждый террористический акт против своих «вождей» немедленно объявляли делом рук эсеров и использовали его в качестве повода для новых беспощадных репрессий против них. Так, в июне 1918 года в Петрограде был убит Комиссар по делам печати Володарский. Террорист (впоследствии выяснилось, что им был молодой рабочий Сергеев) скрылся, напасть на его след чекистам не удалось. Тем не менее, было объявлено, что Володарский стал жертвой заговора эсеров.

30 августа 1918 года произошло сразу два террористических акта: утром в Петрограде был убит Председатель петроградской ЧК Урицкий, а вечером в Москве ранен Ленин. В обоих случаях террористы были задержаны. Один из них, Канегиссер, оказался членом малочисленной группы «народных социалистов». По взглядам эта группа была близка к эсерам, но организационно никак не была с ними связана и действовала совершенно независимо. Другая террористка — Фанни Каплан.

О Фанни Каплан я опубликовал в 1983 году статью в «Новом русском слове», где я приводил свидетельства старого большевика Виктора Еремеевича Баранченко, которые проверил по всем доступным источникам, подтвердившим достоверность его воспоминаний. Суть их в том, что Фанни Каплан была анархисткой и к тому же она была почти слепа. В 1908 или 1909 году у нее в руках разорвалась бомба, которую она готовила для покушения на какого-то царского сановника, вследствие чего она и потеряла зрение. Частично оно было восстановлено летом 1917 года после удачной операции в Харькове, куда она поехала из Крыма по совету Дмитрия Ильича Ульянова — родного брата Ленина. Однако и после операции у Фанни было восстановлено лишь силуэтное зрение, чем и объясняется тот факт, что, стреляя с трех шагов, она дважды попала Ленину в руку, а третий раз промахнулась. Почти стопроцентная слепота террористки исключала версию о том, что она могла быть использована в качестве исполнительницы заговора какой бы то ни было организацией, тем более такой, как партия эсеров, имевшая в своем распоряжении достаточно средств и людей для осуществления любой акции такого рода.

Однако оба покушения — Каплан и Канегиссера — были приписаны эсерам, на которых и была обрушена основная тяжесть «массового красного террора».

Несмотря на все это, когда летом 1919 года армия Деникина подходила к Москве и для эсеров был особенно удобный момент выступить против большевиков, их руководители заявили, что партия временно прекращает борьбу «внутри класса», ибо видит главную опасность — в «реакции».

Казалось бы, у эсеров уже накопилось немало горького опыта, чтобы понять, что никакая реакция по суровости и

жестокости подавления всех инакомыслящих не может сравниться с большевистской диктатурой. Но догматизм «классового» мышления имел такую большую инерцию, что оказался сильнее конкретных фактов. В Сибири эсеры вместе с большевиками боролись против Колчака, а в Причерноморье — против Деникина. Когда же одерживали победу, все плоды ее доставались большевикам, чему эсеры оказывались бессильными противостоять.

Все это привело к тому, что к концу гражданской войны были разгромлены не только армии Колчака, Деникина, Врангеля, но и партия социалистов-революционеров. Большинство ее лидеров либо эмигрировало, либо томилось в застенках ЧК. Казалось бы, эсеры перестали представлять для большевиков какую-либо реальную угрозу. Однако у большевистских лидеров было достаточно оснований думать иначе.

Если после октябрьского переворота эсеры боролись за власть Учредительного Собрания и на этом основании большевики объявили их врагами Советской власти, то в 1919 году руководство эсеровской партии выразило готовность признать Советскую власть и прекратить всякую нелегальную деятельность, если им будет предоставлено право легального существования и легальной работы. Вот как это предложение эсеров излагалось их непримиримым противником, крупным большевистским функционером Крыленко:

«IX Совет партии предъявил Советской власти ультимативные условия: „Мы согласны разрешить наш спор с вами через свободно избранные советы. Дайте нам гражданские свободы, гарантируйте свободу выборов в советы, пусть эти свободно избранные советы соберутся и разрешат наш спор. Мы этому решению подчинимся».²

Как видим, даже в изложении Крыленко позиция эсеров выглядит достаточно ясно. Они вовсе не враги Советов как власти трудящихся. Они лишь враги такого положения, когда одна партия, силой захватив власть, навязывает себя Советам, не дает трудящимся возможности свободно выбирать в Советы наиболее желательных кандидатов.

Большевики, конечно же, отвергли предложение эсеров,

2. «Известия», 30 июля 1922 г.

что Крыленко оправдывал «теми политическими и стратегическими условиями, в которых тогда находилась Советская Россия».³

Почему в критической ситуации великим народом должны руководить не свободно выбранные им представители, а кучка самозванных «выразителей» «интересов рабочего класса», Крыленко не объяснял, хотя в одном он был несомненно прав: положение большевиков в 1919 году действительно было критическим.

Однако в 1921-22 годах ситуация стала иной. Гражданская война окончилась. Стремясь как-то наладить жизнь в голодающей стране, большевики отказались от мысли о немедленном введении социализма; они взяли курс на новую экономическую политику. На международной арене они стали добиваться признания Советской России, прилагали усилия к получению иностранных концессий. Столь привычный для них язык пулеметов приходилось менять на обычный человеческий язык, которым они владели намного хуже. В этих условиях оправдывать дальнейшее сохранение диктатуры одной партии становилось все труднее — во всяком случае, до тех пор, пока существовала другая партия, да не «буржуазная», а социалистическая, которая критиковала правление большевиков и предлагала свое решение стоявших перед страной проблем. Надо было окончательно ликвидировать эсеров как возможного политического противника и конкурента.

И вот 28 февраля 1922 года в большевистской печати появилось следующее сообщение:

«От Государственного Политического Управления

Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров.

В распоряжение Главного Политического Управления в последнее время поступил ряд важных и ценных материалов, подтверждающих имевшиеся давно сведения о террористической и боевой деятельности партии с. -р. в годы гражданской войны. За границей на днях опубликована брошюра Г. Семенова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего

3. Там же.

отряда п.с.-р. и руководителя террористической группы, организовавшей покушение на советских вождей, в частности на т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Володарского, Урицкого, и ряд экспроприаций. В этой брошюре, вышедшей под названием «Военная и боевая работа п.с.-р. в 1917-1918 гг.», сделаны обширные разоблачения о действительной роли п.с.-р. в гражданской войне и ее методах борьбы с Советской властью. Печатаемый ниже документ — показание одного из бывших крупных деятелей п.с.-р. Лидии Коноплевой, подтверждает данные брошюры Семенова.

В виду того, что имеющиеся в распоряжении Государственного Политического Управления материалы с несомненностью устанавливают преступления п.с.-р. перед пролетарской революцией, центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного Революционного Трибунала.

Государственное Политическое Управление призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, но понявших преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров.

Президиум Главного Политического Управления.
Москва, 27 февраля 1922 года.»⁴

В том же номере «Известий» и в «Правде» были опубликованы обширные показания Лидии Коноплевой, которая давно уже находилась под арестом. В них говорилось об организации покушений на Ленина, Урицкого, Володарского, то есть подтверждались все те обвинения, которые большевики постоянно выдвигали против эсеров, но которые сами эсеры решительно отвергали.

А на следующий день в «Известиях» стала перепечатываться брошюра находившегося в эмиграции Г. Семенова (Васильева), в которой с подробностями излагались те же факты, что и в показаниях Коноплевой.

То, что ЧК и ГПУ умеют выколачивать из некоторых подследственных нужные «признания», уже и в то время не было слишком большим секретом. Поэтому показания Коноплевой немногого стоили. Однако брошюра Семенова оказалась потрясающей сенсацией. Как проникли к нему

4. «Известия», 28 февраля 1922 г.

агенты Дзержинского, какими угрозами и посулами заставили совершить предательство — это долго еще будет оставаться тайной — до тех пор, пока не станут доступными для исследователей самые секретные архивные фонды КГБ. В одном лишь не может быть никакого сомнения: брошюра Семенова была так же инспирирована ГПУ, как и показания Коноплевой. В одновременности их появления, как и в том, что в предисловии к «исповеди» Семенова употреблена по существу та же формулировка, что и в сообщении ГПУ («... по первому требованию Верховного Революционного Трибунала сочту себя обязанным вернуться в Советскую Россию и понести заслуженное наказание»⁵ видна работа режисера, оставшегося за кулисами.

Карты организаторов процесса были несколько спутаны теми шагами, какие Советское руководство предпринимало на международной арене. В Берлине пытались договориться о единстве действий представители трех интернационалов: Второго, Третьего и так называемого Двухполовинного (Венского), промежуточного между Вторым и Третьим. Когда появилось сообщение о предстоящем процессе над эсерами, партнеры по переговорам заявили представителям Коминтерна, что подсудимым должно быть дано право свободного выбора защитников и, кроме того, должны быть даны гарантии, что им, по крайней мере, будет сохранена жизнь; в противном случае соглашение о единстве действий окажется невозможным.

Разумеется, ни о каком единстве с западными социалистами большевики не помышляли. Но переговоры им были важны как средство, позволяющее «разоблачать» перед рабочими Запада «оппортунизм и предательство» социалистов.

Делегацию Коминтерна на совещании представляли Бухарин и Радек. Они поторопились дать требовавшееся от них обязательство, за что тотчас получили выволочку от Ленина, который квалифицировал предоставление обвиняемым права на защиту и согласие сохранить им жизнь как «политическую уступку, которую революционный пролетариат сделал реакционной буржуазии»⁶.

5. «Известия», 1 марта 1922 г.

6. «Известия», 11 апреля 1922 г.

Тем не менее, Ленин не считал возможным аннулировать подпись III интернационала под достигнутым соглашением.

Социалисты западных стран направили на процесс своих защитников, и советские власти вынуждены были допустить их к участию в суде. В качестве адвокатов решили выступить крупнейшие представители международного рабочего движения: председатель Второго интернационала Вандервальде, Теодор Либкнехт и Розенфельд.

Люди эти были известны всему миру: десятки лет их деятельность привлекала к себе внимание широкой общественности.

Но это не помешало большевистским газетам обрушить на них потоки самой непристойной брани. К их приезду в Москве была проведена особая подготовка.

«К вокзалу стекаются рабочие, работницы и пролетарская молодежь Москвы, — живописали „Известия“. Вот перед группой рабочих плакат:

- Долой Соглашателей!
- Долой предателей рабочего класса!
- Они нам ненавистны!

... На пути проезда Вандервальда устанавливаются шпалеры рабочих с многочисленными плакатами: „Адвокат контр-революции г. Вандервальд, когда же вы будете перед судом трибунала?“. „Теодору Либкнехту: „Каин, Каин, где твой брат Карл?“, Теодор Либкнехт, брось защиту недостойных, не позорь славных вождей рабочего класса, Вильгельма и Карла Либкнехта!“

...Перед Вандервальдом и его спутниками, как только они вышли на привокзальную площадь, предстал плакат с изображением красного слона и лающих на него двух маленьких желтых мосек. Вслед за этим к ногам Вандервальда работницами был брошен букет из крапивы и желтых увядших болотных цветов, воздух огласился свистками, ироническими возгласами. С подавленными улыбками, скрестивши руки, Вандервальд и его спутники уселись в закрытый автомобиль. Дежурившая у вокзальной площади конная милиция с трудом проложила дорогу автомобилю Вандервальда, вслед которому долго неслись свист и улюлюканье».⁷

На следующий день Вандервальд и его спутники посетили наркома юстиции Курского, которому вручили декларацию. Они благодарили советские власти за защиту,

7. «Известия», 27 мая 1922 г.

но в то же время указывали, что «принятые полицейские меры оказались бы лишними, если бы в коммунистической прессе... не помещались статьи, рисующие нас изменниками делу социализма, врагами русской революции и сообщниками контрреволюции за то только, что мы согласились взять на себя защиту обвиняемых в московском процессе... Дело идет не о том, чтобы спасти от заслуженного наказания людей, являющихся в действительности виновными. Но в настоящем процессе предстоит именно выяснить, виновны ли обвиняемые в инкриминируемых преступлениях».⁸

Но подобные «увертки оппортунистов» не могли, разумеется, воздействовать на настроение обрабатывавшихся в течение многих месяцев «широких масс пролетариата».

Судилище продолжалось почти два месяца.

34 подсудимых резко делились на две основные группы. В первую входили Гоц, Тимофеев, Донской, Лихач и другие члены ЦК партии эсеров. Они отрицали правомочность суда и называли его не иначе, как «расправой временно победившей партии над временно побежденной партией».

Вторую группу составляли Семенов, Коноплева, Усов, Ставская и несколько других действительных или мнимых членов боевой организации. Они охотно признавали себя виновными во многих злодеяниях, в том числе в подготовке и осуществлении покушений на Ленина, Урицкого, Володарского, Троцкого, Зиновьева. При этом они утверждали, что действовали с ведома и по заданию членов ЦК.

Защитники тоже делились на две группы. Бухарин, Томский и ряд других видных большевиков взяли на себя защиту второй группы обвиняемых — тех, кто признавался в подготовке и совершении злодейских убийств. Бухарин и его товарищи по защите считали, что эти люди заслуживают всяческого снисхождения.⁹

Вторую группу адвокатов составляли защитники членов ЦК. В нее входили иностранные социалисты, а также группа беспартийных, известных еще с дореволюционных времен, адвокатов. Председательствовавший Пятаков при открытии процесса заявил, что все эти защитники хотя и

8. «Известия», 28 мая 1922 г.

9. «Известия», 3 июня 1922 г.

допущены к участию в процессе, но «не пользуются доверием суда».

Главным обвинителем выступил Крыленко. Другими обвинителями были Луначарский, Покровский и другие известные большевистские ораторы.

Иностранные социалисты уже через неделю демонстративно покинули процесс, заявив, что не считают возможным участвовать в суде, где чинится расправа, а не выясняется истина. Еще через неделю, с одобрения подзащитных, заявили о том же и другие защитники членов ЦК, т. ч. в итоге партия эсеров осталась совсем без защитников.

То, что обвинение шито белыми нитками, организаторы процесса скрыть не могли. Семенов показывал, что сам был инициатором и организатором большинства террористических актов, которые якобы подготавливала и совершала его «боевая организация». Что же касается членов ЦК, то они, по признанию самого Семенова, либо возражали против проведения этих актов, либо отвечали неопределенно.

Впрочем, когда Гоц, Донской или Тимофеев просили уточнить, когда, где и при каких обстоятельствах Семенов обсуждал с ними эти вопросы, тот сбивался и настолько запутывался, что становилось ясно: никаких обсуждений вообще не было. В обвинительной речи, построенной почти целиком на показаниях Семенова, Крыленко должен был долго распространяться о несовершенствах человеческой памяти, которая может упускать «детали», из чего не следует, что ей нельзя не доверять «в главном».

Однако в том, что «процесс» был заранее подготовленной комедией, яснее всего говорит даже не ход разбирательства, а приговор и опубликованное одновременно с ним постановление ВЦИК.

Как и следовало ожидать, большинство подсудимых были признаны виновными в терроре, шпионаже, проведении диверсий. Они были приговорены к смертной казни. Но одновременно суд «возбудил ходатайство» о смягчении приговора «раскаявшимся» боевикам. А президиум ВЦИК рассмотрел это ходатайство с молниеносной быстротой, постановил не только сохранить террористам жизнь, но и

немедленно освободить их из-под стражи.¹⁰ Эта сверхъестественная «милость» к «убийцам» большевистских вождей как раз и изобличает сговор между судьями и мнимо судимыми провокаторами.

Что касается не раскаявшихся членов эсеровского ЦК, которые, если и признавали себя виновными, то только в том, что борьбе с большевиками отдавали недостаточно сил, то смертный приговор им был утвержден.

Правда, исполнение его было отложено на неопределенный срок.

Эту дань большевистское руководство должно было заплатить за подписи, поставленные в Берлине Бухариным и Радеком от имени III интернационала. Однако и из сохранения жизни лидерам эсеровской партии большевики изблегли максимум возможной политической выгоды. В решении Президиума ВЦИК простодушно разъяснялось:

«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контр-революционного террора и мятежа».¹¹

Таким образом, лидеров эсеровской партии оставляли в качестве заложников. Они могли быть расстреляны в любой день и час, когда большевикам вздумалось бы заявить, что эсеры «продолжают» борьбу с ними.

Этот приговор окончательно парализовал волю эсеров к борьбе. В январе 1924 года, убедившись, что эсеры больше не

10. По крайней мере, одна из «раскаявшихся» подсудимых, Фаина Ставская, сразу после суда была направлена на партийную работу, но уже не как эсерка, а как член РКП(б). Она работала в Крыму, где познакомилась с В. Е. Баранченко и вскоре стала его женой. (Сообщено автору В. Е. Баранченко)

11. «Известия», 9 августа 1922 г.

представляют никакой опасности, Президиум ЦИК СССР заменил смертный приговор заложникам пятилетним заключением.

Так был закончен этот судебный спектакль, оказавшийся лишь репетицией к другим, более пышным и грандиозным инсценировкам, в которых принимали участие многие из тех же лиц, но уже в других ролях.

Во второй половине 30-х годов Пятаков, Бухарин, а чуть позднее и сам Крыленко вынуждены были «признаться» в «шпионско-диверсионной», «террористической» и иной «преступной» деятельности против «власти рабочих и крестьян». К сожалению, мы никогда не узнаем, вспоминали ли они, делая эти признания, давний процесс эсеров; сознавали ли, что являются жертвами той страшной системы, которую сами же создавали.

К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Григорий Костюк

УКРАИНСКОЕ ЭХО УБИЙСТВА С. КИРОВА

(КИЕВСКИЙ ЦЕНТР
«ТЕРРОРИСТОВ—БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ»)*

18 декабря 1934 года все центральные советские украинские и русские газеты дали сенсационное сообщение о том, что в г. Киеве органы НКВД раскрыли украинский центр террористов-белогвардейцев, а военная коллегия Верховного Суда ССР рассмотрела дело и приговорила к расстрелу участников этой организации. Сообщение настолько важное, что стоит привести его полностью:

«ПРИГОВОРЫ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР В ГОР. КИЕВЕ
ПО ДЕЛАМ О ТЕРРОРИСТАХ—БЕЛОГВАРДЕЙЦАХ

13-15 декабря с.г. Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, под председательством т. Ульрих В. В., в составе членов Коллегии тт. Рычкова Н. М. и Горячева А. Д., рассмотрела в гор. Киеве дела: 1) Крушельницкого А. В., 2) Бачинского Ю. А., 3) Крушельницкого И. А., 4) Крушельницкого Т. А., 5) Сказинского Р. Ф., 6) Лебединец М. М., 7) Шевченко Р. И., 8) Карабут А. Ю., 9) Сидорова П. И., 10) Мисика В. О., 11) Левицкого В. И., 12) Скрипа-Козловской А. И., 13) Косынка-Стрелец Г. М., 14) Фальковского Д. Н., 15) Оксамит М. Г., 16) Щербина А. Г., 17) Терещенко И. П., 18) Буревого К. С., 19) Ковалева Л. Б., 20) Гельмер-Дидушок П. Ф., 21) Влызько А. Ф., 22) Финицкого А. И., 23) Дмитриева Е. К., 24) Богданович А. А., 25) Бутузова П. И., 26) Бутузова И. М., 27) Пятница В. В., 28) Блаченко Я. П., 29) Ступина Г. К.,

* Перевод с украинского статьи из книги известного украинского писателя и публициста Григория Костюка «На магiстралях доби» (Издательство «Смолюскiп», Торонто-Балтимор, 1983 г.).

30) Полевого Д. И., 31) Хоптяр И. О., 32) Борецкого П. Н., 33) Лукьянова Л. И., 34) Проценко Г. Н., 35) Пивненко К. И., 36) Матяш С. Я., 37) Лященко А. К., — по обвинению в организации подготовки террористических актов против работников советской власти.

Суд установил, что большинство осужденных прибыли в СССР через Польшу, а часть — через Румынию, имея задания по совершению на территории УССР ряда террористических актов.

При задержании у большинства обвиняемых изъяты револьверы и ручные гранаты.

Руководствуясь постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 1 декабря с. г. и ст. ст. 54-8, 54-II УК УССР, Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР *приговорила*:

1) Сказинского Романа Федоровича, 2) Крушельницкого Ивана Антоновича, 3) Крушельницкого Тараса Антоновича, 4) Лебединец Михаила Моисеевича, 5) Шевченко Романа Ильича, 6) Карабут Анатолия Юрьевича, 7) Сидорова Петра Иосифовича, 8) Косынка-Стрелец Григория Михайловича, 9) Фальковского Дмитрия Никифоровича, 10) Оксамита Михаила Гавриловича, 11) Шербина Андрея Григорьевича, 12) Терещенко Ивана Петровича, 13) Буревого Константина Степановича, 14) Влызько Алексея Федоровича, 15) Дмитриева Евгения Кузьмича, 16) Богдановича Адама Адамовича, 17) Бутузова Порфирия Ивановича, 18) Бутузова Ивана Моисеевича, 19) Пятница Владимира Васильевича, 20) Блаченко Якова Павловича, 21) Полевого Доминика Иосифовича, 22) Хоптяр Ивана Онуфриевича, 23) Борецкого Петра Николаевича, 24) Лукьянова Леонида Ивановича, 25) Пивненко Константина Ивановича, 26) Проценко Гавриила Никитича, Матяш Сергея Яковлевича, 28) Лященко Александра Корнеевича —

расстрелять.

Имущество всех конфисковать.

Приговоры приведены в исполнение.

Дела: Крушельницкого Антона Владиславовича, Бачинского Юлиана Александровича, Левицкого Василия Ивановича, Скрипа-Козловской Анны Ивановны, Ковалева Левко Борисовича, Гельмер-Дидушок Петра Федоровича, Финицкого Александра Ивановича и Ступина Герберта Карловича — Военная Коллегия Верховного Суда СССР, ввиду выяснившихся новых обстоятельств, — постановила *направить на доследование*.¹

Вот такой документ той эпохи. Чтобы выяснить действительно ли существовала организация «террористов-белогвардейцев», в состав которой входило значительное число

1. «Правда», 18 декабря 1934 г.

известных украинских писателей, ученых и деятелей культуры, нужно хотя бы кратко остановиться на том главном событии, которое послужило причиной этого и подобным ему приговорам. А событие было такое: 1 декабря 1934 года, в Ленинграде, молодой инженер, член партии и член Комиссии партийного контроля Ленинградского обкома ВКП(б) Л. Б. Николаев в приемной обкома партии выстрелом из револьвера убил секретаря Ленинградского обкома партии, члена Политбюро и члена ЦК ВКП(б) Сергея Кирова. Официальное правительственное сообщение об этом чрезвычайном происшествии, опубликованное «Правдой» 2 декабря 1934 года, звучало (сокращенно) так:

«Центральный Комитет ВКП (большевиков) с великим прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии... — Секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков), член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Сергей Миронович Киров».

В тот же день, 1 декабря 1934 года, как только пришло известие об убийстве Кирова, состоялось немедленное заседание Президиума ЦИК СССР, на котором было принято историческое постановление, которое фактически узаконило начало массового террора. Основные пункты этого постановления повелевали:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или в совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно после вынесения судебных приговоров»².

Это и был тот зловещий закон от 1 декабря 1934 года,

2. «Правда», 4 декабря 1934 г.

руководствуясь которым органы НКВД начали всесоюзный террор, известный под общим названием «Кировские расстрелы». Так мгновенно и внешне как будто бы законно дали обоснование террору. 4 декабря «Правда» сообщила о разоблачении и аресте двух больших групп «террористов-белогвардейцев»: в Ленинградской области группы в составе 39 человек, в Московской — группы из 33 человек. Дела обеих этих групп были переданы на рассмотрение военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.³ 6 декабря 1934 г. военная коллегия Верховного Суда СССР уже опубликовала приговор о расстреле членов этих двух групп.⁴ 8 декабря новое дело о группе жертв в составе 12 человек передали на «рассмотрение» военной коллегии,⁵ через два дня уже был оглашен приговор о расстреле. За этими первыми группами пошли расстрелы «террористов» почти по всем городам Советского Союза. Но группу с настоящим убийцей Кирова Леонидом Николаевым расстреляли только в конце декабря 1934 года ⁶.

Итак, расстрелы 16 или 17 декабря 1934 года людей из украинского «центра террористов-белогвардейцев», как и все остальные расстрелы того времени, были следствием убийства С. Кирова в Ленинграде. Неминуемо у читателя возникнет вопрос: неужели это убийство столь весомо, что нужно было в отместку убить тысячи людей? За что же был убит Киров? На эту до сих пор загадочную тему написано уже большое количество работ на многих языках мира. Но и до сих пор не установлена окончательно причина этого убийства. Существует несколько версий этого события. Была попытка русской эмиграционной националистической организации НТС (Национально-Трудовой Союз) это убийство присвоить себе — для демонстрации активности этой организации. Но эта попытка настолько безосновательна, я бы сказал спекулятивно-наивна и неумна, что не стоит уделять ей

3. Там же.

4. «Правда», 6 декабря 1934 г.

5. «Правда», 8 декабря 1934 г.

6. «Правда», 30 декабря 1934 г. Приговор по делу «Ленинградско-го центра» с Катилиновым, Шацким, Румянцевым... Николаевым и др.

7. В. Усиновский. Немного скромности, господа. «Социалистический вестник», N 11, ноябрь 1948 г.

внимания. В СССР, особенно среди узников многомиллионных концлагерей, ходило несколько версий, которые более или менее серьезно пытались объяснить это событие. Один из узников советских концлагерей в эмигрантском журнале русских социал-демократов «Социалистический вестник»⁷ рассказывает о нескольких версиях убийства Кирова, бытовавших среди заключенных. Первая версия родилась, очевидно, в рядах зиновьевской оппозиции. Николаев, мол, как член ВКП(б) принадлежал к зиновьевской оппозиции. После победы сталинистов он был выброшен из партии. Он дважды просил о восстановлении в партии и дважды партийная контрольная комиссия, по указанию Кирова, отклонила его апелляции. Задержанный и озлобленный несправедливым к себе отношением, он из чувства мести пошел 1 декабря в обком партии и убил Кирова как главного виновника преследований.

Версия вторая. Убийство Кирова организовал и осуществил (руками своих агентов) сам Сталин. «Киров был популярнейший и влиятельнейший член ЦК... Он без сомнения был опасен для Сталина как возможный конкурент»⁸.

Обе эти версии, только в несколько модернизированной форме, появились в книге воспоминаний бывшего ответственного работника НКВД, прикрывающегося псевдонимом Александр Орлов⁹, который сбежал из СССР после испанской авантюры Сталина 1938 года¹⁰.

8. Там же.

9. Orlov Alexander. The Secret History of Stalin's crimes, New York, Random House, 1953, 366 pp.

10. Факты и аргументация, поданные А. Орловым, очень напоминают мысли и аргументацию В. Кривицкого, изложенные в его книге «На секретной службе у Сталина», которая вышла на английском языке в 1939 году.

W. G. Krivitski. In Stalin's Secret Servis: An expose of Russia's secret policies by the former chief of the Soviet intelligence in Western Europe. New York and London, Harper & Brothers, 1939, 273 pp.

В. Кривицкий знал много фактов, но почему-то на всех его суждениях лежит печать догадок и допущений. И это, наверное, осторожный Кривицкий делал сознательно. Нужно полагать, что конкретных фактов по делу Кирова он не знал. Еще меньше в дело Кирова был посвящен А. Орлов. Потому факты Кривицкого в пересказе Орлова не стал убедительней.

Обе эти версии, по моему мнению, не выдерживают критики. Первая версия, будто убийство Кирова — месть зиновьевской оппозиции, без сомнения, инспирирована НКВД. Позднее она, как известно, сыграла главную роль в провокационных московских процессах. Вторая версия, что Сталин сам «смахнул» с дороги Кирова как опасного конкурента, на мой взгляд, лишена какого бы то ни было реального основания. Кто внимательно следил тогда за внутривнутрипартийной жизнью, за деятельностью Сталина и его аппарата, кто и теперь внимательно прочитает статьи и выступления Сталина и Кирова, тому станет абсолютно ясно, что Киров, с его меньшей, чем у Сталина, общей и политической культурой, с его не таким уж высоким авторитетом среди руководящих кадров партии, был всего лишь послушным и исполнительным аппаратчиком Сталина. Чтобы заменить Зиновьева на посту секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), для Сталина вовсе не нужен был деятель культурой и политическим авторитетом равный Зиновьеву. Ему нужен был только послушный, точный и последовательный исполнитель его приказов. Таким был Киров. И у Сталина не было причин быть им недовольным. До сих пор никто не опубликовал ни одного документа, не привел ни одного неоспоримого факта, который бы свидетельствовал о каком-либо конфликте между Кировым и Сталиным. Таким образом, говорить о Кирове как об опасном конкуренте Сталина нет ни малейших оснований. Правда, приверженцы версии убийства Кирова Сталиным как «своего опасного конкурента» после публикации «секретной речи» Н. Хрущева 24-25 февраля 1956 года,¹¹ в которой он вспоминал и темную историю убийства Кирова, считают, что размышления Хрущева целиком подтверждают их версию. В частности этот взгляд лег в основу статьи такого солидного публициста как Б. Николаевский¹². В своей статье «Сталин и убийство Кирова»¹³ Б. Николаевский поднимает очень много преинтереснейших внутренних и внешних проблем политики Сталина

11. The New York Times, June 5, 1956, page 14, The Kirov Purges.

12. Б. Николаевский. Сталин и убийство Кирова. «Социалистический вестник», Нью-Йорк, 1956, N 5, стр. 91-94; N 10, стр. 185-188; N 12, стр. 239-243.

13. Там же.

в эпоху террора, но на основной вопрос «Сталин и убийство Кирова» ответ был дан очень неубедительный. Автору не удалось найти ни одного настоящего документа, который бы убедительно подтвердил, что Сталин рукою Николаева убил Кирова «как своего опасного конкурента». Свои предположения «о продолжительной дуэли между Сталиным и Кировым», которая закончилась убийством последнего агентами Сталина, Б. Николаевский основывает исключительно на давней (от декабря 1936 года) анонимной информации, изложенной в т. н. «Письме старого большевика»¹⁴

К этому «Письму старого большевика» нужно относиться осторожно и очень критически. Строить на его основании категорические утверждения, думаю, нельзя. Поэтому, в целом очень интересные соображения Б. Николаевского мы воспринимаем как его личные гипотезы, но не как доказательства.

Конечно, не только доказательств, но и никаких указаний на «политическую дуэль между Сталиным и Кировым» или фактов об организованном Сталиным убийстве Кирова «как своего опасного конкурента» в речи Хрущева тоже нет. Речь Хрущева прояснила только один вопрос: Сталин, безусловно, был в какой-то мере причастен к убийству Кирова. Но почему, по какой причине, и только ли Кирова ему нужно было убить? — на эти вопросы опубликованная речь Хрущева ответа не дает. Это остается невыясненным и до сих пор. Гипотезы Б. Николаевского о «новом плане», о «новой политике» Кирова, которая, якобы, шла наперекор сталинской, о его (Кирова) непрерывной, начиная с 1930 года, оппозиции основному направлению внутренней и внешней политики Сталина, о его поддержке Бухарина и т. д., остаются и по сей день никакими документами и фактами не подтвержденными. Н. Хрущев, после многих намеков на причастность Сталина к убийству Кирова, сделал такое общее замечание:

«Нужно заметить, что и до сих пор много обстоятельств убийства Кирова остаются загадочными и невыясненными и требуют еще самого тщательного расследования.»¹⁵

14. Как готовился московский процесс (Из письма старого большевика). «Социалистический вестник», декабрь 1936, стр. 20-23, январь 1937, стр. 17-27.

15. Там же.

Не имея в своем распоряжении настоящих архивных материалов этого зловещего дела, мы не можем делать те или иные категорические выводы. Мы можем предлагать те или иные допущения или гипотезы. Изложенные выше гипотетические версии нас не устраивают ни в коей мере. Поэтому мы придерживаемся третьей версии, которая в свое время была очень распространена в Советском Союзе и которую, на наш взгляд, очень убедительно подтверждают, свидетельства современников кировских событий. Эта версия утверждает, что убийство Кирова было совершено всего-навсего на романтической почве. Л. Николаев, способный инженер и одновременно член Ленинградского губкома комсомола, своевременно «оторвался» от зиновьевской оппозиции и счастливо приспособился к новым условиям. Его выбирают членом обкома партии и, даже, членом комиссии партийного контроля обкома. Жена Николаева, которая славилась красотой, работала также ответственным сотрудником обкома партии, т. е., работала в секретариате Кирова. Между нею и всемогущим вельможей Ленинграда завязываются близкие отношения. Оскорбленный Николаев пытался поговорить с женой. Жена сначала всё отрицала, но пойманная на плутовстве, перешла в наступление. Она заявила, что, во-первых, она не рабыня и их брак не вечен; во-вторых, что их отношения с Кировым — это ее личное дело, и она предлагает больше не поднимать этот вопрос. Преданный женой Николаев решил пойти на разговор к самому Кирову. Встреча соперников состоялась в начале ноября 1934 года. Чем закончился этот разговор, как держался Киров, что сказал Николаеву, — все осталось в тайне. Все ближайшие родственники знали об этом визите и о семейной трагедии Николаева. Но он ни с кем не говорил. Он только стал с тех пор хмуро-молчаливым и замкнутым. Эта скрытая озлобленность взорвалась личной мстью всемогущему соблазнителю — выстрелом 1 декабря 1934 года в Смольном.

Такую почти банальную историю убийства Кирова автор этих строк услышал впервые в 1936-38 гг. в воркутинском концлагере от кузена Леонида Николаева (тоже Николаева по фамилии), осужденного на 10 лет. Эту версию, как истинную, подтверждали и многие другие осужденные по делу Кирова, в том числе и брат Катилина, который тоже получил 10 лет и

работал слесарем на водонасосной станции. Эту версию автор этих строк опубликовал еще в 1949 году в статье «За что был убит Киров?»¹⁶ Двамя годами позже эту версию в несколько иной редакции опубликовал известный публицист, профессор А. Авторханов в уже упомянутых нами очерках «Покорение партии».¹⁷ Еще в 1946 году в американской политической литературе встречается упоминание о романтической основе нашумевшего дела Кирова. Имеется в виду книга американского исследователя Фредерика Шумэна «Советская внутренняя и внешняя политика». На странице 259 читаем: «Ходят слухи, что Киров был в любовных отношениях с женой Николаева».¹⁸

Мы имеем данные, что эта версия ходила в кругах политической эмиграции в Праге еще во второй половине тридцатых годов, т.е. где-то сразу после убийства Кирова. Справедливость этой версии подтвердил такой авторитетный свидетель того времени, как Эдуард Дунэ. Он — когда-то активный деятель оппозиционной группы Демократического централизма (группа Сапронова, Смирнова и др.), один из пятнадцати, подписавших знаменитую «Платформу ДЦ (Демократического централизма)» еще в 1926 году, многолетний узник сталинских тюрем и концлагерей, случайно вырвавшийся во время Второй мировой войны на Запад. Умер 21 января 1953 г. в Париже.¹⁹ В письме к автору статьи «За что был убит Киров?» он писал:

«Моя жена работала консультантом ЦИК СССР, а позднее — в той же должности в ЦКК ВКП(б)... В «Кировские дни» она рассказывала мне то же самое (на основании информации Сольца²⁰), что и Вы пишете. Жена Николаева работала секретарем Кирова и взрыв произошел на почве ревности.

16. Б. П. За что был убит Киров, «Вперёд», ч. 1, Лондон, апрель 1949, стр. 11-12.

17. А. Авторханов. Покорение партии. Убийство Кирова. «Посев», 15 октября 1950 г.

18. Friderick L. Schuman. Soviet Politics at Home and Abroad. New York, A. A. Knopf, 1946, стр. 259.

19. Р. А. Памяти Э. М. Дунэ. «Социалистический вестник», N 2-3, Нью-Йорк, февраль-март 1953 г.

20. А. Сольц (1872-1945) — старый большевик, член ЦК ВКП(б) и председатель ЦКК (Центральной Контрольной Комиссии) ВКП(б).

Официальная версия вызвана политическими соображениями и менялась несколько раз (иностранные консульство, троцкисты, зиновьевцы)»²¹

На основании всех этих свидетельств и фактов мы считаем, что вероятнее всего убийство Кирова произошло на почве ревности. Ни одна политическая партия, группа или оппозиция, ни одно «иностранные консульство» или что-либо подобное не стояли за спиной убийцы. Никакого политического заговора тут не было. Только поэтому следственные органы долго не могли официально определить политическое лицо убийцы. В своих сообщениях они все время петляли между белогвардейскими террористами, агентами иностранных разведок, троцкистами и зиновьевской оппозицией. Таким образом, политические мотивы взрыва фактически остались неустановленными до конца террора 1938 года. И это вполне понятно: их нельзя было четко определить, т. к. их не было в природе. Это был акт личной мести оскорбленного и преданного женой мужа.

Но тогда возникает неотступный вопрос: как же согласовать эту версию с недвусмысленным намеком Хрущева о причастности Сталина к убийству Кирова? Наш ответ такой: еще в 1929 году в связи с расстрелом Блюмкина²² Л. Троцкий писал:

«Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему нужно до зарезу связать оппозицию с покушениями, с подготовками вооруженного восстания... Вот почему после ссылки вождей оппозиции нужно с уверенностью ожидать попыток сталинской клики так или иначе втянуть ту или иную якобы оппозиционную группу в авантюру, а в случае неудачи — сфабриковать или подбросить оппозиции «покушение» или «военный заговор».²³

Эта, словно между прочим высказанная, мысль Л. Троцкого на самом деле стала пророческой. Сталин борьбу с

21. Письмо Эдуарда Дуне хранится в архиве автора этой статьи.

22. Блюмкин — ответственный сотрудник иностранного отдела ГПУ. По приказу Сталина, в 1929 году, он был расстрелян за свидание с только что высланным из СССР Троцким в Константинополе и якобы за передачу письма от Троцкого для оппозиции в СССР.

23. «Бюллетень оппозиции», N 1-2, июль 1929, стр. 2 (обратный перевод с украинского).

настоящей и воображаемой оппозицией стремился любой ценой завершить террором. Он, вероятно с 1932 года, а особенно после «дела Рютина»²⁴ 1932 года, бешено искал внешне солидную причину для начала своей кровавой акции. Для того, чтобы узаконить массовый террор, крайне необходимо было какое-нибудь «покушение», или «военный заговор», или настоящее убийство. Доверенная агентура Сталина, под руководством и до сих пор таинственной и зловещей фигуры Поскребышева (личного секретаря Сталина), работала во всех направлениях. Внимательно изучался быт и интимнейшие стороны личной жизни всех ближайших к Сталину вождей. При этом, естественно, мог возникнуть вопрос: если понадобится, то кого принести в жертву? Ответ мог быть только один: принести можно любого, но обязательно правомерно-сталинского вельможу, вокруг которого возникнет подходящая для «жертвоприношения» атмосфера. Наверное, все небесные знаки в Кремле показывали, что наиболее подходящие, наиболее удобные условия для «террористического акта» создались в ленинградском романтическом треугольнике: Николаев — его жена — Киров. Киров был, как известно, наиболее выдающейся креатурой Сталина. Покушение на него будет приравняться к покушению на весь политический курс Сталина и его единомышленников. Значит, самая жестокая акция в ответ на такое убийство будет хорошо мотивированной и оправданной. Так, нужно полагать, мог рассуждать Сталин. Важность случайно возникшего бытового конфликтного треугольника он, вероятно, оценил сразу. Он ухватился за эту счастливую ситуацию и дал приказ немедленно действовать. Его агентура умело и хитро разжигала личную драму в этом треугольнике и выстрелом 1 декабря 1934 года в Смольном довела конфликт до нужного Сталину финала. В этом смысле, и только в этом, Сталин — организатор и фактический убийца Кирова. Исходя из этого, ясно, что Сталин с таким же успехом и так же хладнокровно мог убить любого из своих ближайших помощников. Кирова он убил только потому, что эта романтическая история создала удобную и подходящую для убийства ситуацию.

24. См. об этом: Б. Николаевский. Сталин и убийство Кирова, «Социалистический вестник», N 5, 1956, стр. 91-94.

Самое важное для Сталина в этом происшествии то, что реальный факт убийства его ближайшего помощника полностью развязывал ему руки. Исходный пункт для проведения «кровавой черты» был определен. Цель достигнута. Массовый террор начался.

Важно подчеркнуть, террор начался не сразу против оппозиции. Террор прежде всего начался против людей, с точки зрения НКВД ненадежных, подозрительных, недавно прибывших из-за рубежа или причастных когда-либо к антисоветским акциям, и против так называемых украинских националистов. В спешном порядке агентура НКВД начала монтировать множество амальгам «террористических групп», куда зачисляли всех подозрительных и ненадежных.

Такой амальгамой и была киевская украинская группа, которой пришили название «белогвардейцев-террористов». О том, существовала ли реально как действующая организация такая группа, в прессе нет ничего. О ее существовании свидетельствует только три факта: 1). Известный уже нам приговор военной коллегии Верховного Суда СССР. 2). Наличие реальных 37 обвиняемых, проходивших по т. наз. судебному процессу выездной коллегии Московского Верховного Суда, из которых 28 были расстреляны, а 9 — сосланы в концлагеря. 3). Единственное опубликованное «признание» 25-летнего глухонемого поэта А. Влызько.

Вот и все. Никакие иные доказательства нигде, никогда не были представлены. Полное отсутствие юридически достоверного документа или факта уже само по себе свидетельствует о вымышленности «террористического центра» и незаконности судебного процесса над ним. Фальшиво и бесосновательно звучит определение из приговора:

«Суд установил, что большинство осужденных прибыли в СССР через Польшу, а часть — через Румынию, имея задания по совершению на территории УССР ряда террористических актов.

При задержании у большинства обвиняемых изъяты револьверы и ручные гранаты».

Уже сам по себе список осужденных по этому делу обнаруживает всю лживость и бесосновательность такого обвинения. Из 37 осужденных 23 — это либо общеизвестные украинские писатели, молодые ученые, либо рядовые

культурные и общественные деятели (учителя, кооператоры).²⁵ Из них только М. М. Лебединец, который в самом начале советской власти работал в комиссариате иностранных дел и как дипломат, естественно, не раз официально бывал за границей, да 25-летний поэт Олекса Влызько, который также официально, с позволения и паспортом советской власти, кажется в 1929 году, недолго был в Германии, пересекали советскую границу. Никто другой из этой группы за рубежом никогда не был. Кроме этих 23 еще 7 осужденных были выходцами из западных областей Украины, которые до первой мировой войны принадлежали Австро-Венгрии, а после войны были присоединены к Польше, Чехословакии и Румынии. Эти люди действительно в разное время прибыли на Советскую Украину из-за границы. Но все они в основном просоветские деятели и прибыли в Советский Союз легально. Как пример дадим несколько биографических справок.

Юлиан Бачинский — род. в 1870 году. Член Украинской радикальной, а позднее один из основателей и теоретиков Украинской социал-демократической партии. Автор книг «Україна ірідента» (1895 г.), «Українська еміграція у США» (1914 г.) и других. Член Украинской Национальной Рады (1918 г.), посол Украинской Народной Республики в Вашингтоне. В конце двадцатых годов перешел на просоветские позиции и в начале тридцатых годов легально переехал на Украину.

Антон Крушельницкий — писатель, публицист, переводчик, педагог, активный деятель Украинской радикальной партии. Активный деятель в период революции 1917 года и возрождения украинской государственности. Министр просвещения в правительстве УНР 1919 года. Во второй половине 20-тых годов перешел на просоветские позиции, издавал во Львове большой журнал «Нові шляхи» и «Критика». В начале тридцатых годов переехал легально, по советской визе, на Украину со всей семьей — двумя сыновьями, Иваном и

25. 1) М. М. Лебединец, 2) Р. И. Шевченко, 3) В. О. Мисик, 4) В. И. Левицкий, 5) Г. М. Косынка, 6) Д. Н. Фальковский, 7) М. Г. Оксамит, 8) А. Г. Щербина, 9) И. П. Терещенко, 10) К. С. Буревий, 11) Л. Б. Ковалёв, 12) Д. И. Полевой, 13) И. О. Хоптяр, 14) П. Н. Борецкий, 15) Г. Н. Проценко, 16) К. И. Пивненко, 17) С. Я. Матяш, 18) А. К. Лященко, 19) Я. П. Блаченко, 20) А. Ю. Карабут, 21) В. В. Пятница, 22) А. И. Финицкий, 23) Влызько А. Ф.

Тарасом, с дочерью и женой — писательницей и известной актрисой.

О П. Дидушко (Гельмере) имеем ограниченные сведения. Давний и активный деятель Украинской радикальной партии. Во время Первой мировой войны, будучи офицером австрийской армии, оказался в плену у русских. Революцию 1917 года встречает как освобождение. Немедленно переезжает в Киев и принимает активное участие в украинской общественно-революционной и культурной жизни. В 1919 году, как член украинской делегации, возглавляемой проф. М. Грушевским, принимает участие в конгрессе Второго Интернационала. Тогда же возвращается на Украину и больше до дня ареста никогда не выезжает.

Р. Сказинский и А. Скрипа-Козловская тоже относились к просоветской интеллигенции Галиции и в конце 20-ых годов легально приехали на Советскую Украину.

Итак, даже в свете этих биографических данных утверждение «приговора» военной коллегии о том, что большинство этих лиц прибыло на Украину «имея задания по совершению на территории УССР ряда террористических актов» является абсурдным и никак не доказанным.

Семь человек²⁶, осужденных с этой группой, нам не известны. Не удалось установить, кто они и что делали. Но если бы эти люди действительно совершили какое-либо реальное преступление, то следственные органы наверняка бы об этом сообщили и не компрометировали бы себя выдумкой о переходе границы «с револьверами и ручными гранатами».

О провокационности этой амальгамы свидетельствует и такой факт: весной 1934 года арестовали трех молодых научных работников — Константина Пивненко, Гната Проценко и Сергея Матяша. Это были недавние аспиранты, коллеги автора этих строк в научно-исследовательском Институте им. Шевченко в Харькове. Кажется в начале ноября 1934 года, автор этих строк неожиданно встретил на улице Харькова К. Пивненко. Он рассказал, что арестовали их по чьему-то доносу. Обвинили в *намерениях* создать украин-

26. Сидоров П. И., Дмитриев Е. К., Богданович А. А., Бутузов И. М., Бутузов П. И., Ступин Г. К., Лукьянов-Свечезаров Л. И.

скую националистическую организацию и планировании террора. Поскольку в природе не существовало никаких фактов и доказательств, подтверждающих это, их после четырехмесячного следствия выпустили, но обязали покинуть Украину. И теперь они бегают по магазинам, покупают необходимые вещи и готовятся к выезду. Но не пришлось ни ему, ни его товарищам выехать. Выстрел 1 декабря решил их судьбу. Их тотчас же вновь арестовали. Теперь уже не нужны были ни доказательства, ни факты. Достаточно было доноса и предположения. Их сразу же присоединили к срочно смонтированной амальгаме — группе «белогвардейцев-террористов» и на основании приговора военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли.

Таким образом, из всего вышеизложенного, надеемся, ясно, что расстрел деятелей культуры (среди которых были десять известных украинских писателей) в Киеве в декабре 1934 года был следствием запланированного Сталиным «послекировского» массового террора, что киевская группа «белогвардейцев-террористов» в действительности никогда не существовала, а была искусственно создана следственными органами НКВД, что эта и подобные группы организаторам террора были нужны как дымовая завеса для массового и незаконного убийства людей, которым антинародный аппарат Сталина не доверял, и наконец, что убийство Кирова на романтической основе Сталин использовал в своих политических целях — для уничтожения оппозиции, всякого инакомыслия, для утверждения своей диктатуры.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОВЕТСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

В последнее время некоторые советские экономисты в поисках выхода из критической ситуации, в которой ныне находится «народное» хозяйство СССР, предлагают ограничить функцию различного рода промежуточных звеньев хозяйственного управления (министерств и ведомств) и усилить роль как непосредственных производителей (предприятий), так и центральной планирующей организации — Госплана.¹ В этой связи кажутся актуальными сегодня материалы дискуссии о Госплане в первые годы НЭПа. Госплан РСФСР был учрежден 22 февраля 1921 года декретом СНК как комиссия при Совете Труда и Оборона «для разработки единого общегосударственного плана на основе одобренного 8-м Всероссийским Съездом Советов плана электрофикации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана». Экономисты Громан, Базаров, Кондратьев и другие так наз. «буржуазные спецы» считали, что Госплан должен быть органом прогнозирования. Л.Троцкий полагал, что Госплан должен быть основным органом управления экономикой, который будет «увязывать» существующие тенденции и «вскрывать равнодействующую развития».

«Форум» предлагает вниманию читателей материалы из личного архива Троцкого, касающиеся проблем управления хозяйством.* (Ред.)

ПЛЕНУМУ Ц. К.

На 10-м съезде партии и на всероссийской партийной конференции намечены новые пути экономической политики. Необходимо, однако, констатировать, что осуществление намеченных директив в области непосредственной хозяйственной деятельности советских органов, проведение

1. См. доклад академика Т. Заславской «О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики», «Форум», N 5, 1983, сс. 127-156.

* Материалы из личного архива Троцкого публикуются с разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (США).

соответствующих декретов и усвоение широкой массой партийных и советских работников новых начал экономической политики — совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует ужасающее положение народного хозяйства. Одной из главных причин медленного проведения новой политики, а также той практической путаницы и идейной смуты, которые ею вызываются, является крайне несистематический характер разработки немеченных начал. В области хозяйства политика крупных поворотов, тем более внутренне несогласованных, совершенно недопустима. Отсутствие действительного хозяйственного центра, который следит за хозяйственной деятельностью, варьирует ее опыты, учитывает и обобщает результаты, практически объединяет все стороны хозяйственной деятельности, и таким образом, на деле вырабатывает внутренне согласованный хозяйственный план, отсутствие такого действительно хозяйственного центра приводит не только к тягчайшим для хозяйства потрясениям, как топливный и продовольственный кризисы, но и исключает возможность *планомерной внутренне согласованной разработки новых начал хозяйственной политики. Отсюда система толчков и контр-толчков, тяжело отдающихся вниз, на корнях нашего хозяйства.*

При новом курсе, как и при старом, главной задачей является восстановление и укрепление крупной национализированной промышленности. В организационном отношении эта первостепенной важности задача достижима только при установлении действительного единства управления. Постоянные столкновения хозяйственных, профессиональных и партийных органов, особенно по вопросам личных назначений и перемещений, способны были погубить самую здоровую промышленность; при нынешних условиях руководство государственным хозяйством есть на три четверти вопрос подбора и сочетания работников всех степеней ответственности. Эта работа может быть выполняема только при наличности единства воли в управлении национализированной промышленностью.

Промышленные предприятия будут, следовательно, в ближайший период разбиты на три группы: государственные,

находящиеся в определенных договорных отношениях с государством (производственные кооперативы, государственные управления на договоре и пр.) и сдаваемые в аренду на частно-капиталистических началах.

Взаимоотношение этих предприятий с государственными органами и учреждениями и предприятиями, особенно с железными дорогами, речным транспортом, РКИ и пр.и пр., станет неизбежно новым источником волокиты, придирок и злоупотреблений. Необходимо в этом отношении, с одной стороны, перенести инициативу и ответственность на места, а с другой стороны, обеспечить такую *работу центрального, хозяйственного аппарата, которая давала бы действительную и притом непрерывную регулировку хозяйственной жизни, активно устраняя бюрократические помехи и помогая установлению простейших взаимоотношений между зависящими друг от друга органами и предприятиями.*

При такого рода — единственно правильной — постановке задачи Госплана, он подлежит полной реорганизации в смысле состава и методов работы. Хозяйственный план не может быть выработан теоретически, он должен вырабатываться в процессе его практического осуществления. Это значит, что хозяйственный план может вырабатывать тот, кто его осуществляет. В этом отношении нынешнее положение Госплана исключает всякую возможность действительно планового руководства хозяйством. Совершенно очевидно, что СТО фактического непрерывного руководства хозяйством не осуществляет и осуществлять не будет. Задача СТО сводится к установлению основ хозяйственной политики, к общему наблюдению над хозяйственной работой и к практическому разрешению тех казусов, которые неразрешимы на других ступенях хозяйственной организации.

Хозяйственный план должен необходимо строиться вокруг крупной национализированной промышленности, как стержня. Вокруг этого стержня должен быть построен и Госплан. Кто практически руководит промышленной жизнью, тот должен идейно и организационно руководить выработкой, проверкой, регулировкой осуществления хозяйственного плана изо дня в день, из часу в час. При недостижении соглашения в Госплане вопрос переносится в СТО. Но по

общему правилу единство хозяйственного плана вырабатывается и обеспечивается в повседневной работе Госпланом под углом зрения крупной национализированной промышленности, как руководящего хозяйственного фактора.

7 августа 1921 г.

Троцкий.

ЗАМПРЕД СТО, ЗАМПРЕД СНК,
копия в секретариат Политбюро.

Важнейшие и неотложнейшие административно-организационные хозяйственные мероприятия у нас, по моей средней оценке, принимаются с запозданием на полтора-два года. Возможно, что срок для серьезного обсуждения и разрешения вопроса о плановом органе еще не подошел. Тем не менее, не считаю себя вправе отказаться от подготовительных соображений к его разрешению.

С переходом на новую экономическую политику важнейшим рычагом хозяйственного плана являются государственные финансы. Их распределение предопределяет хозяйственный план. Вне установления размеров эмиссии и вне распределения денежных средств между ведомствами нет и не может быть сейчас никакого хозяйственного плана. Между тем, насколько я мог судить, Госплан к этим основным вопросам не имеет никакого отношения. Потому ли, что план Госплана идет мимо хозяйственных задач нынешнего года? Потому ли, что Госплан ничего не может прибавить при обсуждении и разрешении этих вопросов? Какое бы из объяснений ни принять, совершенно очевидно, что мы имеем в корне ложную организацию.

Между малым Совнаркомом и Большим создана тройка в качестве препоны. Разумеется, препоны полезны, как полезны тормоза. Но никому еще не удавалось ездить на тормозе. Нужен рабочий механизм. Нужен активный распределительный и регулирующий аппарат. Где он? Каким образом могло случиться, что при обсуждении вопроса о распределении денежных средств и размерах эмиссии никто в Политбюро не вспомнил о Госплане? Что это значит? На партийном съезде один из осведомленных ораторов, чуть ли не т. Пятаков, сообщил, что из всех денег, ассигнованных на

промышленность, одна четверть была ассигнована специально на торф. Я не знаю, верно ли это, и, если верно, то чем вызвано. Во всяком случае, совершенно очевидно, что тройка не может в процессе рассмотрения текущих кредитов решить, сколько нужно на торф, сколько нужно на уголь и пр.

Тов. Цюрупа заявил, что Наркомфин режет графины пополам и таким путем наводит экономию. Другими словами, исходя из чисто эмиссионных соображений и свободный от контроля хозяйственной «материи» Наркомфин разрушает хозяйство и его органы. По заключению т. Цюрупы, возможно чрезвычайное сокращение бюджета без ломки графинов, а целесообразно. *Но целесообразно — это значит по плану.* Т. Цюрупе придется, очевидно, понаблюдать, чтобы и в других ведомствах смета сокращалась, но не в порядке публицистических налогов, а в порядке плана — *плана государственного хозяйства* — Госплана.

Через какой же орган можно это осуществить? Как приступить к этой работе без органа, который занимается согласованием и введением в известные рамки нынешнего нашего хозяйства, с заглядыванием хотя бы на несколько месяцев вперед?

Каким образом можно требовать исполнительности и правильной отчетности у отдельных ведомств и органов, если у них нет ни малейшей уверенности относительно того, как будет выглядеть завтрашний день? Как можно создать самую скромную устойчивость в работе без хотя бы грубого и приблизительного, хотя бы краткосрочного плана? Как можно создать план, хотя бы грубый и краткосрочный, без планового органа, не витающего в академических небесах, а непосредственно контролирующего, связывающего, регулирующего и направляющего наше хозяйство?

Очень может быть, что нынешний Госплан производит очень ценную работу. Но это не работа Госплана. Это работа Академического Совета при Госплане. Академический Совет ложно присвоил себе его наименование и этим вводит в заблуждение. А мы по каждому вопросу создаем бюджетную комиссию, экономическую комиссию, тройку и пр. и пр. и таким путем ведем хозяйство к дезорганизации, разрушению и дальнейшему упадку.

23 апреля 1922 г.

Л. Троцкий.

Ленин сначала отнесся к замечаниям Троцкого весьма критически. 5 мая 1922 г. он писал:

Насчет Госплана т. Троцкий не только в корне неправ, но и поразительно неосведомлен о том, о чем он судит. Госплан не только не страдает академизмом, а, совсем наоборот, страдает перегруженностью от чересчур мелкой, злободневной «вермишели». Тов. Кржижановский, по мягкости, слишком поддается просьбам тех, кто тянет его «помочь» сейчас же. Новый зампред Госплана, Пятаков, будет, я надеюсь, «построже» и посодействует избавлению Госплана от его недостатка, совершенно обратного недостатку «академизма».

...бумага т. Троцкого от 23. IV. 1922, адресованная замам с копией в секретариат Политбюро (вероятно, случайно опущена копия мне), содержит в себе, во-первых, чрезвычайно возбужденную, но глубоко неправильную, «критику» постановления Политбюро о создании финтройки (Сокольников и оба зама) как тормоза между Малым и Большим Совнаркомом. Направление такой критики замам никакой ни плановой ни вообще сколько-либо организованной госработе не соответствует.

Во-2-х, эта бумага содержит те же, в корне неправильные и диаметрально противоположные истине, обвинения Госплана в академизме, обвинения, доходящие до следующего, прямо таки невероятного по неосведомленности, заявления т. Троцкого: «Вне установления размеров эмиссии, — пишет он, — и вне распределения денежных средств между ведомствами нет и не может быть сейчас никакого хозяйственного плана. Между тем, *насколько я могу судить*, Госплан к этим основным вопросам *не имеет никакого отношения*».

Подчеркнутые слова заставляют меня только поставить вопрос: зачем же «судить» без осведомления? Осведомиться легко всякому члену Цека и всякому члену СТО. Осведомиться — значило бы узнать, что в Госплане есть финансово-экономическая секция, работающая именно над указанными вопросами. Недостатки в этой работе, конечно, есть, но их искать надо не в академизме, а как раз в обратном направлении.²

Однако уже через несколько месяцев Ленин меняет свое отношение к позиции Троцкого в вопросе о Госплане. В своем так наз. «Завещании» он пишет 27-29 декабря 1922 года специальный раздел «О придании законодательных функций Госплану» (впервые опубликован в советской прессе после XX съезда партии):

Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная невязка в системе наших законодатель-

2. В. И. Ленин, полное собр. соч., т. 45, сс. 181-182.

ных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько на стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он, как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах.

Однако мы исходили до сих пор из той точки зрения, что Госплан должен доставлять государству материал критически разобранный, а государственные учреждения должны решать государственные дела. Я думаю, что при теперешнем положении, когда государственные дела необыкновенно усложнились, когда приходится сплошь и рядом решать вперемежку вопросы, в которых требуется экспертиза членов Госплана, с вопросами, в которых таковая не требуется, и даже более того, решать дела, в которых некоторые пункты требуют экспертизы Госплана, вперемежку с такими пунктами, которые таковой не требуют, я думаю, что в настоящее время следует сделать шаг в сторону увеличения компетенции Госплана.

Я мыслю себе этот шаг таким образом, чтобы решения Госплана не могли быть опрокинуты обычным советским порядком, а требовали бы для своего перерешения особого порядка, например, внесения вопроса в сессию ВЦИКа, подготовки вопроса для перерешения по особой инструкции, с составлением, на основании особых правил, докладных записок для взвешивания того, подлежит ли это решение Госплана отмене, наконец, назначения особых сроков для перерешения вопроса Госплана и т. п.

В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т. п. Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее время вопрос личный...

Я замечал у некоторых из наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и в своем времени, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т. д....

Я думаю, что здесь одинаково вредно преувеличение «администраторства», как и всякое преувеличение вообще. Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны,

очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо...

Госплан, по-видимому, развивается у нас всесторонне в комиссию экспертов. Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной. Известная независимость и самостоятельность Госплана обязательна с точки зрения авторитета этого научного учреждения и обусловлена одним, именно добросовестностью ее работников и добросовестным стремлением их провести в жизнь наш план экономического и социального строительства.³

Сталин в своем письме о Госплане и Совете Труда и Обороне предлагает предоставить решающую роль в управлении хозяйством финансовым органам. Троцкий возражает:

С. секретно

В ПОЛИТБЮРО ЦЕКА.

(По поводу письма т. Сталина о Госплане и СТО).

1. В центре ряда моих письменных предложений, внесенных в ЦК, стоял вопрос о необходимости обеспечить правильное плановое руководство изо дня в день государственным хозяйством — под углом зрения, в первую голову, восстановления и развития государственной промышленности. Я утверждал, что органа, непосредственно ответственного за плановое руководство государственным хозяйством и способного по своим правам, обязанностям и составу осуществлять такое руководство, у нас нет. Я утверждал, что именно отсюда вырастает стремление нагромождать все новые и новые руководящие и объединяющие органы, которые в конце концов только мешают друг другу. Помимо Совнаркома и Президиума ВЦИК'а мы сейчас имеем: коллегия замов (тройка), СТО, Финкомитет, Малый Совнарком, Госплан. При этом вопросы сплошь да рядом переходят в ЦК (Секретариат, Оргбюро, Политбюро). Я считал, что эта множественность руководящих учреждений с неопределенными взаимоотношениями и распыленной ответственностью насаждает хаос сверху.

3. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, сс. 349-352

Т. Сталин предлагает теперь слить СТО, Коллегию заводов и Финкомитет. Это предложение, независимо от своей непосредственной практической ценности, является во всяком случае признаком нецелесообразности существования самостоятельной коллегии заводов и самостоятельного Финкомитета.

Когда я вносил в первый раз свое предложение о Госплане, как об объединяющем хозяйственном органе, я не мог, разумеется, оценить предложения т. Сталина, потому что это последнее внесено на два года позже моего предложения. При том чрезвычайно важное по существу предложение т. Сталина о реорганизации центральных органов вносится т. Сталиным *попутно, в порядке критики моих повторных предложений.*

2. Ошибочную сторону нашей хозяйственной политики последнего периода я видел в самодовлеющей постановке финансовых вопросов. Скачущий рубль не может быть регулятором хозяйства и потому финансовая диктатура сплошь да рядом вырождается в азартную спекуляцию за счет государственного хозяйства. Временно такая политика может давать фиктивные успехи. Но она неизбежно подготавливает свое собственное поражение.

Во главу угла я считал и считаю необходимым поставить интересы объединенной государственной промышленности — со всеми необходимыми оговорками — и равняться по интересам этой последней. Этим объясняется мое предложение председателя ВСНХ сделать председателем Госплана, дабы разработка всех плановых вопросов шла прежде всего под углом зрения интересов промышленности. Если бы перспектива была при этом нарушена, поправки могли бы идти сверху со стороны СТО. Проект т. Сталина исключает из СТО все ведомства, в том числе и ВСНХ, но оставляет там Наркомфин. Этим самым неправильное взаимоотношение между финансами и промышленностью находит в проекте т. Сталина новое организационное выражение.

3. Далее т. Сталин привлекает к этому организационному вопросу вопрос о личных назначениях. Это вынуждает и меня остановиться на этом вопросе. Совершенно верно, что через несколько недель после своего возвращения к работе, т. Ленин предложил мне занять место зама. Я на это ответил, что, если ЦК назначит, то, разумеется, как всегда подчинюсь

постановлению ЦК, но что буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений.

Причины, которые я развил в разговоре с т. Лениным, таковы:

а) Самое существование коллегии замов считаю вредным, так как, отрывая наиболее ответственных товарищей от определенных административных и административно-хозяйственных постов, коллегия замов создает для них неопределенное положение, при котором все они отвечают как бы за все и в то же время как бы ни за что. Считал и считаю, что необходимо и достаточно иметь постоянного зама по Совнаркому и может быть другого по СТО с правильным их взаимоотношением (СТО — комиссия Совнаркома).

б) Вторая причина, на которую я указал т. Ленину, — это политика Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро в советских вопросах. Последние два года были временем очень частых решений Оргбюро, Секретариата и Политбюро по вопросам, например, военным — решений, выносившихся фактически помимо заинтересованного ведомства и даже за его спиной (частые сокращения армии вместо обдуманных плановых сокращений, что приводило к чрезвычайной дезорганизации и к чрезвычайному увеличению расходов вещевого и продовольственного снабжения; такие же явления в бюджетной части, аналогичные явления в области личных назначений...). Все это совершенно нарушало возможность правильной работы, отбора и воспитания работников и сколько-нибудь правильного расчета и предвидения сколько-нибудь планового хозяйства. Естественно, если при таком положении, которое не было тайной ни для кого из ответственных работников военного ведомства, я не считал возможным брать на себя ответственность еще и за другие учреждения.

Т. Ленин ответил, что против моего желания он не станет предлагать назначить меня замом. Указав на то, что руководящий аппарат и подбор работников у нас действительно крайне плохи и что нам нужна особая авторитетная партийная комиссия для рассмотрения вопроса о более правильном подборе, воспитании и продвижении работников

и о более правильных организационных взаимоотношениях, т. Ленин предложил мне вступить в таковую, когда он более определенно обдумает ее функции и состав. Я с полной готовностью согласился. Больше, однако, т. Ленин до своего нового заболевания не поднимал вопроса об этой комиссии.

4. Т. Сталин, выдвигая проект о назначении меня замом (предложение, которое никогда не вносилось ни в Политбюро, ни в Пленум и никогда не обсуждалось в них), предлагает «отдать под специальную заботу» мою ВСНХ. Такая постановка вопроса, как указано выше, в корне неправильна. Под специальной заботой ВСНХ должен находиться у председателя ВСНХ. Роль специального «попечителя» только раздвигает ответственность и вносит неопределенность и путаницу в ту область, где важнее и ценнее всего определенность и ясность. Нам нужно правильное практическое согласование работы хозяйственных ведомств, а вовсе не двухэтажное руководство каждым из них в отдельности.

Примечание: Совершенно неверно, будто бы предложение т. Сталина есть предложение т. Ленина, как говорится в пункте 4. Т. Ленин предложил мне взять под свое наблюдение именно *не* хозяйственные ведомства, в первую голову, Наркомпрос.

5. Без объединяющего плана и объединенного руководства никакая хозяйственная работа невозможна. План должен быть не академическим, а практическим. Отделить план и наблюдение за исполнением невозможно. Наш плановый орган — Госплан; высшие органы (СТО, Совнарком, Финкомитет, коллегия замов, ЦК) вынуждены либо полагаться на Госплан, либо импровизировать и создавать бесчисленные комиссии. Единственный выход из положения прибрать Госплан к рукам, т.е. дать в его состав для постоянной текущей работы ответственных работников, комбинируя их в надлежащем сочетании со спецами. Нужно, чтобы высшие учреждения получали от Госплана доброкачественный материал, хорошо разработанный, просмотренный, согласованный и при том, само собой разумеется, под советским, коммунистическим углом зрения.

При таком, правильно действующем Госплане вверх будут восходить только крупные принципиальные вопросы, требующие законодательного решения или принципиального нового направления.

Для аналогии скажу, что Госплан будет играть роль штаба, а СТО роль Реввоенсовета.

15 января 23 г.

Л. Троцкий

Официально зарегистрирована
АССОЦИАЦИЯ «А - Я»
В задачи Ассоциации входит:

Продолжение выпуска журнала «А-Я» (издается с 1979 года),
организация выставок русских художников,
издание каталогов, книг по искусству, открыток...

Ассоциация обращается с призывом о помощи ко всей русской общественности, ко всем, кому дорого дело русской культуры.

БАНКОВСКИЙ СЧЕТ АССОЦИАЦИИ «А-Я»:

8962-50266 V

CREDIT LYONNAIS, 25 avenue de Forez - 78310, MAUREPAS.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей Максудов

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ДИСКУССИИ*

В 30-м номере журнала «Континент» Святослав Караванский опубликовал статью «Сахаров и Си-Би-Эс». В «Континенте» №38 было напечатано письмо ленинградского инженера Э. Орловского, содержащее ряд критических замечаний к этой статье. В юбилейном 40-м номере Караванский обрушивается на автора негодившей ему критической рецензии и допускает при этом новые передержки и просто ошибки. Понимая, что ленинградцу не так просто познакомиться с письмом Караванского и еще труднее ответить ему, я считаю своим долгом сделать это за него.

Инженер упрекнул С. Караванского в том, что он использовал неудачные примеры нарушения Советским Союзом международных договоров. Действительно, из шести приведенных Караванским примеров, четыре оказались неточными. Факт этот сам по себе поразителен. СССР нарушил столько международных соглашений, что, если бы С. Караванский выбирал их наугад, он оказался бы прав в четырех случаях из пяти. Прийти к противоположному результату можно лишь при очень высокой неосведомленности.

Обвинения в некомпетентности больше всего и раздражают Караванского. Чтобы обелить себя, он прячется за спину журнала, усматривая «замаскированную попытку

* Письмо С. Максудова было направлено в «Континент», однако редакция журнала, на страницах которого проходила дискуссия между С. Караванским и Э. Орловским, отказалась это письмо опубликовать.

прямых оппонентов журнала дискредитировать авторов „Континента”, изобразить их „некомпетентными”, пишущими „домыслы”, искажающими факты, плохо владеющими языком». Другим приемом, к которому прибегает Караванский, является постоянное напоминание, что позиция его оппонента либо инспирирована КГБ, либо совпадает с утверждениями «Правды». Кроме этих, вряд ли нуждающихся в рассмотрении аргументов, Караванский приводит новые доказательства, а также, в свою очередь, пытается обнаружить погрешности в письме инженера.

Содержательный пример в письме С. Караванского, собственно говоря, один. Ленинградец считает, что «применение Советским Союзом химического оружия в Афганистане, как известно, пока не доказано». Караванский отмечает, что «для Конгресса и президента США факт применения химического оружия в Афганистане не подлежит сомнению.» Во-первых, следует заметить, что президент или Конгресс США не есть некая высшая инстанция, решающая подобные вопросы. Здесь больше бы подошел международный суд или международная комиссия из стран, подписавших конвенцию о неприменении химического оружия. Совсем не все решения Конгресса США можно признать удовлетворительными, достаточно напомнить резолюцию, в которой русский народ не упомянут в перечне угнетенных наций СССР. Но главное, позиция Конгресса определяется не решениями комиссий или выступлениями с его трибуны, а голосованием. После этого становится известным, что «подлежит сомнению», а что «сомнению не подлежит». Например, Конгресс проголосовал недавно против минирования портов Никарагуа, а вот резолюции, о том, что СССР применяет в Афганистане оружие Конгресс не принимал. Поэтому говорить, что для него этот факт не подлежит сомнению, по крайней мере неосторожно.

Столь же субъективно утверждение Караванского, что его оппонент «упоминает ряд мало актуальных сегодня нарушений Союзом ССР своих договоров, а также нарушений некоторых менее значительных конвенций». Вместо четырех неточных примеров лениградец перечислил 25 международных договоров и соглашений, нарушенных СССР. Почему же договор с Францией 1935 года о взаимопомощи сегодня

актуален, а захват Прибалтики, присвоение Курильских островов, отторжение территорий от Афганистана и Ирана актуальность утратили? Только по одной причине — первый аргумент принадлежит Караванскому, прочие — его оппоненту. Почему конвенции о свободе профсоюзного движения или о запрещении использования принудительного труда малозначительны? К сожалению, причина все та же.

Должен отметить, что хотя проблема нарушения СССР международных соглашений изучена на Западе неплохо, крошечное письмо ленинградца содержит не просто пересказ общеизвестного, а добавляет новые интересные подробности. Так в фундаментальном исследовании, выполненном по заказу американского правительства, перечисляются свыше тысячи нарушенных Советским Союзом международных договоров (*Soviet Political Agreements and Results*, U. S. Government Printing Office, Washington, 1964). В этой работе говорится, что район г. Кушки отошел от Афганистана к СССР 14 июня 1946 года. Из заметки инженера мы узнаем, что в действительности договор с Афганистаном был нарушен за 25 лет до этого, а в 1946 году последовало лишь формальное согласие афганского правительства на эту аннексию, то есть произошло урегулирование конфликта.

Следует подчеркнуть, что стремление к точности, научной обоснованности — это отнюдь не прихоть ленинградского инженера и не хитроумный способ выгородить СССР. Напротив, лишь надежная информация может успешно противостоять дезинформации и лжи, и один факт ценнее ста домыслов и предположений.

Несправедливо и утверждение Караванского, что его оппонент не знает даты подписания советско-чехословацкого договора. По счастью, я могу определенно утверждать, что в самиздатском экземпляре письма стояла верная дата — 1935 год, а опечатка возникла где-то при последующем копировании и подготовке текста к публикации. Неточности такого рода свидетельствуют не об ошибках автора, а всего лишь о плохой работе корректора. Увы, они — не такая уж большая редкость. Например, Караванский приводит цитату из ленинградского автора: «Договор с Францией 1934 года тоже трудно считать нарушенным...» («Континент» 40). В письме же инженера сказано: «Договор о взаимной помощи с

Францией 1935 года тоже трудно считать нарушенным...» («Континент» 38). Мало вероятно, что Караванский не сумел правильно переписать десять слов и одну цифру, скорее всего мы и здесь имеем дело с типографской опечаткой.

В заключение я позволю себе остановиться еще на одном очень важном вопросе. В упомянутой выше статье С. Караванского «Сахаров и Си-Би-Эс» ошибочны не только примеры, отмеченные ленинградцем, но и главный ее тезис, заключающийся в том, что западные корреспонденты Тони Остин, Кевин Клоуз, Майкл Биньян во время передачи Си-Би-Эс «старались поддержать дезинформацию советских демагогов». Это очевидная ложь. Я, как и многие эмигранты в США, видел эту передачу. Корреспонденты спорили с советскими деятелями, опровергали их аргументы. Правда, спорили по западному вежливо и достойно. Не все их утверждения были, на мой взгляд, удачно сформулированы, с некоторыми мыслями трудно согласиться, но говорить о дезинформации, о поддержке советских демагогов просто нелепо. Имена этих людей достаточно хорошо известны. Их позиция, их отношение к советскому режиму видны из корреспонденций, публиковавшихся на Западе в течение нескольких лет. Можно напомнить, что Кевин Клоуз был единственным журналистом, сумевшим попасть к Сахаровым, когда их квартиру блокировала милиция. Он получил интервью у Андрея Дмитриевича из Горького. Наконец, из недавно опубликованной книги Клоуза «Россия и русские» американский читатель впервые достаточно подробно узнал о жизни семьи Сахаровых-Боннэр. Поэтому обвинение в «распространении тоталитарной дезинформации», прозвучавшее со страниц «Континента», противопоставление взглядов Клоуза и других названных в заметке Караванского журналистов позиции академика Сахарова несправедливо.

Таким образом, и статья Святослава Караванского и его письмо, мягко говоря, недостоверны.

Борис Вайль.

К СТАТЬЕ К. ЛЮБАРСКОГО «ЗАМЕТКИ О НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ»

В каком направлении пойдет дальнейшее внутреннее развитие в СССР? Наступил ли какой-то качественно новый этап в истории правозащитного движения? Разгромлено ли оно или только переживает последствия очередного удара, сильного, но не смертельного?

На страницах «Форума» помещалось немало материалов на эту тему. Последний раз в № 6 Кронид Любарский в своей статье «Заметки о недалеком будущем» высказал ряд соображений и, среди прочих, следующее:

«...правозащитное движение разгромлено? Нет! Правозащитное движение перестало существовать? К сожалению, я думаю — да... Уже сейчас кто-то нам неведомый и пока невидный приходит нам на смену».

Кто же этот «неведомый»?

Согласно Любарскому, сейчас происходит поляризация советского общества и поляризация оппозиции.

«Первый полюс — это новосоциалистическая мысль, базирующаяся на единственном доступном в СССР источнике — классиках социалистических, в первую очередь марксистских, идей... Второй полюс — это идея русско-православного авторитаризма».

На мой взгляд, К. Любарский слишком уж драматизирует ситуацию. «Новосоциалистическая мысль» («истинный ленинизм», «неомарксизм», «социализм с человеческим лицом» и т. д.) — явление не новое, она существовала в том или ином виде на протяжении всей советской истории, особенно проявив себя после смерти Сталина и 20-го съезда. В 70-е годы она практически слилась с правозащитным движением и является ныне аналогом западной социал-демократии,

«демократического социализма» (по ряду причин я не включаю в это течение Роя Медведева). Эта оппозиция довольно слабая, но в условиях демократии у нее есть будущее. И я совсем не согласен с К. Любарским, когда он говорит, что «овладев массами» эта идея «грозит опасностью сползания на проторенный путь... и повторного скатывания в ту яму, из которой так хочется выбраться». Я уверен, что это будет не «яма», а «социализм», например, скандинавского типа.

Что касается второго полюса — «русско-православного авторитаризма», то это течение не является единым. Есть множество течений внутри него, и есть множество оттенков, есть Шиманов и есть либеральные почвенники. Есть религиозность без политики и есть национализм без религии (аналогичные различия, наверное, существуют и в украинском национальном движении, и в литовском...) Будучи, как и социалистическая оппозиция, явлением прежде всего интеллигентским, эта оппозиция может иметь много сторонников в обществе, причем во всех его слоях.

На мой взгляд, нельзя отказываться от союза с ней. Но надо поддерживать либеральные и демократические элементы в ней, а что касается представителей не-демократических тенденций, то прав Б. Шрагин:

«У демократов есть с ними общие цели; известную часть пути — пока что исторически достаточно долгую — нам идти с ними вместе» («Форум», №2, стр.40. В том же номере высказывание С. Пирогова о «необходимости диалога... внутри независимо мыслящих элементов общества»).

«На хозяйственных сумках, на футболках — иностранные надписи. Джинсы с разноцветьем иностранных флагов. Больше того, иные ростовские парни носят форму морской пехоты США с погонями и нашивками.» (Письмо читателя из Ростова, газета «Советская Россия» от 18 июля 1984 г.)

Сознание рядового советского человека — чудовищная смесь порой самых противоположных идеологических представлений.

Можно вполне допустить, что у ростовского парня, щеголяющего в форме американской морской пехоты, на груди висит православный крестик, а еще у него есть портрет И.В. Сталина. По вечерам он слушает поп-музыку. Не

доверяет газетам, евреям и инженерам. Пойдет, если потребуют, воевать в Афганистан. Перебежит на Запад, если удастся. Стихийно он стоит за равенство, но против демократии (мало чего о ней зная).

Нет полюсов в этом общественном сознании, и нет поляризации в советском обществе.

Вообще, поляризация общества — это предпосылка гражданской войны. Слава богу, гражданской войной там не пахнет.

Но возможны сильные напряжения между центральной властью и национальными республиками. В этом смысле я согласен с К. Любарским, что «национальная оппозиция представляет сейчас главную опасность для режима. Отказаться от союза с ней — значит неосознанно укреплять режим». Но сюда можно также включить и *русскую* национальную оппозицию, *если* она захочет покончить с официальной имперской политикой и, разумеется, с антинародной политикой Кремля вообще (участники июльского, 1944 года, заговора против Гитлера, — не руководствовались ли они национальными интересами немецкого народа, как они их себе представляли?)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *М. Болховской.* Диалектика и демократия.
- 59 Тоска по несвободе (*Из писем эмигрантов*).
- 77 *Михайло Михайлов.* Почему и как меня отлучили.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 89 *Г. Салова.* Советские политзаключенные сегодня: виды репрессий и места отбывания наказаний.

Валерий Марченко

- 103 Убийство журналиста (*Заявление ЗП Украинской хельсинкской группы*).
- 105 *В. Марченко.* Письмо к матери.
- 107 *Заявление Госдепартамента и Президента США в связи со смертью Валерия Марченко.*

Юрий Литвин

- 109 *Заявление Госдепартамента США в связи с гибелью Юрия Литвина.*
- 111 *Ю. Литвин.* Правозащитное движение на Украине, его принципы и перспективы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 120 *Элизабет Маркштайн.* Русские националисты.
- 134 Межнациональные конфликты в Закавказье (*Из материалов грузинского Самиздата*).
- 154 *И. Клейнер.* Русско-украинско-еврейский треугольник в СССР и... в Израиле.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ —
ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

175 *Максудов. Иосиф.*

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

180 *М. Герман.* Кто и как готовил убийство Римского Папы.

ИСТОРИЯ

192 *С. Резник.* Большевики и эсеры: борьба за власть.

205 *Г. Костюк.* Украинское эхо убийства Кирова.

220 *Архив советской истории:* Лев Троцкий об
управлении советским хозяйством.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

232 *С. Максудов.* По поводу одной дискуссии.

236 *Б. Вайль.* К статье К. Любарского «Заметки о недалеком будущем.»